

ISSN 2409-336X

9 772409 336004

2 4 0 0 1

В Е С Н І К

Магілёўскага дзяржаўнага
ўніверсітэта
імя А. А. Куляшова

НАВУКОВА-МЕТАДЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выдаецца са снежня 1998 года

Серыя А. ГУМАНІТАРНЫЯ НАВУКІ
(гісторыя, філасофія, філалогія)

Выходзіць два разы ў год

1 (63)
2024

Галоўная рэдакцыйная калегія:

д-р гіст. навук прафесар Д. С. Лаўрыновіч (галоўны рэдактар)
д-р экан. навук прафесар Н. У. Макоўская (нам. галоўнага рэдактара)
д-р гіст. навук прафесар Я. Р. Рыер (старшыня рэдакцыйнага савета серыі А)
канд. гіст. навук А. І. Галавач (адказны сакратар)

Гісторыя:

д-р гіст. навук прафесар Д. У. Дук (Магілёў)
д-р гіст. навук прафесар К. М. Бандарэнка (Магілёў)
д-р гіст. навук прафесар І. А. Марзалюк (Мінск)

Філасофія:

д-р філас. навук прафесар М. І. Вішнеўскі (Магілёў)
д-р філас. навук прафесар Г. А. Круглова (Мінск)
д-р філас. навук прафесар В. В. Плябанек (Санкт-Пецярбург, Расія)
д-р філас. навук прафесар С. М. Астапаў (Растоў-на-Доне, Расія)
канд. філас. навук дацэнт В. У. Старасценка (Магілёў)
канд. філас. навук дацэнт А. В. Дзячэнка (Мінск)

Філалогія:

д-р філал. навук дацэнт Н. В. Якавенка (Мінск)
д-р філал. навук прафесар Т. М. Валынец (Мінск)
канд. філал. навук дацэнт Т. Р. Міхальчук (Магілёў)
канд. філал. навук дацэнт А. С. Лаўшук (Магілёў)
канд. філал. навук дацэнт А. А. Балтоўская (Магілёў)

*Навукова-метадычны часопіс “Веснік Магілёўскага дзяржаўнага
ўніверсітэта імя А. А. Куляшова” ўключаны ў РІНЦ
(Расійскі індэкс навуковага цытавання),
ліцэнзійны дагавор № 811-12/2014*

АДРАС РЭДАКЦЫІ:
212022, Магілёў, вул. Касманаўтаў, 1,
vesnik_mdu@mail.ru

**MOGILEV STATE
A. KULESHOV UNIVERSITY
BULLETIN**

THEORETICAL-SCIENTIFIC JOURNAL

Founded in December 1998

Series A. HUMANITIES
(History, Philosophy, Philology)

Published twice per year

**1 (63)
2024**

Editorial Board:

Lavrinovich D. S., Chief Editor, Doctor of Historical Sciences, Professor,
Makovskaya N. V., Deputy Chief Editor, Doctor of Economic Sciences, Professor
Riyer Y. G., Chairman of the Editorial Committee (Series A),
Doctor of Historical Sciences, Professor
Golovach E. I., Executive Secretary of the Editorial Board, Ph.D.

History:

Duk D. V., Doctor of Historical Sciences, Professor (Mogilev)
Bondarenko K. M., Doctor of Historical Sciences, Professor (Mogilev)
Marzaliuk I. A., Doctor of Historical Sciences, Professor (Minsk)

Philosophy:

Vishnevsky M. I., Doctor of Philosophical Sciences, Professor (Mogilev)
Kruglova G. A., Doctor of Philosophical Sciences, Professor (Minsk)
Plebanek O. V., Doctor of Philosophical Sciences, Professor (St. Petersburg, Russia)
Ostapov S. N., Doctor of Philosophical Sciences, Professor (Rostov-na-Donu, Russia)
Starostenko V. V., Ph.D., Associate Professor (Mogilev)
Dyachenko O. V., Ph.D., Associate Professor (Minsk)

Philology:

N. V. Yakovenko, Doctor of Philological Sciences, Associate Professor (Minsk)
Volynets T. N., Doctor of Philological Sciences, Professor (Minsk)
Mikhalchuk T. G., Ph.D., Associate Professor (Mogilev)
Lavshuk A. S., Ph.D., Associate Professor (Mogilev)
Boltovskaya E. A., Ph.D., Associate Professor (Mogilev)

Theoretical-scientific journal
“Mogilev State A. Kuleshov University Bulletin”
is included in the bibliographic database
“Russian Science Citation Index”,
License agreement № 811-12/2014

The editorial board address:
212022, Mogilev, Kosmonavtov Str., 1,
vesnik_mdu@mail.ru

З М Е С Т

<i>ЛАВРИНОВИЧ Д. С.</i> Выборы и деятельность депутатов от Минской губернии в IV Государственной думе	7
<i>SHUTKOVA N. P.</i> Plot Compositions of Stove Sets of the Mogilev Dnieper Region of the XVI – XVIII Centuries	16
<i>ЦУМАРЕВА Е. П.</i> Личность чиновника Виленского цензурного комитета (1844 г.)	23
<i>БЕЛЯЕВА Г. Н.</i> Материалы «Русского провинциального некрополя» в контексте развития историографии и источниковедения Беларуси	29
<i>ГОЛОВАЧ Е. И.</i> Деятельность либеральных и правых партий по решению проблемы алкоголизма в Государственной думе третьего созыва (1907–1912 гг.)	34
<i>МОТОРОВА Н. С.</i> Антиалкогольная кампания в белорусских губерниях в годы Первой мировой войны	39
<i>МЕЛЬНИКОВА А. С.</i> И. Я. Неклепаев: общественно-политическая деятельность в Могилеве в 1917 году	44
<i>ПЕЦЮКЕВИЧ Т. У.</i> Проблема городского землеустройства в БССР у перыяд НЭПа (1921–1928 гг.)	49
<i>ГАРМАТНЫ В. П.</i> Дзейнасць КПЗБ на тэрыторыі Пружанскага павета Палескага ваяводства ў 1920–1930-я гг.	54
<i>ТЮТЮНКОВ А. Н.</i> Восприятие населением Быховского района Могилевской области общественно-политических и экономических преобразований начала 1930-х годов (на примере сводок ОГПУ 1932 года)	60
<i>ПИНЧУК Д. Н.</i> Слуцкая Троицкая архимандрия в церковно-административной структуре Российской православной церкви 1721–1785 гг.	64
<i>БОБКО Т. В.</i> Метакоммуникативная организация диалога в русско- и белорусскоязычном интернет-пространстве	69
<i>БОЛТОВСКАЯ Е. А.</i> Конкуренция дублетных форм родительного падежа множественного числа имён существительных	75
<i>ПАПЕЙКО А. А.</i> Лексический репрезентант концепта <i>ЖИЗНЬ</i> в поэтическом дискурсе М. И. Цветаевой: субстантивные метафоры	81
<i>ДЕРЮЖИН Р. В.</i> Ведомственная пресса экономических органов Советской Социалистической Республики Белоруссии и Литовско-Белорусской ССР	86
<i>ИВАНОВ Е. Е.</i> Терминология экономического медийного дискурса в функциональном аспекте	91

CONTENTS

LAVRINOVICH D. S. Elections and Activities of Deputies from Minsk Governorate in the Fourth State Duma	7
SHUTKOVA N. P. Plot Compositions of Stove Sets of the Mogilev Dnieper Region of the XVI – XVIII Centuries	16
TSUMARAVA A. P. The Identity of the Official of the Vilna Censorship Committee (1844)	23
BELYAEVA G. N. Materials of the ‘Russian Provincial Necropolis’ in the Context of the Development of Historiography and Source Studies of Belarus	29
GOLOVACHE I. Activities of Liberal and Right-Wing Parties to Address the Problem of Alcoholism in the State Duma of the 3 rd Convocation (1907–1912)	34
MOTOROVAN S. Anti-Alcohol Campaign in the Belarusian Provinces during the First World War	39
MELNIKOVA A. S. I. Ya. Neklpaev: Social and Political Activities in Mogilev in 1917	44
PETSIUKEVICH T. U. The Problem of Urban Land Management in the BSSR during the NEP Period (1921–1928)	49
HARMATNY V. P. Communist Party of Western Belarus on the Territory of Pruzhany District of Polesie Voivodeship in the 1920–1930s	54
TYUTYUNKOV A. N. Perception of Socio-Political Transformations of the Early 1930s by the Population of Bykhov District of Mogilev Region (Based on OGPU Reports in 1932)	60
PINCHUK D. N. Slutsk Trinity Archimandry in the Church-Administrative Structure of the Russian Orthodox Church in 1721–1785	64
BOBKO T. V. Metacommunicative Organization of Dialogue in Russian and Belarusian Internet Space	69
BOLTOVSKAYA E. A. Competitiveness of Doublet Forms of the Genitive Case of Plural Nouns	75
PAPEIKO A. A. Lexical Representative of the Concept of Life in the Poetic Discourse of M. I. Tsvetayeva: Substantive Metaphors	81
DERYUZHIN R. V. Departmental Press of Economic Bodies SSRB and Litbel	86
IVANOV E. E. Terminology in Economic Media Discourse: Functional Aspect	91

ГІСТОРЫЯ, ФІЛАСОФІЯ, ФІЛАЛОГІЯ

УДК 329.12(=161.1)(476)«1912/1917»

ВЫБОРЫ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДЕПУТАТОВ ОТ МИНСКОЙ ГУБЕРНИИ В IV ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ

Д. С. Лавринович

доктор исторических наук, профессор

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

В статье раскрываются особенности избирательной кампании в Минской губернии в IV Государственную думу. Раскрыты социальные, национальные и политические характеристики депутатов. Большинство из них представляли среднее крестьянство и помещиков, в т. ч. крупных землевладельцев-дворян, православное духовенство. В национальном плане депутаты относили себя к русским или белорусам, рассматривая последних как часть единого русского народа (наряду с великороссами и малороссами). Другие значительные национальные группы (евреи, поляки) своих представителей от Минской губернии в Государственной думе четвертого созыва не имели. Депутаты придерживались умеренно консервативных взглядов, большинство из них вошли во фракцию русских националистов. В Думе представители Минской губернии работали в многочисленных комиссиях, выступали по вопросам, связанным с особенностями социально-экономической и национально-конфессиональной ситуации в западных губерниях Российской империи. В 1915 г. часть депутатов вступила в Прогрессивный блок.

Ключевые слова: избирательная кампания, Государственная дума, Минская губерния, депутаты, социальный статус, Всероссийский национальный союз, Первая мировая война.

Введение

Динамика общественно-политической жизни Российской империи в начале XX в. в значительной мере была вызвана участием различных политических сил в выборах Государственной думы. В регионе с многонациональным и поликонфессиональным составом населения, каковой была Минская губерния, избирательные кампании имели особенности по сравнению с центральными губерниями Российской империи.

В советской историографии затронуты проблемы частично рассматривалось А.А. Ва-

Статья подготовлена в рамках Гранта Президента Республики Беларусь в сфере науки на 2024 г.

© Лавринович Д. С., 2024

силевским [1]. Политическую борьбу в Беларуси и деятельность депутатов от белорусских губерний в Государственной думе исследовал Я. Запрудник [2; 3]. В работах Н.М. Забавского раскрываются политические позиции депутатов, деятельность политических партий и групп, их органов печати в связи с выборами и работой Думы [4; 5]. Выборы, региональное представительство, деятельность представителей национальных элит в Государственной думе анализируются в работах Р.А. Циунчика и других российских авторов [6; 7]. Р. Юрковский изучает участие в избирательном процессе польского дворянства [8]. Важной вехой на пути изучения истории российского парламентаризма является издание энциклопедии по истории Государственной думы [9]. В ней есть биографические статьи о депутатах от Минской губернии.

Основная часть

Либеральные силы в Минской губернии были представлены сторонниками Конституционно-демократической партии и «Союза 17 октября». Кадетским руководством были выработаны специальные рекомендации по действиям местных групп во время выборов, озвученные П.Н. Милюковым на заседании Санкт-Петербургского городского комитета КДП. Учитывая национальное соперничество в общественно-политической жизни в западных губерниях Российской империи, лидер конституционных демократов рекомендовал местным партийным группам не выступать во время избирательной кампании исключительно под кадетским знаменем. По его мнению, в белорусских губерниях от землевладельцев на выборах лучше было выставить прогрессивно настроенных земских деятелей, которых могли поддержать избиратели разных национальностей. «... Так как имя прогрессиста гораздо слабее звучит, чем кадет, то и в соглашении с ними неустойчивые, противные нам элементы будут вступать гораздо охотнее. В Думе же мы всег-

да сумеем сговориться, хотя и будем носить разные клички», – полагал П.Н. Милюков [10, л. 25 об. – 26 об.]. На кадетов ориентировалось и еврейское население Минской губернии.

К концу работы III Государственной думы минские октябристы оказались правее ЦК своей партии. В конфликте А.И. Гучкова с П.А. Столыпиным, спровоцированным временным роспуском Думы в марте 1911 г., они поддержали председателя Совета министров. В дальнейшем минчане решили полностью разорвать отношения с ЦК и перейти в новую проправительственную партию – Всероссийский национальный союз (ВНС). В мае 1911 г. на базе Минского отдела «Союза 17 октября» открылся отдел ВНС, председателем которого стал бывший лидер минских октябристов, преподаватель Минской духовной семинарии Д.В. Скрынченко [11, с. 2]. Численность отдела составляла 193 человека. В основном они представляли православную интеллигенцию и служащих Минска. Кроме губернского центра отделы ВНС были образованы в Борисове, Бобруйске и Мозыре [12, с. 92]. Поскольку у руководителей Минского отдела ВНС были личные напряжённые отношения с губернатором Я.Е. Эрдели, последний оказывал поддержку не им, а лидеру Борисовского отдела ВНС Б.Н. Самойленко, который одновременно являлся председателем Минской губернской земской управы.

Из правых партий в Минской губернии действовали Всероссийский Дубровинский Союз русского народа (ВДСРН) и Русский народный союз имени Михаила Архангела (РНСМА). Отделы ВДСРН существовали в Минске, Пинске, Барановичах, Лунинце [13, с. 123]. РНСМА имел отделы в Минске и Барановичах [13, с. 123].

Польские землевладельцы группировались вокруг Минского общества сельских хозяев, председателем которого был крупный помещик, уважаемый в губернии общественный деятель и меценат, член Государственного совета Э. Войнилович.

Таким образом, особенностью избирательной кампании в Минской губернии было сочетание элементов конкуренции как между политическими партиями, так и национальными группами.

В сентябре 1912 г. начала выходить «Минская русская газета», в которой была напечатана предвыборная платформа местных либералов. Она включала в себя положения о неприкосновенности личности, свободе совести, слова, союзов, собраний и стачек, равенстве всех граждан перед законом, отмене сословных

привилегий и смертной казни, независимо-сти судов, всеобщем бесплатном образовании, полной политической амнистии. По аграрному вопросу предполагалось принудительное отчуждение частновладельческих земель. По национальному – «удовлетворение потребностей национальных меньшинств в сохранении своего своеобразия». Предполагалась также коренная реформа государственного строя: всеобщее избирательное право в органы местного самоуправления, отмена «Положения об усиленной и чрезвычайной охранах», ликвидация Государственного совета и создание ответственного перед Государственной думой правительства (либо «правительства доверия») [14].

Кандидатом в депутаты от либералов был выдвинут адвокат И.И. Метлин. Во втором номере «Минской русской газеты» он опубликовал свою предвыборную платформу, которая включала пункты о борьбе за всеобщее избирательное право, гражданские свободы и равноправие, введение всеобщего образования [15]. Позиции И.И. Метлина были близки программе Конституционно-демократической партии.

Правительство Российской империи было заинтересовано в победе кандидатов от правых партий и организаций. С целью консолидации проправительственных сил в Минск из Санкт-Петербурга был направлен один из лидеров фракции русских националистов и умеренно правых в III Государственной думе В.А. Бобринский. 29 марта 1912 г. в помещении Минского русского общественного собрания (МРОС) он прочитал лекцию «Наше русское национальное дело. Выборы в IV Думу. Наши враги и союзники». На собрании присутствовали руководители Минской губернии: губернатор Я.Е. Эрдели, губернский предводитель дворянства А.С. Долгово-Сабуров, минский уездный предводитель дворянства С.Н. Сорнев. Также участниками собрания были епископ Слуцкий Иоанн, депутаты III Государственной думы от Минской губернии – богатый помещик Г.А. Лашкарев (входил во фракцию правых) и священник С.И. Соловьевич (входил во фракцию русских националистов и умеренно правых) [5, с. 187].

Но, в отличие от либералов, минские правые не смогли создать единую организацию для проведения выборов. Конкурирующими центрами выступили минский губернатор Я.Е. Эрдели, которого поддерживал епископ Слуцкий Иоанн, и Минский отдел Всероссийского национального союза, руководители которого Д.В. Скрынченко и И.Д. Чигирев, быв-

ший полицейский надзиратель, находились в давнем конфликте с местной властью.

В марте 1912 г. в Минске прошел съезд правых организаций. На нем был создан Русский предвыборный комитет и утвержден его руководитель – слуцкий епископ Иоанн. В начале июня он организовал в губернском центре предвыборное собрание, на котором, по сути, произошел «смотр» сил. В собрании участвовали представители Союза русского народа, Борисовского отдела Всероссийского национального союза и Минского православного народного братства во имя Животворящего Креста Господня [5, с. 188–189]. 23 июня полномочия епископа Иоанна были подтверждены Св. Синодом, который официально утвердил его в качестве председателя минского губернского предвыборного комитета. Епископ мог контролировать избирательную кампанию всех правых и консервативных партий, а также обществ на территории Минской губернии. Русский комитет призвал все монархические группы сплотиться вокруг лозунга «Православие, самодержавие, русская народность и неделимая Русь». К нему примкнули губернский отдел Союза русского народа, железнодорожный отдел Русского народного союза имени Михаила Архангела, Борисовский отдел Всероссийского национального союза, православные братства и уездные русские дворянские организации. Кроме епископа Иоанна, в руководящее ядро объединения вошли губернатор Я.Е. Эрдели и председатель губернской земской управы Б.Н. Самойленко (русский националист) [16]. Кандидатом в депутаты от города Минска были выдвинут С.Н. Сорнев и представитель Союза русского народа А. Глинка [5, с. 189].

На собраниях комитета была определена тактика в предстоящих выборах. Решено было ни в коем случае не блокироваться с «инородцами» и либералами. Даже по отношению к октябристам было признано, что союз с ними невозможен: к совместному голосованию могли быть допущены только отдельные члены «Союз 17 октября» [17]. Русский предвыборный комитет издавал газету «Минское Русское Слово». В сентябре 1912 г. было налажено издание предвыборного листка под названием «Долой маски», целью которого была консолидация всех правых избирателей.

Православные иерархи Минской губернии предприняли шаги по мобилизации духовенства для участия в избирательной кампании на стороне Русского предвыборного комитета. В марте 1912 г. епископ Минский

Михаил организовал в Минске съезд православных братств западных губерний Российской империи. Постановления съезда «рекомендовали» духовенству принять активное участие в выборах и оказывать содействие кандидатам от правых партий и организаций [5, с. 188]. После смерти епископа Минского Михаила 28 мая 1912 г. его работу по координации предвыборной деятельности духовенства продолжил епископ Слуцкий Иоанн.

Минский отдел ВНС не вошел в Русский предвыборный комитет и в избирательной кампании участвовал самостоятельно. 30 марта 1912 г. минские русские националисты провели предвыборное собрание, в котором участвовали также представители Минского православного народного братства во имя Животворящего Креста Господня. Д.В. Скрыченко зачитал обращение «Православным русским людям Минской губернии», которое стало предвыборной программой Минского отдела ВНС и его союзников [5, с. 187]. В апреле минские русские националисты обратились к Минскому русскому общественному собранию (МРОС) с просьбой о выдаче им 2 тыс. руб. на дело выборов, а также о предоставлении помещения для собрания выборщиков-крестьян [18, л. 18об.]. Но на общем собрании МРОС было принято решение отказать в данном обращении [18, л. 39, 39 об.]. Минское православное народное братство во имя Животворящего Креста Господня в июне перешло на сторону епископа Слуцкого Иоанна. Встречая противодействие со стороны губернатора и испытывая серьезные финансовые трудности, тем не менее в конце лета 1912 г. Минский отдел ВНС образовал свой собственный предвыборный комитет, который возглавил И.Д. Чигирев.

В начале сентября соперничавшие между собой Русский предвыборный комитет и минские русские националисты снова обратились за финансовой помощью к Русскому общественному собранию, попросив на это раз уже 3 тыс. руб., однако добились только разрешения на бесплатное пользование помещением клуба [18].

Власти, поддерживавшие Русский предвыборный комитет епископа Иоанна, преследовали «независимых» минских националистов. Например, 8 сентября полицмейстер Д.А. Соколов распустил собрание их группы под председательством И.Д. Чигирева [19]. Тогда последние заключили договор с либералами, которых возглавлял И.И. Метлин. Стороны обязались поддерживать на выборах кан-

дидатов друг друга. Образовался «прогрессивно-национальный блок» [20]. Он стал главным конкурентом Русского предвыборного комитета в работе среди православных избирателей.

В Минске были образованы также еврейский и польский предвыборные комитеты. Кандидатом в депутаты от еврейского комитета был выдвинут известный сионистский деятель, врач Ю.Д. Бруцкус. 18 сентября он выступил со своей предвыборной программой, в которой резко отмежевался от союза с кадетами и заявил о необходимости создания в Государственной думе самостоятельной еврейской фракции [5, с. 197].

Польский предвыборный комитет выдвинул кандидата в депутаты Е.И. Любанского, помещика Минского уезда и гласного Минской городской думы, одно время бывшего членом кадетской партии [5, с. 196].

Конкуренция между «прогрессивно-национальным блоком», еврейским и польскими комитетами ослабила силы либерального лагеря в Минске.

Для дискредитации выдвинутого блоком кандидата в депутаты И.И. Метлина правые раздули в местной печати т. н. «дело Матусевича»¹. Это еще более снизило шансы либералов провести своего кандидата на выборах в Минске.

Благодаря поддержке правительства и местных властей правые имели преимущество на выборах и по землевладельческой курии. По сравнению с выборами в 1906 – 1907 гг. польские помещики проявляли абсентеизм. Так, в Минском уезде на выборы прибыли только 6 из 48 землевладельцев-поляков, имевших полный ценз [5, с. 195]. Выборы по крестьянской курии полностью контролировались властями и духовенством, поэтому и там перевес имели кандидаты правых партий и организаций. На выборах по рабочей курии традиционно победу одержали левые [5, с. 199], но на общий исход избирательной кампании это никак не повлияло.

¹ Минчанин Матусевич в 1911 г., угрожая браунингом, отнял у матери вексель на 10 тыс. рублей и явился с ним к И.И. Метлину с предложением предъявить вексель к взысканию. Адвокат отказался выполнить услугу, т.к. Матусевич не имел наличных денег для оплаты его труда, однако взял вексель на хранение. Через несколько дней к Метлину за ним пришли мать клиента и чиновник, защищавший ее интересы. Лидер минских либералов объяснил свои действия тем, что не знал о краже векселя. Он возвратил его Матусевичу и отказался от дела (подробнее см.: Минское русское слово. – 1912. – 17 сентября. – С. 3).

Кампания губернских властей по поддержке проправительственных кандидатов достигла своих целей. В губернском избирательном собрании 25 октября 1912 г. участвовало 137 выборщиков [5, с. 201]. Все 9 кандидатов в депутаты, победившие на выборах, были ставленниками правых и ВНС. Депутатом от I и II съездов городских выборщиков стал кандидат Русского предвыборного комитета С.Н. Сорнев, от съезда землевладельцев – Г.А. Лашкарев, от съезда уполномоченных от волостей – И.Ф. Малайчук, крестьянин Морочанской волости Пинского уезда, сторонник ВНС. На губернском собрании депутатами были выбраны православные священники К.М. Околович и В.А. Якубович, помещики-дворяне В.А. Кадыгров и А.П. Фотинский, крестьяне С.Д. Вербило и К.А. Смеян [5, с. 201].

Степан Николаевич Сорнев (1864 – 1933) был помещиком Смоленской губернии, в которой ему принадлежало имение Якимовичи и 233 дес. земли в Рославльском уезде. Получив высшее образование на юридическом факультете Московского университета, он решил делать карьеру на государственной службе. Начав со службы делопроизводителем в Московском губернском правлении, Сорнев вернулся на родину, где работал в Рославльском уездном по крестьянским делам присутствии и земским начальником 1-го участка Рославльского уезда, получил опыт земской работы, будучи на протяжении многих лет гласным Смоленского губернского земского собрания. Как хорошо себя зарекомендовавшего чиновника его перевели с повышением в Тамбовскую губернию на должность советника Тамбовского губернского правления. В Тамбове С.Н. Сорнев также работал казначеем и директором Тамбовского попечительства детских приютов. За хорошую службу он был избран пожизненным почетным членом Тамбовского губернского попечительства детских приютов и причислен к Собственной Его Императорского Величества канцелярии по ведомству учреждений императрицы Марии. В 1905 г. Сорнева перевели в Минскую губернию, назначив мозырским уездным предводителем дворянства, спустя два года – минским уездным предводителем дворянства. К моменту избрания депутатом С.Н. Сорнев получил чин действительного статского советника [9, с. 571; 21].

Григорий Александрович Лашкарев (1862 – 1931) был выпускником Пажеского корпуса и также отучился в Николаевской академии Генерального штаба, к моменту

отставки имел звание полковника. Кроме того, Г.А. Лашкарев принадлежал к высшему и наиболее состоятельному слою российско-го дворянства. Он владел имением Озаричи, включавшим 8794 дес. земли в Бобруйском уезде, был гласным Бобруйского уездного и Минского губернского земских собраний [9, с. 319; 22]. Г.А. Лашкарев имел опыт законодательной работы, являясь депутатом Государственной думы второго и третьего созывов.

Иван Фомич Малайчук (1875 – после 1917) был крестьянином с. Морочанское Пинского уезда. В его владении было всего 9 дес. земли. Он окончил Морочанское народное училище, служил в армии, участвовал в русско-японской войне 1904 – 1905 гг., был произведен в фельдфебели. К моменту выборов И.Ф. Малайчук являлся волостным старшиной в родном селе [9, с. 345; 23].

Константин Маркович Околович (1872 – 1933) родился в семье потомственного почетного гражданина, но сделал карьеру в православной церкви. Он окончил Минскую духовную семинарию, служил настоятелем церкви в м. Раков Минской губернии и Знаменской церкви в Вильно, являлся секретарем Виленского епархиального миссионерского комитета и помощником Виленского городского благочинного. В 1912 г. К.М. Околович был переведен в Минск на должность епархиального миссионера, на которой и находился к моменту избрания депутатом IV Государственной думы. Он был обеспеченным человеком, в его собственности было 400 дес. земли. В Минске Околович также редактировал местную церковную газету «Братский листок» [9, с. 425–426; 24].

Вячеслав Андреевич Якубович (1868 – после 1917) окончил Минскую духовную семинарию, служил настоятелем Свято-Николаевской церкви в местечке Петриков Мозырского уезда, был благочинным 2-го округа Минской губернии, членом Мозырского уездного комитета попечительства о народной трезвости. За службу в 1905 г. был награжден орденом Святой Анны 3-й степени [9, с. 722]. Как и Г.А. Лашкарев, В.А. Якубович был опытным думцем, имея за плечами два депутатских срока (во II и III Государственных думах).

Всеволод Антонович Кадыгровов (1877 – не ранее 1920) родился в состоятельной дворянской семье, происходившей из Херсонской губернии. Он получил хорошее образование, окончив с золотой медалью Третью Казанскую гимназию, а затем юридический факультет Киевского университета. Работать Кадыгро-

вов начал в Виленской судебной палате, где вначале был назначен помощником секретаря, потом секретарем той же судебной палаты. В 1905 г. он был переведен на должность товарища прокурора Витебского окружного суда, а в 1911 г. назначен прокурором Гродненского окружного суда. В.А. Кадыгровов избирался гласным Борисовского уездного и Минского губернского земских собраний. За хорошую службу его удостоили чина надворного советника и придворного звания камер-юнкера. Он был также известным общественным деятелем. По инициативе Кадыгровова были установлены памятники в честь победы России в Отечественной войне 1812 г. в Витебске, Волковыске и Борисове. Он был одним из организаторов и почетных членов Витебского отделения Московского археологического института, председателем Витебской ученой архивной комиссии, председателем Гродненского церковного историко-археологического комитета. В.А. Кадыгровов занимался и преподаванием, в разное время читая правовые курсы в средних учебных заведениях Вильно, Витебска и Гродно. В 1909 г. совместно с товарищем председателя Витебского окружного суда В. А. Деметьевым он написал учебник по законоведению [9, с. 226; 25].

Александр Петрович Фотинский (1859 – после 1917) происходил из потомственных дворян Минской губернии, владевших землями в Пинском уезде. Он окончил в Петровскую сельскохозяйственную академию в Москве и работал в лесном ведомстве, дослужившись до должности старшего лесного ревизора Владимирской губернии. После выхода в отставку в 1910 г. А.П. Фотинский поселился в своем имении. Он принимал активное участие в работе органов местного самоуправления, будучи гласным Пинского уездного земского собрания и председателем Пинской уездной земской управы [9, с. 649].

Депутаты-крестьяне С.Д. Вербило и К.А. Смяян представляли среднезажиточные крестьянские слои. Семен Данилович Вербило (1867 – после 1917) был крестьянином д. Докторовичи Слуцкого уезда. Он имел 9 дес. надельной земли и, помимо хозяйственной деятельности, принимал активное участие в работе местных органов управления, будучи волостным старшиной, гласным Слуцкого уездного и Минского губернского земского собрания, членом губернской землеустроительной комиссии. При этом С.Д. Вербило получил только домашнее образование [9, с. 86; 26]. Корней

Александрович Смяян (1874 – после 1917) являлся крестьянином д. Бабичи Речицкого уезда. Он владел 15 дес. земли, был волостным старшиной. Как и Вербило, К.А. Смяян имел лишь домашнее образование [9, с. 564; 27].

Уже в конце 1912 г. состав депутатов от Минской губернии претерпел изменения. В связи с возвращением на должность прокурора Гродненского окружного суда сложил свои депутатские полномочия В.А. Кадыгробов. В 1913 г. Г.А. Лашкарев был избран минским губернским земским собранием членом Государственного совета и также выбыл из состава Государственной думы. На места Кадыгробова и Лашкарева были избраны дворяне И.А. Папа-Афанасопуло и М.П. Воронцов-Вельяминов соответственно.

Илья Афанасьевич Папа-Афанасопуло (1863 – после 1917), как и Г.А. Лашкарев, входил в число крупнейших землевладельцев в западных губерниях Российской империи: в Ровенском уезде Волынской губернии ему принадлежало 4499 дес. земли, в Брестском уезде Гродненской губернии – 5600 дес., в Минском уезде – 1600 дес. Его семья происходила из дворян Полтавской губернии. И.А. Папа-Афанасопуло получил военное образование, отучившись в Полтавском кадетском корпусе и Тверском кавалерийском училище. Службу проходил в 4-м драгунском Екатеринославском полку, но уже в 1887 г. его зачислили в запас, а в 1895 г. он вышел в отставку в чине поручика. Дальнейшую карьеру И.А. Папа-Афанасопуло делал в сфере местного управления и самоуправления. Он последовательно занимал должности почетного мирового судьи в Хорольском уезде Полтавской губернии, земского начальника 5-го участка Пинского уезда, пинского уездного предводителя дворянства. Получил придворное звание камер-юнкера. После введения выборных земств в Минской губернии в 1911 г. И.А. Папа-Афанасопуло был выбран гласным Пинского уездного и Минского губернского земских собраний. Его также знали как известного деятеля в сфере образования. На протяжении многих лет он был попечителем различных учебных заведений, был удостоен благодарности императрицы Марии Федоровны за опеку над Минским женским духовным училищем, Св. Синод утвердил его попечителем всех церковно-приходских школ в Пинском уезде, а Минский губернский епархиальный совет постановил разместить в этих же школах портрет Папа-Афанасопуло [9, с. 440; 28].

Михаил Павлович Воронцов-Вельяминов (1885 – 1951) происходил из дворянского рода Тульской губернии, через свою мать приходился правнуком А.С. Пушкину. Был богатым землевладельцем, которому принадлежало более 5000 дес. земли. Окончил Александровский лицей в Царском Селе и поступил на службу в Земский отдел МВД, затем работал в канцелярии Государственной думы. За службу получил чин надводного советника. В 1911 г. был избран председателем Бобруйской уездной земской управы [9, с. 106; 29].

Анализ социальных характеристик депутатов показал, что среди них были представители среднего крестьянства, помещики, в т. ч. крупные землевладельцы-дворяне, священнослужители. Все крестьяне имели опыт работы волостными старшинами, некоторые и опыт работы в земствах. За плечами представителей дворянства и поместного класса лежала либо военная служба, либо служба в гражданской сфере, многие из них имели опыт работы на выборных должностях – земских и дворянских. К моменту избрания представители духовенства также имели богатый опыт служения в церкви и взаимодействия со светскими властями. Все депутаты придерживались православного вероисповедания и были записаны в канцелярии Государственной думы как русские. Но С.Д. Вербило и К.А. Смяян в анкете себя записали белорусами [26, л. 2; 27, л. 2]. Представителей еврейского и польского населения губернии среди депутатов не было.

Уровень образования у них был разным. Крестьяне прошли или домашнее обучение, или закончили народное училище, что соответствовало начальной школьной подготовке. Большинство помещиков имели университетское или военное образование. Оба священнослужителя окончили Минскую духовную семинарию.

Депутаты принадлежали к разным возрастным группам. Большинству было от 31 до 50 лет – 9 человек, самому старшему исполнилось 53 года, младшему было 28 лет.

В Государственной думе посланцы Минской губернии вошли в различные комиссии. Имевший опыт работы в думской канцелярии М.П. Воронцов-Вельяминов был привлечен для работы сразу в 10 комиссиях (личного состава, по городским делам, об обязательном праве, по исполнению государственной росписи доходов и расходов, редакционной, бюджетной, сельскохозяйственной, о народном здравии, по направлению законодатель-

ных предложений) [9, с. 106]. Депутаты-помещики и депутаты-священнослужители, как правило, состояли 4–5 комиссиях. С.Н. Сорнев был членом комиссий по запросам, о торговле и промышленности, по городским делам, земельной и финансовой. А.П. Фотинский был секретарем земледельческой комиссии и, кроме того, записался в комиссии по рыболовству, сельскохозяйственную и по исполнению государственной росписи доходов и расходов. И.А. Папа-Афанасопуло входил в четыре комиссии: по исполнению государственной росписи доходов и расходов, по торговле и промышленности, о народном здравии, по рабочему вопросу. В связи с небольшим сроком пребывания в Государственной думе В.А. Кадыгробов участвовал в работе только комиссии по судебным реформам, а Г.А. Лашкарев – двух комиссий: по запросам и по военным и морским делам. К.М. Околович совмещал членство в пяти комиссиях: по народному образованию, по вероисповедным вопросам, по рабочему вопросу, финансовой, по запросам и библиотечной. В.А. Якубович также являлся членом пяти комиссий: по исполнению государственной росписи доходов и расходов, распорядительной, по вероисповедным вопросам, сельскохозяйственной и переселенческой [9, с. 226, 319, 425, 440, 571, 649, 722]. Депутаты-крестьяне, вероятно, из-за недостаточного образования и специфики своей предыдущей деятельности, были представлены в минимальном количестве комиссий. И.Ф. Малайчук входил в две комиссии: о праздновании 300-летия Дома Романовых и о народном здравии. С.Д. Вербило был членом комиссии по судебным реформам, К.А. Смяян – продовольственной [9, с. 86, 345, 564].

Политические воззрения депутатов были близки, большинство из них придерживалось умеренно консервативных взглядов. После начала работы IV Государственной думы во фракцию русских националистов вошли Г.А. Лашкарев, В.А. Кадыгробов, А.П. Фотинский, С.Н. Сорнев, С.Д. Вербило, И.Ф. Малайчук, К.А. Смяян. Ставшие депутатами в 1913 г. И.А. Папа-Афанасопуло и М.П. Воронцов-Вельяминов также вступили во фракцию русских националистов и умеренно правых. Священники В.А. Якубович и К.М. Околович записались во фракцию правых. В августе 1915 г. из фракции русских националистов вышла часть депутатов, поддержавших идею союза с либеральными фракциями и образование Прогрессивного блока. Была образована фракция

прогрессивных националистов, в которую перешли М.П. Воронцов-Вельяминов, А.П. Фотинский, С.Д. Вербило и К.А. Смяян [9, с. 86, 106, 226, 319, 345, 425, 440, 564, 571, 649, 722].

Наиболее активно в Думе выступали К.М. Околович и С.Д. Вербило. К.М. Околович критиковал правительство за недостаточные, по его мнению, меры, направленные против ополячивания белорусского населения, на ограничение влияния католического костела и поддержку православной церкви в западных губерниях Российской империи [5, с. 205]. С.Д. Вербило указывал среди первоочередных мер необходимость отмены черты еврейской оседлости [5, с. 208]. В целом, по сравнению с депутатами Минской губернии в Государственной думе предыдущих трех созывов, депутаты Думы четвертого созыва были наиболее пассивны, не имея ярко выраженных лидеров.

С началом Первой мировой войны некоторые депутаты приняли участие в работе по оказанию помощи армии. С.Н. Сорнев был членом Комитета передовых санитарно-питательных отрядов Всероссийского национального союза [9, с. 571]. В.А. Якубович работал в Волынском отделе Всероссийского общества попечения о беженцах [9, с. 722]. М.П. Воронцов-Вельяминов, как председатель Бобруйской земской управы, активно сотрудничал с Всероссийским земским союзом в деле организации помощи раненым и беженцам на территории Бобруйского уезда. В марте 1917 г. И.Ф. Малайчук был командирован на Западный фронт Временным комитетом Государственной думы [9, с. 345].

После Февральской революции IV Государственная дума не созывалась, однако ее депутаты собирались на частные совещания, проходившие в течение апреля – августа 1917 г. М.П. Воронцов-Вельяминов, находясь в Бобруйске, фактически организовал работу местного городского общественного комитета и до июня исполнял обязанности бобруйского уездного комиссара Временного правительства. В августе того же года он и И.А. Папа-Афанасопуло приняли участие в Государственном совещании в Москве [9, с. 106, 440].

Окончательно Дума была ликвидирована Временным правительством 7 октября 1917 г. в связи с предстоявшими выборами в Учредительное собрание.

После октября 1917 г. жизнь бывших депутатов сложилась по-разному. Г.А. Лашкарев входил в группу монархистов, пытавшихся установить связь с находившейся под стражей

царской семьей в Тобольске для оказания ей материальной помощи. Эмигрировать ему не удалось. Скончался Г.А. Лашкарев в 1931 г. в Ленинграде и был похоронен на семейном участке Волковского кладбища [9, с. 319; 30]. В.А. Кадыгровов, по воспоминаниям митрополита Евлогия (В.С. Георгиевского), в 1920 г. на Кубани заболел сыпным тифом [31]. Вероятно, вскоре он умер, т. к. сведения о нем больше не встречаются. С.Н. Сорнев сначала жил в своем имении Якимовичи, затем, после конфликта с местными крестьянами, он эмигрировал. Жил в Югославии и умер в 1935 г. в Нише [32, с. 119]. М.П. Воронцов-Вельяминов сначала эмигрировал в Германию, затем – во Францию. Лишившись состояния, работал грузчиком и продавцом в книжном магазине в Париже. Принимал участие в движении младоросов. В годы Второй мировой войны участвовал в борьбе с нацистами, за что был заключен в концлагерь в Компьене. После войны был членом общества «СССР – Франция», умер в 1951 г. и похоронен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа [33, с. 329]. В.А. Якубович являлся священником церкви Святителя Николая в м. Петриков Мозырского уезда, затем, спасаясь от преследований со стороны советской власти, перебрался в Польшу, где вначале работал в Русской миссии Красного Креста в Варшаве, затем священником в разных приходах Польской православной церкви. Последнее известное место служения – Свято-Николаевская церковь в с. Черессы Дисненского повета [34]. После 1938 г. сведения о нем пропадают. К.М. Околович был священником церкви Благовещения Пресвятой Богородицы в Петрограде, после переехал в Латвию, где служил в православных приходах до смерти в 1933 г. [9, с. 426]. Судьбу А.П. Фотинского, И.А. Папа-Афанасопуло и депутатов-крестьян после 1917 г. установить не удалось.

Заключение

Подводя итоги, можно отметить, что депутаты IV Государственной думы от Минской губернии представляли основные социальные группы населения: дворян, крестьян, духовенства, мещан. В национальном плане большинство депутатов относили себя к русским или белорусам, рассматривая последних как часть единого русского народа (наряду с великороссами и малороссами). Другие значительные национальные группы (евреи, поляки) своих представителей от Минской губернии в Государственной думе четвертого созыва

не имели. По своим политическим взглядам депутаты принадлежали к консервативному лагерю. Они записались во фракцию русских националистов и фракцию правых, которые поддержали курс правительства. Под влиянием событий на фронтах Первой мировой войны часть депутатов изменила свои взгляды и в 1915 г. вошла в Прогрессивный блок. После Февральской революции 1917 г. большинство депутатов прекратили свою деятельность.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Василевский, А. А.* Выборы в IV Государственную Думу в Белоруссии / А. А. Василевский // Проблемы социально-экономического развития БССР: сб. науч. трудов. – Мн., 1976. – С. 68–74.
2. *Запруднік, Я.* Беларусь на гістарычных скрываваннях / Я. Запруднік; [пер. з англ. М. Раманоўскага]. – Мн. : ВЦ «Бацькаўшчына»; Беларускі фонд Сораса, 1996. – 264 с. – (Серія «Адкрытае грамадства»).
3. *Запруднік, Я.* Палітычнае змаганне за Беларусь у царскіх Дзяржаўных думах (1906–1917 гг.) / Я. Запруднік // АРСНЕ. – 2009. – № 1–2 (76–77). – С. 43–217.
4. *Забайскі, М. М.* Расійская Дзяржаўная дума ў грамадска-палітычным жыцці Беларусі (1906–1917 гг.) / М. М. Забайскі. – Мн. : БДПУ імя М. Танка, 1999. – 212 с.
5. *Забайскі, М. М.* Расійская Дзяржаўная дума ў лёсах Беларусі (1906–1917 гг.) / М. М. Забайскі – Мн. : БДПУ імя М. Танка, 2008. – 267 с.
6. *Циунчук, Р. А.* Думская модель парламентаризма в Российской империи: этноконфессиональное и региональное измерения / Р. А. Циунчук. – Казань : Издательство «Фен», 2004. – 416 с.
7. *Циунчук, Р. А.* Национальный вопрос в Государственной думе накануне и во время Первой мировой войны / Р. А. Циунчук // Российская история. – 2014. – № 5. – С. 91–109.
8. *Jurkowski, R.* Sukcesy i poronзки. Ziemiaństwo polskie Ziemi Zabraných w wyborach do Dumy Państwowej i Rady Państwa 1906–1913 / R. Jurkowski. – Olsztyn, 2009. – 550 s.
9. Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия / отв. ред. В. В. Шелохаев. – М. : РОССПЭН, 2008. – 735 с.
10. О Конституционно-демократической партии // Государственный архив Российской Федерации. – Фонд 102. – Особый отдел. – 1912 г. – Оп. 242. – Д. 27.
11. *Минский, С.* Открытие минского отдела «Всероссийского национального союза» / С. Минский // Белорусская жизнь. – 1911. – 24 мая. – С. 2.

12. **Бондаренко, К. М.** Русские и белорусские монархисты в начале XX века / К. М. Бондаренко, Д. С. Лавринович. – Могилев : МГУ им. А.А. Кулешова, 2003. – 212 с.
13. **Бондаренко, К. М.** Правые партии и их организации в Беларуси (1905–1917 гг.): монография / К. М. Бондаренко. – Могилев : УО «МГУ им. А.А. Кулешова», 2010. – 416 с. : ил.
14. Наша платформа // Минская русская газета. – 1912. – № 1. – С. 2.
15. **Метлин, И.** Задачи народного представительства / И. Метлин // Минская русская газета. – № 2. – С. 1.
16. Собрание минских националистов // Минское русское слово. – 1912. – 1 июля. – С. 2.
17. Собрание объединенных русских организаций // Минское русское слово. – 1912. – 17 сент. – С. 3.
18. Годовые отчеты Минского русского общественного собрания за 1910–1911, 1911–1912 гг. Устав Минского русского общественного собрания // Национальный исторический архив Беларуси. – Фонд 295. – Оп. 1. – Д. 7949.
19. Местная жизнь // Минское русское слово. – 1912. – 9 сент. – С. 2.
20. Местная жизнь // Минское русское слово. – 1912. – 12 сент. – С. 3.
21. Дело члена Государственной думы от Минской губернии Степана Николаевича Сорнева // Российский государственный исторический архив (РГИА). – Фонд 1278. – Оп. 9. – Д. 743.
22. Дело члена Государственной думы от Минской губернии Григория Александровича Лашкарева // РГИА. – Фонд 1278. – Оп. 9. – Д. 423.
23. Дело члена Государственной думы от Минской губернии Ивана Фомича Малайчука // РГИА. – Фонд 1278. – Оп. 9. – Д. 473.
24. Дело члена Государственной думы от Минской губернии Константина Марковича Околовича // РГИА. – Фонд 1278. – Оп. 9. – Д. 574.
25. Дело члена Государственной думы от Минской губернии Всеволода Антоновича Кадыгрова // РГИА. – Фонд 1278. – Оп. 9. – Д. 314.
26. Дело члена Государственной думы от Минской губернии Семена Даниловича Вербило // РГИА. – Фонд 1278. – Оп. 9. – Д. 122.
27. Дело члена Государственной думы от Минской губернии Корнея Александровича Смеяна // РГИА. – Фонд 1278. – Оп. 9. – Д. 731.
28. Дело члена Государственной думы от Минской губернии Ильи Афанасьевича Папа-Афанасопуло // РГИА. – Фонд 1278. – Оп. 9. – Д. 34.
29. Дело члена Государственной думы от Минской губернии Михаила-Павловича Воронцова-Вельяминова // РГИА. – Фонд 1278. – Оп. 9. – Д. 157.
30. Лошкарев Григорий Александрович (1862 – 1931) // Некрополь Санкт-Петербурга и окрестностей [Электронный ресурс] – 2011–2023 – Режим доступа: // <https://nekropol-spb.ru/kladbische/volkovskoe-pravoslavnoe-kladbische/lashkarev-grigorij-aleksandroovich> – Дата доступа: 26.09.2023.
31. Евлогий. Путь моей жизни – митрополит Евлогий (Георгиевский) / Евлогий // Азбука веры [Электронный ресурс] – 2005–2023 – Режим доступа: // <https://azbyka.ru/fiction/put-moej-zhizni/20/> – Дата доступа: 26.09.2023.
32. Незабываемые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917–1997 : в 6 т. Т. 6. Кн. 2. – М. : Пашков дом, 1999. – 723 с.
33. **Русаков, В. М.** Рассказы о потомках А.С. Пушкина / В. М. Русаков. – СПб. : Лениздат, 1992. – 452 с.
- Святары і царкоўнаслужыцелі царквы Свяціцеля Мікалая Цудатворцы с. Чэрэсы // Приход храма Положения Ризы Пресвятой Богородицы во Влахерне г. Миоры [Электронный ресурс] – 2013–2023 – Режим доступа: // http://hram-miory.vitebsk.by/priests_Cheressy.html – Дата доступа: 26.09.2023.
- Поступила в редакцию 29.09.2023 г.
Контакты: lavrinovich@msu.by (Лавринович Дмитрий Сергеевич).

Lavrinovich D. S. ELECTIONS AND ACTIVITIES OF DEPUTIES FROM MINSK GOVERNORATE IN THE FOURTH STATE DUMA

The article deals with the peculiarities of the election to the Fourth State Duma in Minsk governorate. Social, national and political characteristics of the deputies are revealed. Most of them represented the middle-income peasantry and landowners, including large noble landowners and Orthodox clergy. In terms of nationality, the deputies identified themselves as Russians or Belarusians, considering the latter as part of the all-Russian nation (along with Great Russians (Velikorossy) and Little Russians (Malorossy)). Other prominent national groups (the Jews, Poles) did not have their representatives from Minsk governorate in the Fourth State Duma. The deputies adhered to moderately conservative views; most of them were members of the Russian nationalist faction. In the Duma the representatives of Minsk governorate worked in numerous commissions, spoke on issues related to the specifics of socio-economic and national-confessional situation in the western governorates of the Russian Empire. In 1915, some deputies joined the Progressive Bloc.

Keywords: election campaign, State Duma, Minsk governorate, deputies, social status, All-Russian National Union, World War I.

PLOT COMPOSITIONS OF STOVE SETS OF THE MOGILEV DNEIPER REGION OF THE XVI – XVIII CENTURIES

N. P. Shutkova

Candidate of Historical Sciences
Mogilev State A. Kuleshov University

Reconstructions of stove sets tiled with plate-shaped tiles were carried out on the bases of processing the archaeological material from the territory of the Mogilev Dnieper region. The article summarizes the work with these reconstructions on variation of plot compositions on tiles in the region during the XVIth–XVIIIth centuries.

Key words: a plate-shaped stove tile, a stove set, plot composition, the Mogilev Dnieper region.

Introduction

A tile is a type of architectural and decorative ceramics used in the tiling of stoves. This work examines only plate-shaped stove tiles, which constitute the most representative part of the archaeological finds of the Mogilev Dnieper region. The plate-shaped tiles of the region are divided into 2 types depending on the shape of the stove or one of the stove tiers. Tiles of type 1 tiled a stove or a stove tier rectangular in cut, tiles of type 2 were cylindrical in cut [1, p. 17].

The purpose of this work is to summarize data on plot compositions of stove sets from the territory of the Mogilev Dnieper region. During the preparation of the publication, the archaeological finds from Barkolabovo, Bykhov, Krichev, Mogilev, Mstislavl, Slavgorod (Propoisk) and Shklov were examined. The chronological scope of the study covers the 16th–18th centuries¹. The lower chronological boundary is associated with the appearance of plate-shaped tiles in the region, the upper – with the continued use of basic process operations for their production until the 18th century.

Main Body

The term composition is widely used in art [2, p. 275]. In the article, the concept of plot composition is used to denote the relationship of the plots of the elements of the stove set with each

¹ The research was carried out with the financial support of the Belarusian Republican Foundation for Basic Research within the framework of the grant “Semantics of Belarusian tiled art (based on materials from the Mogilev Dnieper region)”, Contract No. G23M-054, State Registration Number 20231302.

other and with the surroundings. The elements of the stove set include tiles that form the basis of the stove mirror: wall tiles, cornices, belts, crowns, etc. Their combination made it possible not only to create the volume of the stove, but also a certain plot composition due to the ornaments used to decorate the front plate.

Work with the archaeological material from the region has shown that it is difficult to fully reconstruct tiled stoves, that is why the term “stove sets” is used in the publication. This is explained by the fact that during excavations, researchers find only remains of stoves or fragments of tiles [3, p. 345]. The reconstructions of the full or partial decoration of the tiled stove presented in the publication serve to make the meaning and visualization of ornamental motifs and color spectrum understandable for the viewer. In general, morphological, technological and chronological indicators, as well as identical or very similar pictorial elements of the tiled plot, are used as the main criteria for the reconstruction of stove sets.

For reconstructing regional stove sets and understanding variants of the used plot compositions it is important to highlight published reconstructions of stove sets carried out by Belarusian archaeologists. Among them we should mark the reconstruction of L.V. Panicheva, N.I. Zdanovich, A.A. Solovyov for Polotsk, O.A. Trusov, V.E. Sobol, N.I. Zdanovich for Grodno, O.N. Levko for Vitebsk and Orsha, Yu.A. Zayats for Zaslavl, I.V. Ganetskaya for Glussk Castle, P. Prokoptsov for Mir Castle [4; 5, p. 137–144; 6, p. 177–178; 7, p. 274–280; 8; 9; 10].

On the territory of the Mogilev Dnieper region, the earliest stove sets belong to type 1 and are represented by Renaissance scenes from Slavgorod and Krichev. The composition of the Slavgorod stove of the 16th century included wall tiles with a solar plot [1, p. 17–18]. Elements that would make it possible to find out how the tiers of the stove (cornices), its volume (belts) varied or how the top of the stove (crowns) were decorated were not preserved.

The stove set of the Krichev stove of the late 16th – early 17th centuries (Fig. 1:1-2) included wall tiles with high geometric relief, significantly changing its volume [11, p. 300–303]. In the same style, the craftsmen created angular tiles with low relief, connected to the whole product. The tiering of the stove was provided by two-part cornice tiles with geometric relief images. The upper tier was decorated with crowns with geometric and floral elements. The stove set consisted of terracotta and green-glazed tiles. Plot compositions of Renaissance sets in the Christian figurative world were associated with symbols of truth, immortality and resurrection (solar symbolism) and symbols of protection, constancy and cyclicity (geometric elements) [12, p. 92–93].

The basis of the mirror of stoves of the second half of the 16th century – the first half of the 17th century included wall tiles, usually combining several ornamental motifs. An example is the reconstruction of a stove set from Barkolabovo (Fig. 1:3). This church oven was erected no later than in the 40s of the XVII century. The decor of the stove was based on wall tiles depicting a bouquet in a vase, forged metal and a heraldic plot. The complex of wall tiles included belt tiles with a stylized image of a vase and plant elements, dividing the main part of the construction into imaginary tiers. They could also serve as crowns. Other variants of the structural elements of the stove set were not found during archaeological excavations [13, p. 142–143].

It should be noted that wall tiles with forged metal (marine ornament) were widely used to decorate stoves in the Mogilev Dnieper region at the end of the 16th – first half of the 17th century. This plot composition has a number of analogues in Central and Eastern Europe [14, p. 178–185].

During the first half of the 17th century wall tiles with new variants of the image of a “bouquet in a vase” began to be used in the tiling of stoves. At the same time, the stove sets of the region were complemented by wall tiles with heraldic and geometric ornaments, a combination of geometric and plant elements. The set of stoves also included belts, cornices and crowns. As for the image style, they were made in the same style as the plots of the wall tiles, emphasizing and accentuating them [1, p. 20–22, Fig. 20–26]. Reconstructions of a stove set from Bykhov of the 17th century show that the stove set included wall tiles depicting a bouquet in a vase and birds, two-part cornice tiles and crowns depicting plant and geometric elements (Fig. 1: 4-5). The stove

consisted of terracotta and green-glazed tiles [1, p. 20–22, Fig. 54].

In the middle – second half of the 17th century new structural elements and ornamental motifs began to be used in stove sets in the region. The city of Mogilev stands out among other centers of tile production by using the technology of making polychrome tiles and producing such an element of the stove set as a composite tile panel. Stove sets, which included a composite tiled panel, were found on the territory of the Pokrovsky (Podnikolye) and Shklovsky Posads of Mogilev, in Barkolabovo. Chronologically, they belong to materials from the middle – second half of the 17th century. Analysis of the complex of tiles from archaeological excavations made it possible to reconstruct the composite panel and other elements of the stove sets (Fig. 2:1).

The panel frame included 8 tiles. To create them, the master needed 4 matrices. A wall tile was inserted into a frame, the dimensions of which were larger than the dimensions of the standard tile of this category. In all recorded finds, an image of the coat of arms and one or two variants of the image of Pogonya were used on such tiles. The tiers of the stove set were separated using two-part cornice tiles. All stove sets included the same two-part cornice tiles depicting plant elements and shield-holding creatures. The stove sets also included belt tiles. In their ornamental motif, they partially repeated the image of the composite panel frame. The top of the stove was decorated with two types of crowns with a carved top in a form of plant elements. In one case, the use of polychrome tiles to cover the dome of the stove with a relief image of “fish scales” was recorded in a stove set. The surface of such products was covered with several subdued glazes (white, blue, yellow, green, azure), green glaze, or it remained terracotta. The manufacturing technology and the ornamental motifs used suggest that all these sets were made in the same workshop [15, p. 81–88].

You should also pay attention to the reconstruction of the stove set of the second half of the 17th century from Barkolabovo (Fig. 1:6) [13, p. 142–143]. Artifacts similar in their ornamental depiction were found in Bykhov, Mogilev and Krichev, but the materials found there are not suitable for complete reconstructions of the stove sets. The Barkolabovo stove set is represented by green-glazed wall heraldic tiles of three variants. All wall tiles used double-headed eagles as a central or minor element. Additional

decoration on the front plate depicted shield-holding creatures, architectural, plant elements or solar symbols.

The cornice tiles of the set are presented in two variants of images and shapes of the front plates. Two-part tiles had images of relief shield-holding creatures and a monogram in the upper part, and relief repetitive fish scales in the lower part. The s-shaped tiles featured repetitive leaves in relief. Such tiles were used for finishing the stove. That created the effect of a serrated top, typical of crowns.

During the second half of the 17th – early 18th centuries sets of wall tiles with carpet ornaments were becoming popular. The findings of tiles from Mogilev were mainly represented by tiles with images of flowers in a stylized vase (Fig. 2:2). They constituted stove sets of type 1 from Nagorsky, Pokrovsky and Shklovsky Posads and type 2 from Pokrovsky Posad in Mogilev [1, p. 22; 16, p. 223–226]. Reconstructions of possible variants of partial or entire stove tile sets made it possible to establish a variety of elements in the stove set: wall tiles, cornices, belts, crowns, corner tiles and lintels. It should be noted that the use of lintels is specific to these region stove sets. Similar elements of stove sets and ornamental motifs were used by craftsmen to decorate stoves in Bykhov and Mstislavl [1, Fig. 26:4–5, 7].

Tiled stoves of the 18th century contained the same structural elements as those of the 17th-century: wall tiles, cornices, belts, crowns and their corner forms, corner tiles (Fig. 2:3). Their combinations are very diverse. However, the number of color variants and their combinations is decreasing. Preference is given to tiles without a relief image on the front plate. The most commonly used relief images on wall tiles are cartouches. To reduce the cost of a stove set, the set could include both glazed and terracotta products [1, Fig. 37–38].

The earliest stoves, cylindrical in shape or with one of the tiers of this shape, have been known on the territory of Belarus since the end of the 16th century according to materials from Grodno [17, Fig. 84]. Stoves of type 2 are rarely

found among the archaeological materials of the Mogilev Dnieper region. The earliest stove sets in chronological terms have been recorded in Mstislavl. Wall heraldic tiles from the second – third quarter of the 17th century have been preserved. [18, Table 58]. Stove sets of the region in the 18th century continued to be covered with tiles of type 2 [19, p. 4; 20, p. 8]. It was possible to reconstruct the stove set of the second half of the 17th – early 18th centuries from the territory of Pokrovsky Posad in Mogilev (Fig. 2:4). It included wall and belt tiles [16, p. 223–226]. The plot composition of such a set is a concentrated repetitive ornament, smoothly flowing from one structural element to another.

Conclusion

The archaeological material shows that plot compositions on stove sets changed and transformed at different chronological stages. To create a stove set, certain fairly stable plot standards were used, which had minor morphological and ornamental differences both within one city and the region as a whole. The reconstructions of stove sets presented in the work make it possible to transfer data about the plots and the color spectrum used to sets that have been partially preserved.

The early stage of using plate-shaped tiles from the region to tile stoves dates back to the 16th – early 17th centuries. This period is characterized by the use of Renaissance ornamental motifs, popular throughout the territory of the Grand Duchy of Lithuania and the Kingdom of Poland.

During the first half of the 17th century there is a transition to local interpretations of pan-European plots and the creation of new ornamental variants. The period of middle – second half of the 17th century is associated with the appearance of new structural elements in stove sets (composite tiled panels, lintels) used in Mogilev and its surroundings. At the end of the 17th – beginning of the 18th centuries a gradual transition to new ornamental motifs (the use of cartouches) and color spectrum begins.

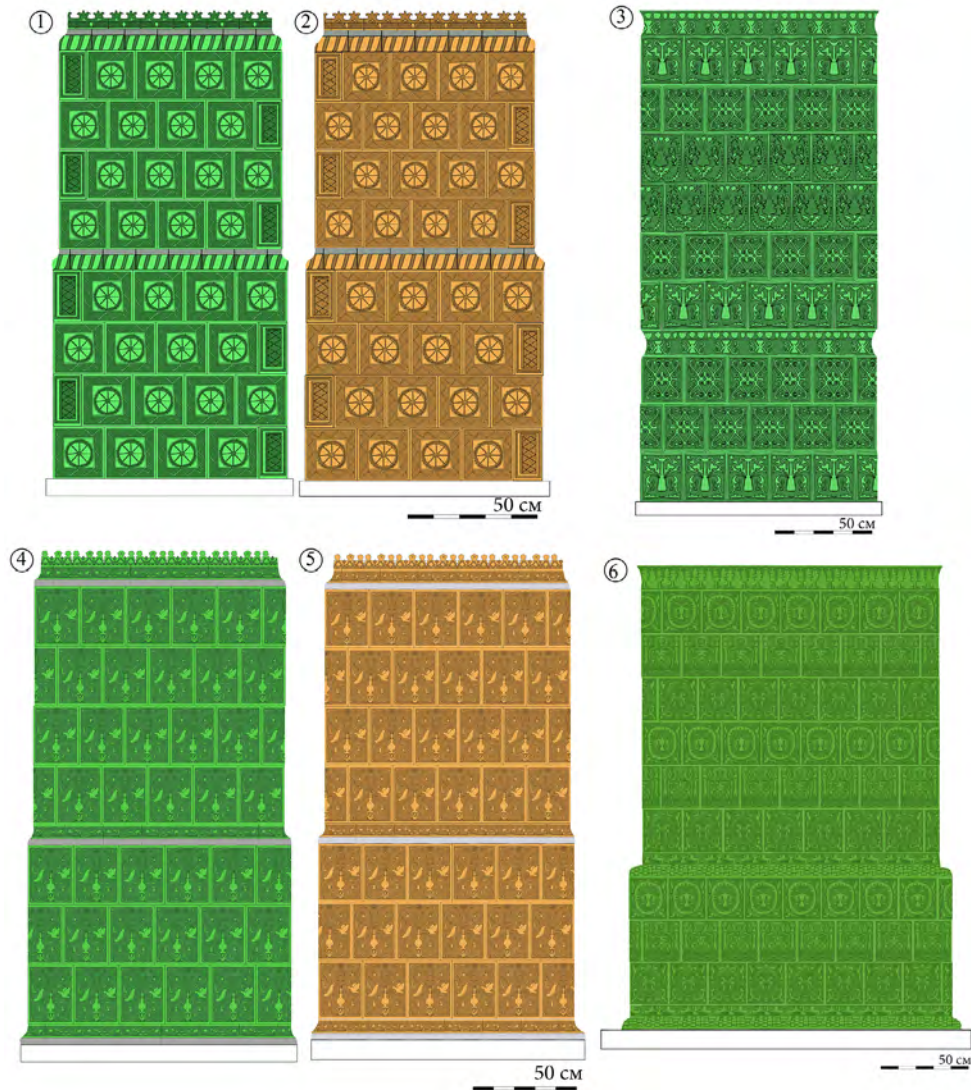

Fig. 1. 1-2 – green-glazed (1) and terracotta (2) variants of the tiled stove set of the late 16th – early 17th centuries from Krichev. The reconstruction was carried out by N.P. Shutkova based on materials from M. A. Tkachev; 3 – a variant of reconstruction of a tiled set of the first half of the 17th century from Barkolabovo; 4-5 – green-glazed (1) and terracotta (2) variants of the tiled stove of the 17th century from Bykhov; 6 – a variant of reconstruction of a green-glazed tiled set of the second half of the 17th century from Barkolabovo. Gray shading shows elements of the stove set that could not be reconstructed due to the fragmentary nature of the artifacts. Reconstructions 3-6 were carried out by N. P. Shutkova based on materials from I. A. Marzalyuk.

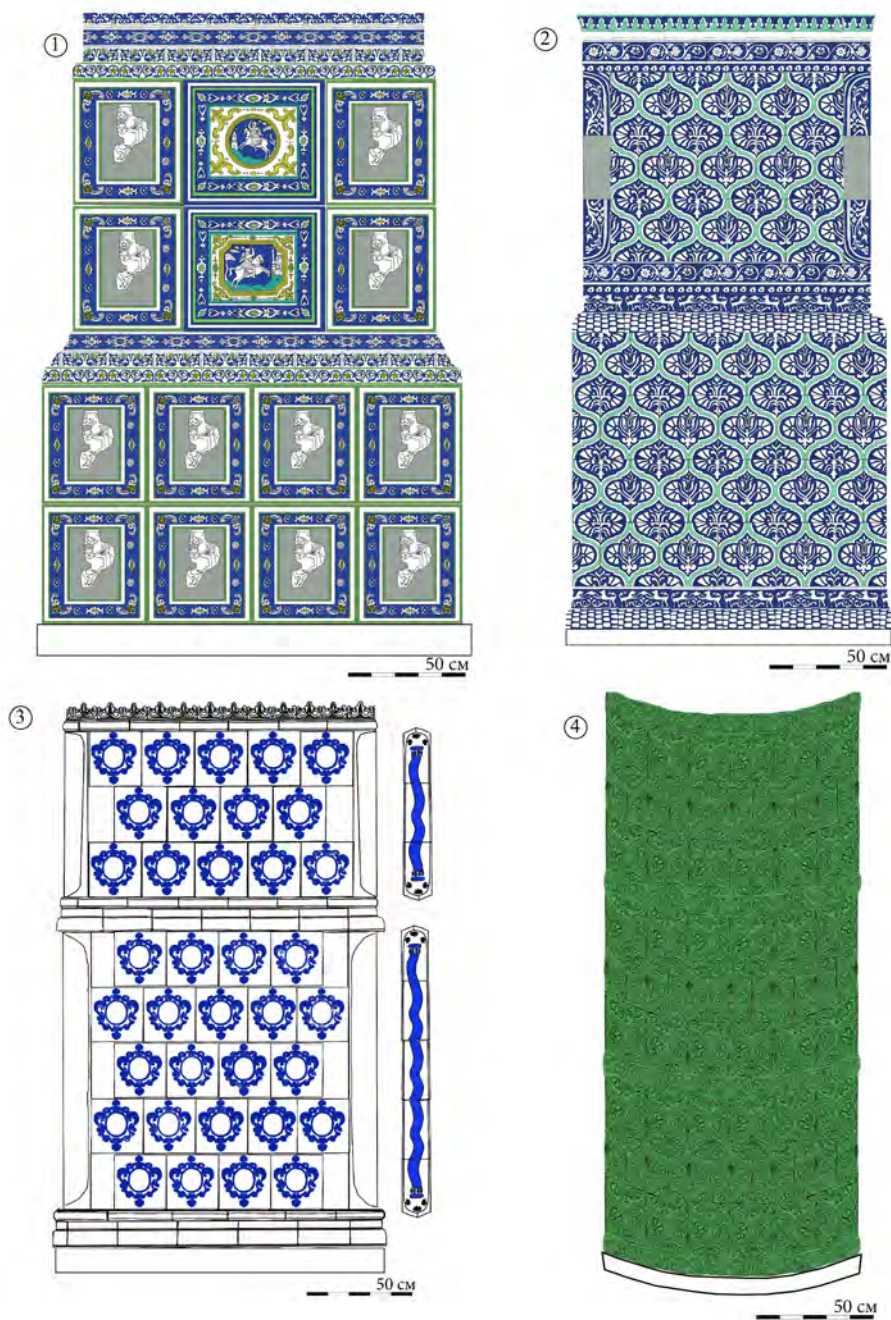

Fig. 2. 1 – a variant of a polychrome tiled stove set from the second half of the 17th century from Mogilev; 2 – a variant of reconstruction of a polychrome tile set of the second half of the 17th – early 18th century from Mogilev; 3 – a variant of reconstruction of the stove set using blind white and canopy glazing from the 18th century from Mogilev; 4 – a variant of reconstruction of a green-glazed tile set from the second half of the 17th – early 18th centuries from Mogilev. Gray shading shows elements of the stove set that could not be reconstructed due to the fragmentary nature of the artifacts. The reconstructions were carried out by N. P. Shutkova based on materials from I. A. Marzalyuk.

REFERENCES

1. *Шуткова, Н. П.* «Изразцовые печные наборы Могилевского Поднепровья (XVI – XVIII вв.): монография / Н. П. Шуткова. – Могилев: МГУ имени А.А. Кулешова, 2023. – 168 с. : ил.
2. Современная иллюстрированная энциклопедия «Искусство» под ред. А. П. Горкина. – Ч. 2. Д-К. – М.: РОСМЭН, 2007. – 332 с.
3. *Заяц, Ю. А.* Кафля і кафляныя печы / Ю. А. Заяц // Археалогія Беларусі : у 4 т. / под науч. ред. П. Ф. Лысенко. – Минск: Беларус. навука, 2001. – Т. 4 : Помнікі XIV–XVIII стст. – С. 319–348.
4. *Заяц, Ю. А.* Заслаўская кафля / Ю. А. Заяц. – Минск: Навука і тэхніка, 1990. – 62 с.
5. *Ганецкая, І. У.* Рэканструкцыя печы Глускага замка / І. Ганецкая // Нясвіжскі палац Радзівілаў: гісторыя, новыя даследаванні. Выходныя матэрыялы 1-й Міжнароднага навука.-практ. канф. – Нясвіж, 2010. – С. 137–144.
6. *Здановіч, Н. І.* Беларуская паліваная кераміка XI–XVIII стст. / Н. І. Здановіч, А. А. Трусаў. – Минск: Навука і тэхніка, 1993. – 183 с.
7. *Паничева, Л. Г.* Изразцы и изразцовые печи позднесредневекового Полоцка / Л. Г. Паничева // Сов. археология. – 1981. – № 3. – С. 274–280.
8. *Пракапцоў, П.* Праблемы рэканструкцыі мірскай кафлі канца XVI – сярэдзіны XVII ст. [Электронны рэсурс] / П. Пракапцоў. – Рэжым доступу: http://mirzamak.by/admin-panel/vendor/kcfinder/upload/files/Publications/prakarcov_prablemy.pdf. – Дата доступу: 22.11.2014.
9. *Пракапцоў, П.* Тыпалагічныя асаблівасці і праблемы рэканструкцыі мірскай кафлі [Электронны рэсурс] / П. Пракапцоў. – Рэжым доступу: http://mirzamak.by/adminpanel/vendor/kcfinder/upload/files/Publications/prakarcov_prablemy.pdf. – Дата доступу: 22.11.2014.
10. *Соловьев, А. А.* Изразцы и печи полоцкого иезуитского коллегиума (конец XVI – первая треть XIX вв.): архитект.-археолог. очерк / А. А. Соловьев. – Полоцк: Полоцк. кн. изд-во, 2013. – 95 с. : ил.
11. *Шуткова, Н. П.* Реконструкция ренессансного печного изразцового набора Замковой горы г. Кричева : (по материалам археологических раскопок 1973–1976 гг. М. А. Ткачева) / Н. П. Шуткова // Молодой ученый. – 2016. – № 16. – С. 300–303.
12. *Шуткова, Н. П.* Пластинчатые печные изразцы XVI–XVIII вв. с территории Могилевского Поднепровья как символ искусства и христианского мировоззрения // Россия и Беларусь: история и культура в прошлом и в настоящем: материалы исследовательского проекта по белоруссоведению и россиеведению / под ред. Е. В. Кодиной. – Вып. 9. Смоленск: Изд-во Смоленского государственного университета, 2023. – С. 89–99.
13. *Шуткова, Н. П.* Печные изразцовые наборы Свято-Иоанно-Предтеченской церкви из Барколабово / Н. П. Шуткова // Романовские чтения – 12 : сборник статей Междунар. науч. конф., Могилев, 23–24 ноября 2016 г. / под общ. ред. А. С. Мельниковой. – Могилев: МГУ имени А. А. Кулешова, 2017. – С. 142–143.
14. *Шуткова, Н. П.* Пластинчатые печные изразцы с изображением «кованого металла» Могилевского Поднепровья и Посожья / Н. П. Шуткова // Беларуская Падзвінна: вопыт, метадыка і вынікі палявых і міждyscyплінарных даследаванняў : зб. навук. артыкулаў III Міжнароднага навука. канф., Полацк, 14–15 красавіка 2016 г. : у 2 ч. – Наваполацк: ПДУ, 2016. – Ч. 1. – С. 178–185.
15. *Шуткова, Н. П.* Составное изразцовое панно как элемент печного набора / Н. П. Шуткова // Современные проблемы гуманитарных и естественных наук : материалы XXIX Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 29–30 июня 2016 г. / Науч.-инф. издат. центр «Ин-т стратег. исследований». – М.: Изд-во «Ин-т стратег. исследований»: Перо, 2016. – С. 81–88.
16. *Шуткова, Н. П.* Реконструкция печного изразцового набора второй половины XVII – начала XVIII в. с территории Покровского посада г. Могилева / Н. П. Шуткова // Российско-белорусское пограничье: языковые и социокультурные аспекты взаимодействия : материалы Междунар. науч.-практ. конф. / М-во образования Респ. Беларусь, М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Беларус.-Рос. ун-т; редкол.: М. Е. Лустенков (гл. ред.). – Могилев: Беларус.-Рос. ун-т, 2021. – С. 223–226.
17. *Трусаў, А. А.* Стары замак у Гродна XI–XVIII стст. : гісторыка-археалагічны нарыс / А. А. Трусаў, В. Е. Собаль, Н. І. Здановіч. – Минск: Навука і тэхніка, 1993. – 152 с. : ил.
18. *Трусов, О. А.* Археологический отчет о проведении археологических раскопок в г. Мстиславле в июне–июле 1983 г. / О. А. Трусов // ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. – Арх. № 829. – Кн. 2.
19. *Левко, О. Н.* Отчет об археологических раскопках на территории Шкловского замка (д. Рьжковичи) в 2004 г. / О. Н. Левко // ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. – Арх. № 2171.
20. *Марзалюк, І. А.* Археалагічныя даследаванні 1994 года ў Магілёве / І. А. Марзалюк // Магілёўская даўніна. – 1996. – № 4. – С. 5–13.

Received by the editor on November 10, 2023.

Contacts: shutkova@msu.by (Shutkova Nazhdzha Petrovna).

Шуткова Н. П. СЮЖЕТНЫЕ КОМПОЗИЦИИ ПЕЧНЫХ НАБОРОВ МОГИЛЕВСКОГО ПОДНЕПРОВЬЯ XVI – XVIII вв.

На основании обработки археологического материала с территории Могилевского Поднепровья были осуществлены реконструкции печных наборов, облицованных пластинчатыми

изразцами. В статье подводится итог работы с этими реконструкциями в плане изменения использования вариантов сюжетных композиций на изразцах региона на протяжении XVI–XVIII вв.

Ключевые слова: печной пластинчатый изразец, печной набор, сюжетная композиция, Могилевское Поднепровье.

УДК 94(476)

ЛИЧНОСТЬ ЧИНОВНИКА ВИЛЕНСКОГО ЦЕНЗУРНОГО КОМИТЕТА (1844 г.).

Е. П. Цумарева

кандидат исторических наук, доцент
Белорусско-Российский университет,
докторант МГУ имени А. А. Кулешова

Статья посвящена исследованию личности чиновника Виленского цензурного комитета. Проведен историко-статистический анализ, позволивший создать исторический портрет цензора. Выявлены происхождение, вероисповедание, образовательный уровень, средний стаж, описаны правительственные награды, чины и звания, что в комплексе позволяет охарактеризовать уровень компетентности цензоров Виленского цензурного комитета. Описан характер профессий, которые занимали чиновники параллельно с осуществлением цензурной практики. Многие материалы вводятся в научный оборот впервые.

Ключевые слова: Виленский цензурный комитет, цензор, Г. И. Галлер-Фиони, И. Х. Вашкевич, А. М. Мухин, И. О. Фок, В. И. Тугендгольд, А. С. Элленбоген.

Введение

Проблеме анализа деятельности чиновника в цензурном ведомстве Российской империи посвящены работы историков цензуры Н. Г. Патрушевой, Д. А. Эльяшевич, Н. А. Гринченко [1-4]. В данных трудах представлены некоторые материалы о биографии и деятельности чиновников. В издании «Цензоры Российской империи, конец XVIII – начало XX века» содержатся справочные сведения о цензорах, по некоторым из них отсутствует биография [4]. В статье «Профессор в цензурном ведомстве России в первой половине XIX в.» исследовано участие профессоров в работе цензурного ведомства, представлен статистический анализ цензурного аппарата, проведена выборка социального и образовательного статуса чиновника [3, с. 10-13]. Представленная методология была полезна для написания данного исследования. На наш взгляд, исследование личностей и деятельности чиновников необходимо расширить.

Многие сведения о личности, социальном и вероисповедном статусе, чинах и звании, образованности и научной деятельности цензоров Виленского цензурного комитета (ВЦК) вводятся впервые. Уточнены биографические

данные академика Гавриила Ивановича Галлер-Фиони, известного инженера и фортификатора Российской империи, некоторое время служившего цензором в Виленском цензурном комитете.

Основная часть

В изучаемый период органом профессиональной цензуры на территории белорусско-литовских губерний являлся Виленский цензурный комитет. Цензоры назначались по представлению правителя Белорусского учебного округа. Несмотря на то что цензурная система находилась в ведении министерства просвещения, о кандидатах в цензоры также велась переписка с местной администрацией – губернатором и генерал-губернатором. Таким образом, к личности чиновника цензурного комитета предъявлялись особые требования. Помимо требований об образовании, высоких компетенциях и знания языков для осуществления перевода печатной продукции, в переписке министерства образования с губернатором мы встречаем требование о благонадежности кандидата.

Особенностью непростого времени 1830–40-х гг. на территории белорусско-литовских губерний было участие некоторых студентов и профессоров Виленского университета в восстании 1830–1831 гг. Эти события непосредственно отражались на карьере чиновников Виленского цензурного комитета, многие из которых работали в Виленских учебных заведениях. В 1832 г. Виленский университет был закрыт и только два факультета продолжили свое существование в видоизмененной форме. Многие цензоры по основной занятости входили в профессорско-преподавательский состав этих учебных заведений, некоторые цензоры имели ученые степени.

Согласно документам отчета 1844 г., в Виленском цензурном комитете в 1844 г. на службе состояли 6 цензоров, включая 2 цензора для просмотра изданий на еврейском языке. Средний возраст чиновника составлял 42 года, са-

мому младшему было 34 года, старшему – 49 лет. Таким образом, возраст цензоров можно считать средним. Средний стаж цензора на момент составления алфавитного списка Виленского цензурного комитета в 1844 г. составлял 7,8 лет. Самый большой непрерывный стаж цензора был 17 лет, наименьший стаж службы – 3 года.

По происхождению 3 были из дворян, в т. ч. иностранных, 1 из купеческого звания, 1 из духовного звания, происхождение 1 не установлено. Образовательный статус у виленских цензоров был высоким: 3 окончили высшее учебное заведение, 3 гимназию, лицей. Таким образом, несмотря на то, что по законодательству не было сословных препятствий для занятия должности цензора, требования к образованности сами по себе значительно сужали возможность выходцам из непривилегированных сословий занять данную должность.

Только у двух человек в реестре числилось недвижимое имущество, у одного из них также были в собственности крепостные крестьяне в России.

По вероисповедному признаку состав цензоров был разнообразен и включал 2 римско-католического вероисповедания, 2 православного, 1 был иудейского вероисповедания, 1 реформаторского. Представители иудейского и реформаторского вероисповеданий рассматривали еврейскую печать.

Отметим высокую научную острепенность виленских цензоров: 66 % из них имели ученую степень и звание. Два человека занимались научной деятельностью, переводили

книги и учебники, издавали их. Один человек был автором картин и чертежей, удостоенных наград императрицы и признанием ученого мира. Аттестаты цензоров свидетельствуют о высоком уровне знания иностранных языков.

Особенностью службы было совмещение работы в сфере цензуры с другой, зачастую более значимой для государства деятельностью. Только для одного члена цензурного комитета работа цензором являлась основной. Два человека работали старшими учителями, один человек был профессором и советником Академии. Цензором также являлся директор Виленского дворянского института. Один из цензоров, просматривавших издания на еврейских языках, был лекарем и лектором.

Описывая чины и статусы, отметим, что в кругу цензоров были коллежский советник, статский советник, коллежский асессор, надворный советник, почетный гражданин. Два человека были награждены орденом Св. Станислава 3-й степени, один человек орденом Св. Анны 3-й степени. Два цензора имели знаки отличия «За беспорочную службу» в течение 15 и 20 лет. Из личных наград за деятельность, не связанную с цензурой, отметим награды в виде золотых часов, перстней с драгоценными камнями. Следует отметить политический контекст благоволения за распространение русского языка и словесности, за успехи учеников по истории. За службу непосредственно в системе цензуры, наиболее распространенной наградой была золотая медаль на Аннинской ленте и премии в денежном эквиваленте.

Таблица 1 – Анализ состава цензоров Виленского цензурного комитета (6 чел.) [5, л. 1-25].

№ п/п	Вопросы для сравнения	Цензоры (количество чел.)
1	Возраст	44 года, 49 лет, 34 года, 49 лет, 38 лет, 38 лет
2	Происхождение	Из дворян – 2 чел., из иностранных дворян – 1 чел., из духовного звания – 1 чел., купеческого звания – 1 чел., не известно – 1 чел.
3	Собственность	Частный дом – 1 чел., в губерниях России в имуществе крепостные, дом – 1 чел.
4	Вероисповедание	Римско-католическое – 2 чел. (33,3 %), православное – 2 чел. (33,3 %), иудейское – 1 чел. (16,6 %), реформаторское – 1 чел. (16,6 %).
5	Образовательный ценз	Виленский университет – 1 чел., университет (предположительно) – 1 чел., Главный педагогический институт – 1 чел., гимназия в Силезии (предположительно) – 1 чел., Виленская гимназия – 1 чел., лицей – 1 чел.
6	Научные звания	Кандидат философии и магистр обоих прав – 1 чел., кандидат прав, звание accessit – 1 чел., профессор – 1 чел., академик в Императорской академии художеств – 1 чел.
7	Чин, статус	Коллежский советник – 1 чел., статский советник – 1 чел., коллежский асессор – 1 чел., надворный советник – 1 чел., почетный гражданин – 1 чел.
8	Награды	Орден Св. Станислава 3-й степени – 2 чел., орден Св. Анны 3-й степени – 1 чел.

Окончание таблицы 1

№ п/п	Вопросы для сравнения	Цензоры (количество чел.)
9	Личные награды за деятельность, не связанную с цензурой	6 наград императрицы (золотые часы, 5 перстней) – 1 чел., золотые часы – 1 чел., монаршее благоволение за похвальное стремление к распространению русского языка и словесности – 1 чел., благодарность министра народного просвещения за службу и успехи учеников по истории – 1 чел.
10	Знак отличия	«За беспорочную службу» в течение 20 лет – 1 чел., «За беспорочную службу» в течение 15 лет – 1 чел.
11	Премирование за службу в ВЦК	Золотая медаль на Аннинской ленте – 1 чел. Премия 300 руб. – 1 чел.
12	Основная работа	Профессор, советник академии – 1 чел. Директор Виленского дворянского института – 1 чел. Старший учитель русской словесности и логики – 1 чел. Лекарь и лектор еврейского языка – 1 чел. Основная работа цензор – 1 чел. Старший учитель исторических наук – 1 чел.
13	Стаж на момент составления отчета в 1844 г.	С 1841 г. – 2 чел. – 3 года. С 1839 г. – 1 чел. – 5 лет. С 1835 г. – 1 чел. – 9 лет. С 1834 г. – 1 чел. – 10 лет. С 1827 г. – 1 чел. – 17 лет.

Личности цензоров, осуществлявших цензуру в Виленском цензурном комитете в первой половине XIX в.

Вашкевич Иван Христофорович 1800 г. рождения. В собственности имел каменный 2-этажный дом в г. Вильно. Происходил из дворян римско-католического вероисповедания. Являлся кавалером орденов Св. Станислава 3-й степени и Св. Анны 3-й степени. Был награжден знаком отличия «За беспорочную службу» в течение 20 лет с 1841 г. Окончил Виленскую гимназию. Учился в Виленской семинарии с 1815 г. Получил звание кандидата философии в 1816 г., кандидата обоих прав в 1817 г. За превосходные успехи в науке получил от Виленского университета 100 р. премии. С 1819 г. работал учителем всеобщей истории и прав в Виленской гимназии. Получил звание магистра обоих прав в 1821 г., с 1824 г. перешел работать в Виленский университет, преподавал Государственное хозяйство. В 1825 г. являлся помощником визитатора гимназий и училищ г. Вильно. Совместно с другими чиновниками совершал визиты в учебные заведения и осуществлял инспекцию, ревизию. В карьерном росте ученого прослеживается поэтапное присвоение должностей. В 1829 г. присвоена младшая ученая должность в научном учреждении – адъюнкта. Уже в следующем, 1830 г. стал экстраординарным профессором. Это преподавательская должность, которую занимал молодой специалист со степенью доктора в дореволюционной России [5, л. 1-8].

И. Х. Вашкевич проводил разнообразную работу. В 1832 г. входил в комитет при Виленском университете для принятия дел бывшей Эдукационной комиссии, являвшейся руководящим органом системы образования в Речи Посполитой. При работе в Виленском университете его карьера менялась под воздействием изменений в вузе. В первой половине XIX в. Виленский университет был крупнейшим центром науки и образования, имел значительное имущество и финансирование. Университет был закрыт после восстания в 1832 г., в том числе из-за участия студентов и преподавателей в этих событиях. Однако два факультета продолжили свое существование в новой форме. Теологический факультет стал частью Духовной римско-католической академии, образованной в 1833 г., а медицинский факультет был преобразован в Медико-Хирургическую Академию. В 1832 г. И. Х. Вашкевич был перемещен в Императорскую Виленскую Медико-Хирургическую Академию в должности советника, где проработал с 1832 до 1840 г. [5, л. 8-9].

И. Х. Вашкевич был крупным специалистом по хозяйству и экономике не только на территории белорусско-литовских губерний, но и общегосударственного уровня. Поэтому в 1833 г. он был командирован в г. Санкт-Петербург для «обозрения по хозяйственной части лучших образовательных учреждений» [5, л. 11]. В 1835 г. И. Х. Вашкевич был утвержден цензором Виленского цензурного комитета. В 1839 г. участвовал в составлении тру-

дов Губернского статистического комитета, ведущими направлениями работы которого было описание развития экономики, исторические, статистические исследования.

В 1837 г. цензор был пожалован в коллежские советники. В 1839 г. награжден орденом Св. Анны 3-й степени.

И. Х. Вашкевич являлся автором и переводчиком научных трудов по экономике. В 1823 г. писал исследования о государственном хозяйстве, которые печатал в виленских журналах. В 1829 г. перевел с французского языка на польский сочинение А. К. Шторха «Cours d'économie politique ou exposition des principes qui déterminent la prospérité des nations». Этот труд считался одним из лучших учебников по политической экономии. Переведенное И. Х. Вашкевичем учебное пособие было издано в г. Вильно в 1829 г. В 1830 г. перевел с английского языка на польский сочинение Логика и дополнил его своими замечаниями, издал в г. Вильно в 1830 г. Также в 1830 г. в г. Вильно издал сочинение «Nauka o handlu». Последние два сочинения были высоко оценены местной властью и 31 июня 1829 г. утверждением Попечителя Виленского учебного округа были введены в преподавание по училищам округа. В 1838 г. издал сочинение по истории банков на польском языке [5, л. 10–11].

Цензором в Виленском цензурном комитете работал Галлер-Фиони Гавриил Иванович – статский советник, директор Виленского дворянского института, имевший знак отличия «За беспорочную службу» в течение 15 лет. В 1844 г. ему было 49 лет. Православный. Происходил из иностранных дворян, в имуществе в Костромской губернии имел 65 душ, в г. Москве деревянный дом. Был разносторонне развитым чиновником, обучался наукам (от гуманитарных до технических), рисованию. Знал множество иностранных языков, что было важно для работы цензора. Преуспел в инженерном деле. Начал государственную службу в ведомстве инженеров путей сообщений чертежником. В 1816 г. получил чин 10 класса. Был представлен императрице Елизавете Алексеевне, которая в 1819 г. за авторские картины и чертежи наградила Г. И. Галлера-Фиони золотой табакеркой. В 1819 г. получил звание академика в Императорской Академии художеств. В 1820, 1821, 1822, 1823 гг. в очередной раз был награжден императрицей за чертежи и картины четырьмя перстнями с бриллиантами. С 1824 г. работал в комиссии для

строений в г. Москве старшим инспекторским помощником. С 1825 г. министром финансов был назначен на должность учителя механики, черчения и мануфактурного рисования в Технологическом институте. С 1826 г. стал адъюнкт-профессором технологии в Московском университете в чине 8 класса. С 1827 г. был избран действительным членом Императорского общества испытателей природы при Московском университете. С 1828 г. член Общества истории древностей Российских. По предложению Московского военного генерал-губернатора в 1830 г. был переведен в Мастерскую команду при Московской военной рабочей бригаде. В 1831 г. член временного комитета по устройству дамбы у Краснохолмского моста в г. Москве. С 1832 г. советник комиссии для строения в г. Москве по ремонтной части, также в комиссии строения Москворецкого моста с 1832 г. В 1833 г. был награжден чином 7 класса, в 1833 г. получил чин надворного советника. В 1834 г. входил во временный комитет для «пособия погоревших в Лефортовской части и об урегулировании погоревших кварталов». В 1835 г. награжден перстнем. С 1836 г. министром народного просвещения отправлен на должность директора училищ Белостокской области. В 1835 г. произведен в коллежские советники. С 1837 г. инспектор казенных училищ Белорусского учебного округа. В 1839 г. по предписанию министра народного просвещения был определен цензором в Виленский цензурный комитет. В 1839 г. награжден знаком отличия «За беспорочную службу» в течение 15 лет. В 1840 г. получил государственную премию 750 руб. В 1840 г. назначен директором Виленского дворянского института. Г. И. Галлер периодически управлял Белорусским учебным округом: с мая по сентябрь 1841 г. по случаю отъезда попечителя Белорусского учебного округа Э. А. Грубера за границу в связи с длительным лечением; с мая по июль 1843 г. во время отъезда Попечителя Белорусского учебного округа для осмотра заведений округа. В октябре 1842 г. был произведен в статские советники [5, л. 14-18].

Цензором в Виленском цензурном комитете работал коллежский асессор Мухин Александр Михайлович. По происхождению из духовного звания, сын протоиерея. Православный, 34 года, холост. Он был старшим учителем русской словесности при Виленской губернской гимназии. Кавалер ордена Св. Станислава 3-й степени. Воспитывался в Харьковском коллегиуме, затем учился в

Главном педагогическом институте с 1829 г. С 1833 г. работал старшим учителем гимназии на службе Виленской дирекции ведомства Белорусского учебного округа. С 1834 г. – на должности старшего учителя русской словесности и логики в Белостокской гимназии. За успехи учеников в русском языке награжден особенным удовольствием от министра народного просвещения. В 1839 г. переведен из Белостокской гимназии в Виленский дворянский институт старшим учителем русской словесности и логики. С 1839 г. также преподавал «географию Русской империи». В 1838 г. за отличие по службе награжден орденом Св. Станислава 4-й степени, в 1839 г. стал кавалером ордена Св. Станислава 3-й степени. В 1839 г. объявлено монаршее благоволение за похвальное стремление к распространению русского языка и словесности [5, л. 37]. С 1840 г. назначен членом редакции «Литовского вестника», позже переименованного в «Виленский вестник». С 1841 г. на должности инспектора Виленского дворянского института. С 1841 г. по распоряжению министра народного просвещения занял должность цензора и получил чин 9 класса. Также перестал быть учителем, а остался на должности цензора и в редакции «Виленского вестника». Но в том же году по приказу попечителя Белорусского учебного округа уволен из редакции газеты, вместо этого стал работать учителем русской словесности в Виленской губернской гимназии. Был произведен в коллежские ассесоры.

Цензором при Виленском цензурном комитете работал надворный советник, старший учитель исторических наук в Виленской губернской гимназии Фок Иван Осипович. [5, л. 52]. Ему было 38 лет, дворянского происхождения, римско-католического вероисповедания. Холост. Окончил Виленскую губернскую гимназию. Поступил в Виленский университет в 1822 г. Карьеру начал в 1825 г. на должности учителя в семинарии при Виленском университете. В 1826 г. получил степень кандидата прав. За отличные успехи в науках получил 2-е звание *accessit* [5, л. 59]. В 1827 г. был отправлен руководством в Санкт-Петербург для улучшения знания русского языка. Там учился 2 года в Учительской семинарии при университете (с 1827 по 1829 г.). В 1829 г. определен учителем исторических наук в Гродненскую гимназию в м. Свислочь. В 1830 г. был перемещен во 2-ю Виленскую гимназию учителем истории и статистики. В 1831–1834 гг. работал учителем истории,

затем старшим учителем исторических наук в Виленской губернской гимназии. С 1834 г. по предписанию руководства гимназии принял в управление книжный магазин Виленской губернской гимназии и руководил им до 1837 г. В 1835 г. за службу и успехи учеников получил благодарность министра народного просвещения. В 1836 г. получил в награду золотые часы. В 1837 г. был утвержден в чине 9-го класса, а в 1838 г. указом Сената был возведен в чин коллежского ассесора. В 1841 г. был назначен цензором. Указом Сената в 1843 г. произведен в надворные советники, в 1843 г. награжден премией 300 руб. [5, л. 57–59].

Издания на еврейском языке в Виленском цензурном комитете рассматривал почетный гражданин Тугендгольд Вольф Исаевич. Ему было 49 лет, иудейского вероисповедания. Был женат, дети также были иудейского вероисповедания. Учился в прусской Силезии в г. Бреслау в университете. Занимался частным обучением детей и занимал канцелярскую должность до 1827 г. На работу в Виленский цензурный комитет поступил в 1827 г. для просмотра еврейских сочинений. В 1834 г. за усердную службу был награжден золотой медалью на Аннинской ленте. Указом Сената в 1843 г. пожалован в личные почетные граждане. Являлся автором научных сочинений и к 1844 г. опубликовал 13 сочинений и книг [5, л. 46].

Издания на еврейском языке в Виленском цензурном комитете рассматривал также Элленбоген Александр Соломонович. Лекарь второго отделения, ему было 38 лет, из купеческого звания, реформаторского вероисповедания, женат. Окончил Варшавский лицей в 1828 г. В Виленском цензурном комитете с 1834 г. на должности для рассмотрения еврейских книг с жалованием по штату. Также с 1835 г. являлся вольнослужителем в Виленской Медико-Хирургической Академии. По представлению Правления Римско-Католической Духовной Академии с 1839 г. А. С. Элленбоген начал работать лектором еврейского языка при этой академии. Выслушав полный курс медицинских наук в Виленской Медико-Хирургической Академии, сдав экзамен, получил в 1840 г. степень лекаря 11-го отделения [5, л. 60].

Заключение

Таким образом, цензоры Виленского цензурного комитета – это состоявшиеся чиновники, имевшие звания в табели о рангах и

высокий статус в обществе, были награждены не только за деятельность в сфере цензуры, но имели также личные награды от императрицы и министерства образования. В большинстве случаев (84 %) служба цензором не являлась основной занятостью, однако высокий уровень образованности обусловил необходимые компетенции в сфере профессиональной цензуры.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Гринченко, Н. А.* Цензоры Вильно XIX и начала XX века : (материалы для библиограф. справ.) / Н. А. Гринченко // Белорусский сборник : ст. и материалы по истории и культуре Белоруссии. – СПб., 2005. – Вып. 3. – С. 209–235.

2. *Патрушева, Н. Г.* История цензурных учреждений в Виленской губернии в XIX – начале XX века / Н. Г. Патрушева // Кнуготуга. – 2004. – Т. 43. – С. 58–86. (Совместно с Н. А. Гринченко, В. С. Измозик, Д. А. Эльяшевич, Д. И. Раскиным).

3. *Патрушева, Н. Г.* Профессор в цензурном ведомстве России в первой половине XIX в. / Н. Г. Патрушева // Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. – СПб., 2013. – Книжное дело: вчера, сегодня, завтра. Ч. 1 : Традиции и инновации в книжном деле: XVII Смирдинские чтения. – С. 9–20.

4. Цензоры Российской империи, конец XVIII – начало XX века : библиограф. справ. / Рос. нац. б-ка ; авт. коллектив: О. Ю. Абакумов,

В. В. Антонов, Ф. А. Аракелян, Н. А. Гринченко, В. С. Измозик, Н. Г. Патрушева, Д. И. Раскин, В. А. Сомов, И. П. Фут, Д. А. Эльяшевич; рук. работы Н. Г. Патрушева ; науч. ред. Д. И. Раскин ; ред. М. А. Бенина. – СПб., 2013. – 480 с.

5. Алфавитный список Виленского цензурного комитета. – Российский государственный исторический архив. – Ф. 1349. – Оп. 4. – Д. 286. Год 1844.

Поступила в редакцию 24.10.2023 г.

Контакты: tsumarava.alena@gmail.com (Цумарева Елена Петровна).

Tsumarava A. P. THE IDENTITY OF THE OFFICIAL OF THE VILNA CENSORSHIP COMMITTEE (1844)

The article is devoted to the study of the personality of an official of the Vilna Censorship Committee. A historical and statistical analysis was carried out, which made it possible to create a historical portrait of a censor. The origin, religion, educational level, average length of service are revealed, government awards, ranks and titles are described, which together allows the author to characterize the level of competence of censors of the Vilna Censorship Committee. The nature of the professions officials practiced along with censorship is highlighted. Many materials are being introduced into scientific circulation for the first time.

Keywords: Vilna Censorship Committee, censor, G.I. Haller-Fioni, I.H. Vashkevich, A.M. Mukhin, I.O. Fok, V.I. Tugendgold, A.S. Ellenbogen.

УДК 930

МАТЕРИАЛЫ «РУССКОГО ПРОВИНЦИАЛЬНОГО НЕКРОПОЛЯ» В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ИСТОРИОГРАФИИ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ БЕЛАРУСИ

Г. Н. Беляева

заместитель директора

Государственное учреждение образования «Средняя школа № 34 г. Могилева»

В настоящей статье впервые в белорусской историографии предпринимается попытка на основе комплексного анализа публикаций, посвященных вопросам белорусской некрополистики, выявить авторов, использовавших в своих публикациях материалы, собранные Виленской, Гродненской, Минской, Могилевской, Полоцкой консисториями в 1908–1912 гг. для издания 4-го тома «Русского провинциального некрополя» председателя Императорского русского исторического общества великого князя Н. М. Романова.

Ключевые слова: историография, исторический источник, публикации, некрополистика, кладбища, захоронения.

Введение

В 1907–1908 гг. по инициативе великого князя Н. М. Романова в Российской империи был начат широкомасштабный научный проект. Все епархии получили задание представить списки погребенных в церквях и на кладбищах духовных лиц, дворян и наиболее крупных общественных деятелей [1, с. 5–6]. Списки белорусских консисторий должны были войти в 4-й том «Русского провинциального некрополя». Начавшаяся Первая мировая война заставила инициаторов приостановить проект. Сегодня материалы белорусских епархий хранятся в фондах Российского государственного исторического архива (РГИА).

Основная часть

Если к рубежу XIX – началу XX в. у российских исследователей накопился немалый опыт в изучении и описании некрополя (были изданы фундаментальные труды «Московский некрополь» (1907–1908 гг.), «Петербургский некрополь» (1912–1913 гг.), то развитие некрополистики в белорусских губерниях только набирало обороты.

Описание оформления захоронений мы находим в контексте трудов ранних этнографов, археологов, фольклористов: Е. Тышкевича [2], Д. Булгаковского [3], Г. Татура [4],

А. Е. Богдановича [5] и др. К первым региональным работам по некрополистике можно отнести и книгу «Надгробия рода Тышкевичей» (1873 г.), ценность которой заключается в описании эпитафий XVI в. [6, с. 1, 8, 14].

К отдельным группам источников относятся сборники статистического характера, периодические издания. Например, в «Памятных книжках Витебской губернии» были опубликованы сведения об отдельных захоронениях Полоцкого Борисо-Глебского монастыря [7, с. 46], Свято-Троицкой церкви Маркова монастыря [8, с. 69] и др. В труде «Историко-статистическое описание Минской епархии» даны сведения о предположительном месте погребения святителя К. Туровского, описание надгробия епископа К. Терлецкого [9, с. 52, 54]. В изданиях можно найти описание местных похоронных обрядов [10], надгробных памятников [11]. В 1900 г. в сборнике «Могилевская старина» Е. Р. Романов представил материалы о надмогильном каменном кресте с инскрипцией «1598 год», найденном в д. Вендорж Могилевской губернии [12]. В «Епархиальных ведомостях» издавались некрологи, описывались погребения священнослужителей.

Отдельным, не знающим аналогов на территории белорусских губерний трудом являлось издание «Виленский православный некрополь», опубликованное в 1892 г. под патронажем Виленского епископа Иосифа (И. А. Соколова) [13]. Труд собирался по образцу «Петербургского некрополя» [13, с. 4]. Сравнительный анализ материалов издания и архивов неопубликованного 4-го тома «Русского провинциального некрополя» показал, что их содержание практически не дублируется, источники дополняют друг друга.

В 1908–1912 гг. белорусские консистории присоединились к проекту Председателя Императорского русского исторического общества великого князя Н. М. Романова. Были собраны списки с описанием надгробий духовных лиц, дворян, общественных деятелей, захороненных на территории епархий.

Материалы планировалось опубликовать в 4-м томе «Русского провинциального некрополя». Однако изданы они так и не были.

В советской Беларуси основное внимание уделялось мемориализации мест воинских захоронений [14; 15]. Гражданские захоронения рассматривались в контексте публикаций по истории материальной культуры и архитектуры, археологии [16; 17]. На территории Западной Беларуси в 1936 г. А. Снежка опубликовал статью по военному кладбищу в г. Лиде [18].

Первые фундаментальные исследования белорусского некрополя пришлось на середину 90-х гг. XX в. В 1995 г. вышла публикация Ю. Ю. Гордеева по истории Гродненского фарного кладбища [19]. В 1999 г. работа была продолжена в соавторстве с Я. Розмусом [20].

Документирование еврейских памятников на территории Беларуси провели в 80–90-е гг. экспедиции В. Дымшица [21, с. 9], М. Хейфеца [21, с. 49], И. Дворкина [21, с. 185–213]. Историографии еврейской надгробной эпиграфике Беларуси посвящена статья И. Муратова [22]. В 1990–1991 гг. в регионе Новогрудка работала экспедиция Д. Слядецкого из Люблинского католического университета [23]. В 1998–1999 гг. Н.П. Гайбой было описано 11 известных и предполагаемых мест захоронения жителей г. Новогрудка X–XX вв. [24].

На кладбищах Западной Беларуси работали польские ученые-этнологи Ю. Страчук, Д. Демский [25; 26]. В 1999 г. в г. Варшаве вышла публикация по татарским захоронениям [27].

Захоронения в контексте описания усадеб представил А. Т. Федорук [28] с позиции монументальной архитектуры – Т. В. Габрусь [29].

Знакомство с монографией В. Н. Черепицы «Гродненский Православный некрополь» показало, что автор знал о проекте Н. М. Романова, но с материалами архивов не работал [30, с. 12].

С позиции эпиграфики и генеалогии исследовал надгробия г. Гродно С. В. Омелько [31], с позиции этнографии – М. Ф. Романюк [32]. Изучению нарубов посвящена статья Г. Цыхуна [33].

Еврейские надгробия в Витебске исследовали А. М. Подлипский, Л. А. Польшковский, А. Л. Шульман, М. Рывкин [34; 35; 36].

Дореволюционные захоронения Минского военного кладбища стали объектом исследования А. А. Лукьянова, А. Л. Самовича, А. А. Шумкова (2002 г.) [37], фотографии, описание каплиц священников представил А. Еременко (2003 г.) [38]. В. А. Лобач изучал

захоронения в этнографических экспедициях в верховьях Березины и Вилии (2008 г.) [39].

В 2007–2008 гг. в Польше были опубликованы три каталога, посвященные кладбищам бывшего Белостокского уезда (ныне Беларусь) [40], католическим захоронениям бывшего Новогрудского воеводства Речи Посполитой [41]. Территориально издание охватило 166 населенных пунктов Минской и Брестской областей.

2008 г. отмечен публикацией документального издания о захоронениях времен Великой Отечественной войны [42]. Некрополю знаменитых белорусов на территории Беларуси, США, Германии, Канады посвящена книга О. Ипатовой [43]. С позиции памятника архитектуры представлены в энциклопедическом справочнике А. М. Кулагина белорусские каплицы [44]. Некрополю Минской и Гродненской областей посвящены изыскания С. В. Грунтова [45]), Н. А. Чабаровой [46]. В 2009 г. Н. П. Гайба подвел определенный итог, освятив историографию опубликованных с 1990 по 2008 г. изысканий, посвященных белорусскому некрополю, проанализировал личный опыт исследования некрополя г. Новогрудка [47]. А. М. Лукашевич исследовал некрополь участников Отечественной войны 1812 г. [48], А. Н. Вабишевич [49], А. В. Шарков, В. Д. Селеменев [50] – захоронения Первой мировой войны.

Комплексное исследование сельского кладбища в д. Плебань Молодеченского района Минской области проведено в О. В. Семашко (2013–2014 гг.) [51]. Исследование еврейского некрополя г. Бреста отражено в работе И. И. Вавренюка [52].

Эпиграфика надгробных памятников г. Гродно и гродненского района с позиции орфографических, лексических особенностей региона отражена в статье И. В. Пивоварчик и Н. Г. Филины [53, с. 91–108], методология изучения сельских некрополей Северо-Западной Беларуси – С. Е. Сельверстовой [53, с. 109–125], эволюция погребальных традиций сельского населения белорусского Понеманья – А. А. Добрияна, Ю. В. Юрковец (2015 г.) [53, с. 126–144], традиции установки надгробий, работы скульпторов в г. Гродно – Л. М. Зориной (2017 г.) [54].

В 2020 г. И. Н. Чайчиц представил обзор захоронений и некрополей в г. Бресте и его окрестностях [55]. Некрополь как индикатор национальной, этнической и религиозной идентичности рассматривает Т. В. Петрова [56].

Некрополь как многогранный исторический источник с позиции изучения вопросов демографии, ономастики, социальных отношений, эпиграфики, мемориальной пластики исследует И. В. Синчук (2019 г.) [57].

Вопрос охраны и юридического статуса старинных кладбищ как объектов культурного наследия актуализирует Д. В. Юрчак. В некрополе автор видит и туристический объект [58]. На некрополь как объект коммеморации, формирования исторической памяти обращает внимание С. А. Пивоварчик (2022 г.) [59].

Заключение

Таким образом, анализ белорусской историографии показал что отдельные белорусские исследователи знали о проекте Н. М. Романова, однако материалами сохранившихся архивов не пользовались; первыми изданиями, где материалы, собранные белорусскими консисториями для публикации 4-го тома «Русского провинциального некрополя», выступают в качестве исторического источника по некрополистике, являются публикации автора [60; 61]; в Беларуси отсутствуют работы по некрополистике, территориально охватывающие всю Беларусь, изыскания носят краеведческий характер. В то же время публикации белорусских ученых показывают, что некрополь рассматривается ими как источник по истории, генеалогии, демографии, ономастики, социальных отношений, эпиграфики, монументальной архитектуры, мемориальной пластики и т.д.; актуальным является вопрос о сохранении старинных некрополей как объектов культурного и исторического наследия, включении их в социальную сферу жизни общества в качестве туристических объектов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Романов, Н. М.** Русский Провинциальный Некрополь / Н. М. Романов. – М. : Типо-литография товарищества И. Н. Кушнерев и К°, 1914. – Т. 1. – 1020 с.
2. **Tyszkiewicz, E.** Rzut oka na źródła archeologii krajowej, czyli opisanie zabytków niektórych starożytności, odkrytych w zachodnich guberniach Cesarstwa Rosyjskiego / E. Tyszkiewicz. – Wilno, 1842. – 64 s.
3. **Булгаковский, Д. Г.** Пинчуки. Этнографический сборник. Песни, загадки, пословицы, обряды, приметы, предрассудки, поверья, суеверия и местный словарь / Д. Г. Булгаковский. – СПб., 1890. – 200 с.

4. **Татур, Г. Х.** Очерк археологических памятников на пространстве Минской губернии и ее археологическое значение / Г. Х. Татур. – Минск, 1892. – 276 с.

5. **Богданович, А. Е.** Пережитки древнего миросозерцания у белорусов: этнографический очерк / А. Е. Богданович. – Гродно, 1895. – 186 с.

6. **Tyszkiewicz, E.** Groby rodziny Tyszkiewiczów / E. Tyszkiewicz. – Warszawa, 1873. – 109 s.

7. **Сементовский, А. М.** Полотский Борисо-Глебский монастырь / А. М. Сементовский // Памятная книжка Витебской губернии на 1866 г. – СПб., 1867. – С. 38–51.

8. Описание Маркова монастыря // Памятная книжка Витебской губернии на 1865 г. – СПб., 1866. – 276 с.

9. Историко-статистическое описание Минской епархии / сост. архим. Н. Трусовский. – СПб. : Тип. духовного журн. «Странник», 1864. – 315 с.

10. Витебская губерния. Историко-географический и статистический отчет. – Витебск : Губ. тип., 1890. – Вып. 1. – 387 с.

11. **Г. В.** Об архитектуре надгробных памятников / Г. В. // Минские губернские ведомости. Отдел второй. – 1850. – № 7. – С. 47–50.

12. Каменный крест 1598 года // Сборник статей «Могилевских губернских ведомостей» / под ред. Е. Р. Романова. – Могилев, 1900. – Вып. 1. – С. 7–8.

13. **Иосиф.** Виленский православный некрополь / еп. Иосиф. – Вильно : Тип. И. Блюмовича, 1892. – 422 с.

14. Витебск: энциклопедический справочник / гл. редактор И. П. Шамякин. – Минск : БелСЭ им. П. Бровки, 1988. – 408 с.

15. Віцебскі раён: Краязнаўчыя нарысы / аўт.-уклад. М. В. Півавар. – Віцебск, 2007. – 320 с.

16. Атлас памятников архитектуры и мемориальных комплексов Белоруссии : учеб. пособие для архит. спец. вузов / В. А. Чантурия. – Минск : Вышэйшая школа, 1983. – 110 с. : ил.

17. **Ткачоў, М. А.** Замкі Беларусі / М. А. Ткачоў. – Мінск : Польша, 1977. – 83 с.

18. **Snieżka, A.** Cmentarz wojenny w Lidzie / A. Snieżka // Ziemia Lidzka. – 1936. – № 8. – S. 1.

19. **Гардзеў, Ю. Ю.** Гродзенскія фарныя каталіцкія могілкі (канец XVIII – першая трэць XX ст.) / Ю. Ю. Гардзеў // Краязнаўчыя запіскі : зб. арт. да 75-годдзя заснав. ГДГАМ / Гродзен. дзярж. гіст.-археалаг. музей; рэдкал.: В. М. Царук [і інш.]. – Гродна, 1995. – Вып. 3. – С. 114–121.

20. **Розмус, Я.** Фарныя могілкі ў Гродне, 1792–1939 / Я. Розмус, Ю. Гардзеў // Наша вера. – 2003. – № 3. – С. 61–66.

21. История евреев на Украине и в Белоруссии : Экспедиции. Памятники. Находки : сб. науч.

- тр. / сост. В. М. Лукин и др.; отв. ред. В. А. Дымшиц. – СПб. : Петерб. евр. ун-т, 1994. – Вып. 2. – 220, [3] с. : ил.
22. **Муратов, И.** Еврейская надгробная эпиграфика Беларуси. Еврейское кладбище в Друе / И. Муратов // Тирош – труды по иудаике : [сборник статей]. – М., 2009. – Вып. 9. – С. 78–103.
23. **Sladecki, D.** Cmentarze na Białorusi. Stan zachowania i inwentaryzacja / D. Sladecki. // Ochrona wspólnego dziedzictwa kulturowego. Międzynar. konfer. w Krasicy. – Warszawa, 1993. – S. 194–214.
24. **Гайба, М. П.** Могілкі і пахаванні ў Навагрудку / М. П. Гайба. – Мінск : Пейто, 2000. – 36 с.
25. **Straczuk, J.** Cmentarz i stół. Pogranicze prawosławno-katolickie w Polsce i na Białorusi / J. Straczuk. – Wrocław, 2006. – 275, [1] s. : il.
26. **Demski, D.** „Najważniejsze, żeby pamiętać...”. Cmentarz jako źródło do badań tożsamości zbiorowej mieszkańców wsi na Białorusi i ich wyobrażeń na temat śmierci / D. Demski // Etnografia Polska. – 2000. – Т. XLIV. – Z. 1–2. – ss. 79–98.
27. **Drozd, A.** Meczety i cmentarze Tatarów polsko-litewskich / A. Drozd, M. Dziekan, T. Majda Tadeusz. – Warszawa, 1999. – 101 s., 309 f.
28. **Федорук, А. Т.** Старинные усадьбы Минской области / А. Т. Федорук. – Множественное число: Полифакт. – Лекция, 2000. – 416 с.
29. **Габрусь, Т. В.** Мураваныя харалы: Сакаральная архітэктура беларускага барока / Т. В. Габрусь. – Мінск : Ураджай, 2001. – 287 с.
30. **Черепица, В. Н.** Гродненский Православный некрополь (с древнейших времен до наших дней) / В. Н. Черепица. – Гродно: ГрГУ, 2001. – 230 с.
31. **Амелька, С.** Геральдычныя, генеалагічныя і эпиграфічныя крыніцы Беларусі : Горадня / С. Амелька // Герольд-Litherland. – 2002. – № 3–4. – С. 120–121.
32. **Раманюк, М. Ф.** Беларускія народныя крыжы = Belarusian folk crosses / М. Ф. Раманюк. – Вільнюс : Наша Ніва : Дзяніс Раманюк, 2000. – 221 с.
33. **Цыхун, Г.** Полесские нарубы (лингвоэтнонический аспект) / Г. Цыхун // Язык культуры: Семантика и грамматика. К 80-летию со дня рождения академика Никиты Ильича Толстого (1923–1996) / отв. ред. С. М. Толстая. – М. : Индрик. – 2004. – С. 466–475.
34. Путеводитель по Старо-Улановичскому (Еврейскому) кладбищу в Витебске / сост. А. М. Подлипский. – Витебск : Витеб. обл. тип., 2001. – 96 с.
35. Путеводитель по Старо-Улановичскому (еврейскому) кладбищу в Витебске. – 2-е изд., доп. / сост.: Л. А. Польшковский, А. Л. Шульман. – Витебск : Витеб. обл. тип., 2018. – 200 с.
36. **Подлипский, А. М.** Наш вечный дом: (из истории еврейских кладбищ в Витебске) / А. М. Подлипский, М. Рывкин. – Витебск : Витеб. обл. тип., 2003. – 80 с.
37. Минское военное кладбище: захоронения дореволюционного периода (сохранившиеся к настоящему времени) / сост. А. А. Лукьянов, А. Л. Самович, А. А. Шумков. – СПб. : Изд-во ВИРД, 2002. – 31 с., схема.
38. Каталицкія святыні. Мінска-Магілёўская архідыяцэзія. Будслаўскі, Вілейскі і Мінскі дэканаты / Тэкст і фота А. Яроменкі. – Менск : Про Хрысто, 2003. – Ч. I. – 256 с.
39. **Лобач, У. А.** Сімвалічны статус і рытуальныя функцыі могілак у беларускай народнай культуры вярхоўяў Бярэзіны і Віліі ХХ – пач. ХХІ ст. / У. А. Лобач // Веснік Полацк. дзярж. ун-та. Сер. А. Гум. навукі. – 2008. – № 1. – С. 71–82.
40. Zabytkowe cmentarze na Kresach Wschodnich Drugiej Rzeczypospolitej. Wschodnie powiaty dawnego województwa białostockiego (obecnie na terenie Białorusi) : w 3 t. / komp. A. Lewkowska, J. Lewkowski, W. Walczak. – Warszawa, 2007–2008. – 3 t.
41. Zabytkowe cmentarze na Kresach Wschodnich Drugiej Rzeczypospolitej: województwo nowogródzkie / A. Lewkowska, W. Walczak. – Warszawa, 2008. – S. 512.
42. Увековечение памяти защитников Отечества и жертв войн в Беларуси 1941–2008 гг. : док. и материалы / сост. В. И. Адамушко [и др.]. – Мінск : НАРБ, 2008. – 304 с. : ил.
43. **Іпатава, В.** Свабода да апошняга дыхання. Апаведы пра падарожжы / В. Іпатава. – Мінск, 2009. – 183 с.
44. **Кулагін, А. М.** Капліца / А. М. Кулагін // Каталицкія храмы Беларусі : энцыкл. даведнік / фатограф А. Л. Дыбоўскі. – 2-е выд. – Мінск : БелЭн, 2008. – 488 с.
45. **Грунтоў, С. У.** Семантыка мемарыяльных помнікаў беларусаў канца ХVІІІ – пачатку ХХІ стагоддзя : аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук : 07.00.07 / Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору. – Мінск, 2011. – 22 с.
46. **Чабарава, Н. А.** Надмагіллі Заходняй Беларусі ХІХ – першай паловы ХХ стагоддзяў / Н. А. Чабарава // Ян Булгак і культура заходне-беларускага рэгіёну ў канцы ХІХ ст. і да Другой сусветнай вайны : зб. навук. арт. / Гродзен. дзярж. ун-т ; рэдкал.: В. В. Швед (адк. рэд.) [і інш.]. – Гродна, 2009. – С. 127–131.
47. **Гайба, М.** Гістарычныя могілкі Беларусі: гістарыяграфія і вопыт даследавання тэмы / М. Гайба // Гістарыяграфія і крыніцы па гісторыі гарадоў і працэсаў урбанізацыі ў Беларусі : зб. навук. арт. / Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь, Установа адукацыі «Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Я. Купалы». – Гродна, 2009. – С. 367–373.

48. *Лукашевич, А. М.* Памятники и памятные места 1812 года в Беларуси / А. М. Лукашевич. – Минск : Харвест, сор. 2012. – 287 с., [16] л. цв. ил., портр. : ил., карты, портр.
49. *Вабішчэвіч, А. М.* Стан і захаванне воінскіх пахаванняў Першай сусветнай вайны ў Заходняй Беларусі ў 1921–1939 гг. / А. М. Вабішчэвіч // Беларус. гіст. час. – 2014. – № 9. – С. 15–22.
50. *Шарков, А. В.* Воинские захоронения Первой мировой войны в Беларуси / А. В. Шарков, В. Д. Селеменев. – Минск, 2010. – 188 с.
51. На «панскіх» могілках Плябані / уклад. і аўт. прадм. В. Сямашка. – Мінск : Медысон, 2013. – 138 с.
52. *Вавренюк, И. И.* Еврейские кладбища Бреста / И. И. Вавренюк : LAP Lambert Acad. Publ. RU, 2018. – 165 с.
53. Кладбища трансграничных регионов : сб. науч. ст. по некрополистике / Гродн. гос. ун-т, Даугавпил. ун-т ; редкол.: С. Пивоварчик (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2015. – с. 146.
54. *Зорына, Л.* Гродзенскія скульптары XIX – пачатку XX ст. / Л. Зорына ; пер. В. Астроўскай // Гарадзен. гадавік. – 2017. – № 5. – С. 69–94.
55. *Чайчиц, И. Н.* Записки брестского некрополиста / И. Н. Чайчиц. – Брест : Брестская типография, 2020. – 113 с.
56. *Петрова, Т. В.* Надписи на надгробиях некрополей XIX – начала XX века Беларуси и Поволжья как индикаторы национальной и религиозной идентичности / Т. В. Петрова // Вестник Костромского государственного университета – 2018. – Т. 24. – № 3. – С. 196–199.
57. *Синчук, И.* Сельский некрополь Полесья: Борисовское кладбище (Кобринский р-н Брестской обл. Республики Беларусь) / И. Синчук // Вісник Львівського університету. Сер. історична. – 2019. – С. 869–926.
58. *Юрчак, Д. В.* Зеркало живых: к вопросу о сохранении старинных некрополей в Республике Беларусь / Д. В. Юрчак // Беларус. думка. – 2022. – № 1. – С. 85–91.
59. *Пивоварчик, С. А.* Историко-культурное наследие и коммеморативные практики в формировании исторической памяти молодежи / С. А. Пивоварчик // Современная молодежь и общество. – 2022. – № 10. – С. 85–89.
60. *Беляева, Г. Н.* «Минский епархиальный некрополь. Архивные документы великого князя Н. М. Романова (1908–1910 гг.) / Г. Н. Беляева. – Могилев : АмелияПринт, 2022. – 160 с. : ил.
61. *Беляева, Г. Н.* Неопубликованный провинциальный некрополь Николая Михайловича Романова. Могилевская епархия (1908–1911 г.) / Г. Н. Беляева. – Могилев : АмелияПринт, 2020. – 160 с. : ил.

Поступила в редакцию 14.12.2023 г.

Контакты: h.belyaeva@mail.ru (Беляева Галина Николаевна).

Belyaeva G. N. MATERIALS OF THE 'RUSSIAN PROVINCIAL NECROPOLIS' IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF HISTORIOGRAPHY AND SOURCE STUDIES OF BELARUS

For the first time in Belarusian historiography in the article an attempt based on a comprehensive analysis of publications dedicated to Belarusian necropolitics is made to identify the authors who utilized materials collected by the Vilnius, Grodno, Minsk, Mogilev, and Polotsk consistories in 1908–1912 for the publication of the fourth volume of the “Russian Provincial Necropolis”. These materials were collected under the chairmanship of the Grand Duke N. M. Romanov, the head of the Imperial Russian Historical Society.

Keywords: historiography, historical source, publications, necropolitics, cemeteries, burials.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЛИБЕРАЛЬНЫХ И ПРАВЫХ ПАРТИЙ ПО РЕШЕНИЮ ПРОБЛЕМЫ АЛКОГОЛИЗМА В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ ТРЕТЬЕГО СОЗЫВА (1907–1912 гг.)

Е. И. Головач

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии
Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

Статья посвящена исследованию деятельности либеральных и правых партий в III Государственной думе, направленной на разработку антиалкогольного законодательства. Для этого анализируется содержание законопроектов, поступивших на рассмотрение Думы, определяется политическая принадлежность и участие думских деятелей, избранных на территории Беларуси, в обсуждении и дальнейшем продвижении ряда законодательных инициатив, призванных решить проблему алкоголизма в Российской империи.

Ключевые слова: алкоголизм, законодательное предложение, Государственная дума, депутаты, белорусско-литовские губернии, либеральные и правые партии.

Введение

В начале XX века в соответствии с Манифестом 17 октября 1905 г. в Российской империи было создано законодательное представительное учреждение – Государственная дума. В ее обязанности входило рассмотрение законопроектов, которые затем должны были обсуждаться в Государственном совете и утверждаться императором. Государственная дума давала возможность политическим партиям путем легальной законодательной деятельности разрешить важнейшие для населения империи социальные вопросы, в том числе проблему алкоголизма. В связи с этим либеральные и правые партии активизировали свою деятельность в представительном учреждении третьего созыва, просуществовавшем весь положенный пятилетний срок, с целью разработки и принятия законодательных инициатив, направленных на сохранение и укрепление общественного здоровья.

Основная часть

16 ноября 1907 г. председатель Совета Министров П. А. Столыпин выступил перед депутатами Государственной думы с речью, в которой изложил правительственную программу по вопросам государственного рефор-

мирования. Касаясь перспектив законодательной работы созванного представительного учреждения, он отметил, что на рассмотрение Государственной думы третьего созыва внесены значительная часть законопроектов, к обсуждению которых не успела перейти вторая Дума. В его речи нашли отражение различные вопросы: аграрный и рабочий, народное образование, местное самоуправление, социальное страхование, местный суд и др. [1, с. 60–64]. В то же время такая важная социальная проблема, как алкоголизм, затронута не была.

Выступление П. А. Столыпина положило начало обсуждению в Думе важнейших внутриполитических вопросов. В ответ на речь председателя Совета министров высказали свои суждения представители ведущих думских фракций. Так, самарский октябрист М. Д. Чельшев поставил на повестку дня вопрос о необходимости законодательным путем вести борьбу с алкоголизмом, который, по его мнению, является одной из главных причин бедности, преступности, а также нравственного и физического разложения населения [2, с. 362].

29 ноября 1907 г. по инициативе 39 депутатов в Государственную думу поступило заявление о желательности создания комиссии по борьбе с пьянством. В итоге 11 декабря этого же года было принято постановление Думы, в соответствии с которым была образована комиссия в составе 22 человек [3, с. 121]. На рассмотрение комиссии по борьбе с пьянством поступали законопроекты, заявления и предложения от различных ведомств и думских фракций. Заявление о необходимости создания специальной комиссии, которая занималась бы выработкой мер, направленных на борьбу с пьянством, подписали 65 человек. Среди них были представители либеральных и правых партий от белорусских губерний: В. М. Кузьминский (русский националист), епископ Митрофан (правый), Ф. Т. Шевцов (прогрессист) [4, с. 35]. Значительную часть

комиссии составляли члены фракции октябристов. Ее председателем стал епископ Митрофан (Могилевская губ.), а секретарем – Н. В. Жданов (Самарская губ.) [5, с. 173].

В 1908 г. депутат М. Д. Челышев обратился к членам Государственной думы с предложением создать группу лиц, основной задачей которой являлось бы предварительное и всестороннее обсуждение основных положений обозначенной социальной проблемы. По мнению самарского депутата, реализация его предложения способствовала бы устранению разногласий при обсуждении антиалкогольного законопроекта в представительном учреждении. Участником такой группы мог быть любой человек вне зависимости от его политических убеждений. Поддержали данную инициативу 154 депутата, среди которых представителями белорусско-литовских губерний являлись: русские националисты (К. Ф. Томашевич, В. К. Тычинин, Ф. Т. Шевцов), умеренно-правые (В. Г. Амосенок), правые (А. С. Вераксин, М. К. Ермолаев, епископ Митрофан), прогрессист В. А. Бич, октябрист И. Я. Павлович [2, с. 759–760].

В 1908 г. Государственной думой было принято решение о разработке параллельно двух законопроектов, один из которых поручался комиссии по борьбе с пьянством, а второй – Министерству финансов. Против такого решения Думы выступил представитель Могилевской губернии епископ Митрофан, который полагал, что логичнее было бы оставить разработку антиалкогольного законопроекта за думской комиссией.

Подготовка законодательных предложений, направленных на борьбу с пьянством, сопровождалась весьма оживленными дискуссиями в Думе. Это было связано с тем, что позиции различных политических сил по обозначенной проблеме существенно отличались. В прениях в Государственной думе по алкогольной проблематике принимал участие витебский депутат В. Г. Амосенок (умеренно-правый), который отметил, что государство тратит огромные средства на нужды казенной продажи питей. Он предлагал наделить крестьян землей, обложив ее прогрессивным налогом. По его мнению, в этом случае у крестьян не будет больше причин злоупотреблять спиртными напитками, а в России «будет мир и тишина, и прекратится даже революция, сократится лишнее употребление оружия для внутренних беспорядков...» [6, с. 110]. Таким образом, представитель Витебской губернии

рассматривал непосредственную взаимосвязь между ликвидацией пьянства и решением земельного вопроса.

На рассмотрение Государственной думы третьего созыва депутатами было внесено несколько законодательных предложений:

1. Законопроект «Об изменении и дополнении некоторых статей Св. Зак., т. V, изд. 1903 г., относительно продажи спиртных напитков» (7 декабря 1907 г.) был внесен фракцией октябристов. В поддержку данного законопроекта выступил 31 депутат (5 умеренно-правых, 25 октябристов, 1 прогрессист), среди которых был витебский октябрист П. Г. Дюпельмайер [3, с. 352–353]. Целью законопроекта являлась борьба с пьянством, представлявшим собой, по мнению депутатов, национальное бедствие для России. Реализация данной законодательной инициативы могла сделать алкогольную продукцию менее доступной для населения. В законопроекте указывалось на необходимость принятия ряда мер с целью борьбы с пьянством. Во-первых, увеличение минимального размера посуды до 1/20 ведра (по действующим правилам – 1/200 ведра). Депутаты полагали, что введение такой меры существенно затруднило бы покупку алкоголя, а также посещение чайных «со своей водкой в кармане» [7, с. 98]. Во-вторых, предоставление сельским обществ права не разрешать открытие на их землях винных лавок и закрывать их. Актуальность введения такой меры была обусловлена тем, что правительство не стремилось ограничивать масштабы винной торговли и в большинстве случаев игнорировало ходатайства сельских обществ о закрытии питейных заведений. В-третьих, сокращение времени продажи крепких напитков [8, с. 155].

9 декабря 1911 г. законопроект был одобрен Государственной думой, но дальнейшего продолжения не имел.

2. Законопроект «О сосредоточении мест продажи спиртных напитков исключительно в городах» (4 апреля 1908 г.) подписали 192 депутата (29 правых, 11 националистов, 35 умеренно-правых, 59 октябристов, 10 прогрессистов, 14 конституционных демократов) [3, с. 352–353]. Среди них были 23 представителя от белорусско-литовских губерний, основная часть которых входила в состав монархических организаций. Многие из депутатов являлись священнослужителями: А. С. Вераксин, В. Ф. Голынец, В. М. Кузьминский, С. Г. Мацеевич, епископ Митрофан, Ф. И. Никонович, С. И. Соловьевич, В. А. Якубович [4 с. 35].

Разработчики законопроекта связывали истоки проблемы с недостаточным уровнем распространения просвещения среди местного населения, а также доступностью алкогольных напитков и повсеместным открытием питейных заведений. Они отмечали, что лица с низким уровнем образования проводят много времени в кабаках, не представляя для себя, чем можно заняться в свободное время. Депутаты предложили ряд мер, направленных на компенсацию соответствующего уменьшения доходов казны: введение других видов налогов, увеличение продажи чая и сахара, повышение производительности труда в Российской империи [7, с. 114–115]. По мнению депутатов, полное упразднение питейных заведений в сельской местности и сосредоточение их исключительно в городах позволит прекратить пьянство в деревнях, что в значительной степени улучшит народное благосостояние [2, с. 71].

29 мая 1909 г. доклад комиссии по борьбе с пьянством был внесен в Государственную думу, однако дальнейшего движения он не имел.

3. Законопроект «О мерах к восполнению бюджета в случае образования в нем дефицита от сокращения потребления крепких спиртных напитков» (26 мая 1908 г.) был подписан 38 депутатами (6 правых, 2 националиста, 8 умеренно-правых, 14 октябристов, 2 прогрессиста, 2 конституционных демократа) [3, с. 352–353]. В поддержку законодательного предложения выступили представители Витебской, Гродненской, Минской и Могилевской губерний: 1) М. К. Ермолаев (правый), 2) епископ Митрофан (правый), 3) В. К. Тычинин (русский националист), 4) А. И. Юркевич (умеренно-правый) [2, с. 96].

Авторы данного законопроекта предлагали не только увеличить уже существующее налогообложение в Российской империи, но и ввести ряд новых налогов: 1) на зрелища (облагались содержатели театров, цирков, кинематографов и др.), 2) на деятельность представителей свободных профессий (врачей, адвокатов, артистов, художников и др.), 3) на лиц, находящихся на государственной и общественной службе; 4) налог на виноградные вина, не подлежащие обложению по причине того, что считались не предметом первой необходимости, а предметом роскоши [2, с. 95–96]. Размер и основания по введению перечисленных новых налогов должны были выработать соответствующие комиссии.

К обсуждению законодательного предложения приступили в одном из последних заседаний Государственной думы, однако в скором времени произошло окончание ее полномочий, вследствие чего оно не имело дальнейшего движения [2, с. 758].

4. Законопроект «Об отмене некоторых статей Устава акцизных сборов, касающихся выдачи премий в видах содействия частной спиртовой промышленности» (9 июня 1908 г.), был внесен самарским депутатом М.В. Челышевым. Законодательное предложение подписали 105 членов Государственной думы (25 правых, 20 умеренно-правых, 3 националиста, 35 октябристов, 9 прогрессистов, 5 кадетов) [3, с. 352–353]. Представители белорусско-литовских губерний, выступившие в его поддержку, по политической принадлежности относились к умеренно-правым (В. Г. Амосенок, Ермольчик, А. Ф. Кучинский, А. И. Юркевич), правым (А. С. Вераксин, М. К. Ермолаев, епископ Митрофан), октябристам (И. Я. Павлович, А. П. Сапунов), русским националистам (В. К. Тычинин, Ф.Т. Шевцов) [2, с. 109–110].

По мнению разработчиков законопроекта, водочные заводы в России являются очень выгодными предприятиями, и поэтому следует отменить статьи закона, которые позволяют выдавать премии с целью содействия развитию частной спиртовой промышленности. Доказывая правильность своей точки зрения, они сравнивали цены на спирт в России и за границей. Так, в 1907 г. Министерство финансов, оберегая интересы казны, было вынуждено покупать спирт за границей по цене 69,5 копеек за ведро с доставкой на склад в Петербург, в то время как русские винокуренные заводчики устанавливали цену в размере около 1 рубля 5 копеек за ведро [2, с. 108].

Данное законодательное предложение сначала долгое время находилось в различных думских комиссиях (по борьбе с пьянством, финансовой, сельскохозяйственной и др.). При этом члены названных комиссий при рассмотрении законопроекта продемонстрировали некоторое разногласие, что было обусловлено разными точками зрения на вопрос о размерах пьянства и о его вреде для населения Российской империи. Комиссия о мерах по борьбе с пьянством полагала, что в последние годы злоупотребление спиртными напитками в стране стало народным бедствием, представляющим угрозу физического вырождения и обнищания населения. В связи с этим члены комиссии являлись сторонниками принятия самых

радикальных мер, направленных на решение такой важной социальной проблемы, как алкоголизм. В свою очередь, члены финансовой и по судебным реформам комиссий исходили из того, что в настоящее время пьянство в России не достигло еще огромных масштабов, поэтому нет необходимости прибегать к принятию законодательных мер, предлагаемых комиссией о мерах борьбы с пьянством [8, с. 158].

Обсуждение законопроекта началось на одном из последних заседаний Государственной Думы третьего созыва, что не позволило завершить начатую работу до конца срока полномочий ее деятельности [2, с. 758].

5. Законопроект «О взимании особого, в пользу земских средств, сбора с продаваемых в казенных винных лавках водочных изделий» (13 мая 1911 г.) подписали 35 человек (2 правых, 30 националистов, 2 правых октябриста, 1 октябрист). Первыми выступили в его поддержку представители фракции русских националистов Псковской губернии А. Д. Зарин и Н. Н. Лавриновский. 13 мая 1911 г. законодательное предложение было передано в финансовую комиссию на заключение по вопросу о желательности, но дальнейшего движения не получило [3, с. 352–353].

В работе III Государственной думы нашли отражение обращения отдельных депутатов, касающиеся поиска путей решения проблемы алкоголизма. Так, 29 октября 1908 г. от фракции октябристов к Министру финансов обратился депутат М. В. Чельшев, который просил пересмотреть ранее принятое постановление, содержащее категорический отказ о закрытии винной лавки в селе Максимовка Самарской губернии. Инициаторы данного предложения просили правительство объяснить необходимость открытия новых питейных заведений, в то время как местное население изъявляло желание прекратить деятельность уже существующей винной лавки. Несмотря на то что содержание обращения касалось решения проблемы алкоголизма в отдельно взятой местности Российской империи, представители белорусско-литовских губерний выступили в его поддержку.

Свои подписи под ним поставили члены следующих думских фракций: А. С. Вераксин, епископ Митрофан, А. Д. Юрашкевич (фракция правых), К. Т. Ермольчик, А. Ф. Кучинский, С. И. Соловьевич, А. И. Юркевич (фракция умеренно-правых), С. Р. Кириллов, В. М. Кузьминский, Н. Н. Ладомирский, В. К. Тычинин, Ф. Т. Шевцов (фракция русских национали-

стов), А. П. Сапунов (фракция октябристов) [2, с. 137–138]. К сожалению, имеющиеся материалы не позволяют более подробно проследить дальнейшую судьбу внесенного обращения, в связи с этим невозможно определить, была ли удовлетворена инициатива депутатов или нет.

Заключение

Законодательная деятельность либеральных и правых партий в III Государственной думе по решению проблемы алкоголизма не была в достаточной степени плодотворной. Поступившие на рассмотрение Думы проекты законов, в разработке которых принимали участие белорусские депутаты, так и не получили законодательного оформления. В то же время представители либеральных и правых партий входили в состав думских комиссий, принимали участие в обсуждении законодательных предложений, стремясь актуализировать внимание общественности на борьбу с алкоголизацией населения Российской империи. Огромную роль сыграло православное духовенство, занимавшее особое место в социальной структуре белорусских монархических организаций.

Оценивая работу третьей Государственной думы, самарский депутат М. Д. Чельшев отмечал, что именно благодаря ей «вопрос об алкоголизме стал, хотя и не вполне, но все-же вопросом государственным, а не остался вопросом нескольких обществ трезвости и нескольких ученых» [9, с. 4].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Избранные выступления П. А. Столыпина в Государственной думе и государственном совете. 1906–1911 годы. – М. : Издание Государственной думы, 2012. – 228 с.
2. *Чельшев, М. Д.* Речи произнесенные в Третьей Государственной Думе о необходимости борьбы с пьянством и по другим вопросам / М. Д. Чельшев. – СПб. : Тип Алекс.-Нев. о-ва трезвости, 1912. – 794 с.
3. Обзор деятельности Государственной думы третьего созыва. 1907–1912 гг. : в 2 ч. – СПб. : Гос. типография, 1912. – Ч. I : Общие сведения. – 515 с.
4. *Головач, Е. И.* Борьба за трезвость в Российской империи и участие в ней депутатов Государственной думы от белорусских губерний / Е. И. Головач // Копытинские чтения – IV : сб. ст. Междунар. научно-практ. конф., Могилев, 19–20 марта 2020 г. / под общ. ред. А. Г. Агеева, А. В. Колосова, В. В. Табунова. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2020. – С. 34–36.

5. Государственная дума. Обзор деятельности комиссий и отделов. Третий созыв. Сессия I. 1907–1908 гг. – СПб. : Гос. тип., 1908. – 382 с.

6. *Земцов, Л. И.* Потребление алкоголя и борьба за трезвость в великорусской деревне на рубеже XIX–XX веков / Л. И. Земцов, И. А. Шевченко. – Липецк : ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2018. – 172 с.

7. Законотворчество думских фракций, 1906–1917 гг.: документы и материалы : к 100-летию с начала деятельности Государственной думы в России / Фонд изучения наследия П. А. Столыпина ; под общ. ред. П. А. Пожигайло. – М. : РОССПЭН, 2006. – 766, [1] с. : табл.

8. Государственная дума. Обзор деятельности комиссий и отделов. Третий созыв. Сессия III. 1909–1910 гг. – СПб. : Гос. тип., 1910. – 384 с.

9. «Пощадите Россию!». Правда о кабаке, высказанная самим народом по поводу закона о мерах борьбы с пьянством / Изд. и предисл. члена Государственной думы М. Д. Чельшева. – Самара : Типо-литография З. Л. Гордон и К, 1911. – 232 с.

Поступила в редакцию 30.08.2023 г.

Контакты: golovachalena@mail.ru (Головач Елена Ивановна).

Golovach E. I. ACTIVITIES OF LIBERAL AND RIGHT-WING PARTIES TO ADDRESS THE PROBLEM OF ALCOHOLISM IN THE STATE DUMA OF THE 3RD CONVOCATION (1907–1912)

The article is devoted to the study of the activities of liberal and right-wing parties in the Third State Duma, aimed at the development of anti-alcohol legislation. For this purpose, the content of the bills submitted to the Duma is analysed, the political affiliation and participation of the Duma figures elected in Belarus in the discussion and further promotion of a number of legislative initiatives designed to solve the problem of alcoholism in the Russian Empire are determined.

Keywords: alcoholism, legislative proposal, State duma, deputies, Belarusian-Lithuanian provinces, liberal and right-wing parties.

УДК 351.761.1(476)(091)“1914/1918”

АНТИАЛКОГОЛЬНАЯ КАМПАНИЯ В БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЯХ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Н. С. Моторова

доктор исторических наук, доцент

Витебский государственный университет имени П. М. Машерова

В статье рассмотрена антиалкогольная кампания в белорусских губерниях в годы Первой мировой войны. Отмечено, что в ее реализации участвовали органы городского и земского самоуправления. В 1914–1915 гг. они принимали постановления о запрете торговли алкогольными напитками, закрытии питейных заведений. В начале 1915 г. были отмечены первые успехи антиалкогольной кампании: снижение количества преступлений, увеличение денежных вкладов, повышение производительности труда. Однако в условиях затянувшейся войны, оккупации части Беларуси и ухудшения экономического положения ее актуальность стала снижаться. К 1917 г. антиалкогольная кампания фактически оказалась свернутой.

Ключевые слова: Первая мировая война, антиалкогольная кампания, питейные заведения, торговля, алкоголь, органы местного самоуправления, белорусские губернии.

Введение

В начале XX в. в Российской империи активно обсуждались меры борьбы с пьянством. Актуализация данной социальной проблемы была вызвана увеличением потребления алкогольной продукции, чему способствовало введение государственной винной монополии в 1895 г. На пять белорусских губерний (Виленскую, Витебскую, Гродненскую, Минскую и Могилевскую) эта реформа была распространена в 1897 г. [1, с. 43–44]. Новый виток борьбы с пьянством пришелся на Первую мировую войну. Она разворачивалась на фоне патриотического подъема и воспринималась как свидетельство единства государства и общества. Антиалкогольная кампания охватила и белорусские губернии.

Первые работы, посвященные данной тематике, появились в годы Первой мировой войны. Среди них можно отметить публикации И. Н. Введенского [2], А.Л. Мендельсона [3], В. П. Первушина [4] и др. Они положительно оценивали антиалкогольную кампанию. И. Н. Введенский даже назвал ее «беспримерным социальным экспериментом»

[2, с. 3]. При этом указывалось на отдельные недостатки в ее проведении.

В советский период интерес к данной теме заметно снизился. Из работ межвоенного периода можно отметить небольшое исследование В. И. Бинштока и Л. С. Каминского «Народное питание и народное здравие» [5]. Авторы положительно оценили антиалкогольную кампанию, но при этом подчеркнули, что без широких социокультурных преобразований ее эффект был краткосрочным [5, с. 51–52]. В послевоенный период данную проблему затронул А. Л. Сидоров, который указал, что запрет на продажу водки спровоцировал рост бюджетного дефицита [6, с. 112].

Для современной российской историографии характерен интерес к изучению антиалкогольной кампании в годы Первой мировой войны. Об этом свидетельствует ряд публикаций в научной периодической печати (например, А. В. Николаева [7], Е. В. Пашкова [8] и др.). В более широком контексте государственной политики в сфере производства и потребления алкоголя данная проблема рассмотрена в работах И. В. Курукина и Е. В. Никулиной [9], коллективных монографиях «Государственная алкогольная политика в России: от Витте до Сталина» [10], «Веселие Руси. XX век. Градус новейшей русской истории» [1]. В них проанализированы мероприятия по борьбе с пьянством и их административно-правовая регламентация. Современные исследователи, отмечая позитивное значение антиалкогольной кампании в годы Первой мировой войны, признают ее влияние на ухудшение экономического положения государства.

В современной белорусской историографии указанная тема получила фрагментарное освещение. В работах, посвященных Первой мировой войне, отмечаются отдельные факты пьяных погромов при проведении мобилизации (например, в монографии М. М. Смольянинова [11]).

В условиях военного времени антиалкогольная кампания стала важным фактором социально-экономического развития. Однако

в современной белорусской историографии она не получила достаточного освещения. Это обусловило актуальность исследования. Его цель заключается в выявлении сущности и особенностей реализации антиалкогольной кампании в белорусских губерниях в годы Первой мировой войны.

Основная часть

При проведении мобилизации на территории Беларуси летом 1914 г. были зафиксированы беспорядки, сопровождавшиеся погромами винных лавок, в Лепельском, Полоцком, Мозырском, Новогрудском, Игуменском, Сенненском и других уездах. Однако, как отмечает белорусский исследователь М. М. Смольянинов, они были не такими масштабными, как в центральных губерниях Российской империи, и быстро ликвидировались местной администрацией [11, с. 24–25].

Пьяные погромы во время мобилизации стали катализатором антиалкогольной кампании. С 17 июля 1914 г. повсеместно начали вводиться временные запреты на продажу алкоголя [9, с. 224]. Они были поддержаны органами местного самоуправления, в том числе и на территории Беларуси. Например, Минское губернское земское собрание на заседании 12 августа 1914 г. приняло решение просить о продлении запрета на торговлю спиртными напитками до окончания войны [12, с. 13, 18]. Подобные ходатайства поступали и из других регионов Российской империи. На этом фоне продление 22 августа 1914 г. запрета на продажу спирта, вина и водки до завершения военных действий [13] выглядело как одно из свидетельств единения власти и народа.

Новый виток антиалкогольной кампании был связан с предоставлением 10 октября 1914 г. органам сельского сословного и городского самоуправления права направлять ходатайства о полном прекращении продажи крепких алкогольных напитков. Они должны были рассматриваться в течение трех месяцев местным управляющим акцизными сборами по согласованию с губернатором [14].

Более подробно вопрос о мерах по ограничению торговли спиртными напитками обсуждался на заседании Совета министров 25 сентября 1914 г. Большинство его членов высказалось за то, чтобы по ходатайствам городских дум, земских собраний, сельских и волостных обществ торговля крепкими алкогольными напитками могла быть полностью прекращена до окончания войны. Их утверж-

дение было поручено губернаторам и градоначальникам. Соответствующий журнал был одобрен императором Николаем II 13 октября 1914 г. [15, с. 399, 403].

Эта инициатива была с энтузиазмом поддержана в белорусских губерниях. Органы земского самоуправления выступили с предложениями ликвидации казенных лавок и питейных заведений, полного прекращения торговли алкоголем. Подобные ходатайства в Витебской губернии были приняты Режицким, Лепельским, Двинским, Городокским и другими уездными земскими собраниями [16, л. 39, 58–58 об., 140–140 об.; 17, л. 78–78 об., 87]. Органы городского самоуправления также участвовали в антиалкогольной кампании. Постановления о полном запрете торговли спиртными напитками были утверждены в Двинске, Велиже, Полоцке [18, л. 312–312 об.; 19, л. 390–390 об.; 20, л. 219, 220 об.]. При этом Двинская городская дума выразила уверенность, что благодаря принятым мерам «великое зло в образе вина, подтачивавшее целые века нравственные и материальные силы народа, исчезнет навсегда» [18, л. 305, 312 об.]. В Пинске было решено закрыть все казенные лавки, торговавшие алкоголем [21, л. 42 об.]. О введении полного и бессрочного запрета на продажу алкогольной продукции ходатайствовали городские думы и сельские общества Могилевской губернии [22, с. 464].

Подобные ходатайства были характерны для всей Российской империи. Абсолютное большинство органов местного самоуправления и общественных организаций приветствовало запрет на продажу алкоголя [2, с. 23].

Антиалкогольная кампания продолжилась в следующем году. Так, в январе 1915 г. Пинская городская дума приняла решение распространить запрет на продажу алкогольных напитков на трактиры, рестораны и буфеты при общественных учреждениях [19, л. 42, 43 об.]. Ходатайство о полном прекращении продажи водки приняло Витебское губернское земское собрание во время очередной сессии с 26 февраля по 6 марта 1915 г. [16, л. 201, 203 об.]. Городокское собрание уполномоченных ввело запрет на торговлю спиртными напитками и пивом, а также решило разработать проект мер по борьбе с нелегальным производством и продажей алкоголя [23, л. 83–83 об.]. Минское губернское земское собрание в феврале 1915 г. поручило Минской губернской земской управе подготовить план мероприятий по укреплению трезвости в народе. Также было принято

решение ходатайствовать о запрете продажи спиртных напитков за пределами Минской губернии [24, л. 269–269 об.].

В системе местного самоуправления белорусских губерний были энтузиасты антиалкогольной кампании. Еще в 1914 г. член Пинской городской управы К. Ф. Грабовский подготовил доклад, в котором отмечал положительное влияние запретительных мер на продажу водки. Он указывал на сокращение количества преступлений, связанных с чрезмерным употреблением алкоголя: разбойных нападений, драк, убийств и воровства [19, л. 42]. В Витебской губернии одним из инициаторов полного запрета продажи водки выступил гласный Витебского губернского земского собрания А. Ф. Рожковский [16, л. 203 об.].

В 1915 г. Министерство финансов предприняло попытку подвести промежуточные итоги антиалкогольной кампании в издании «О влиянии войны на некоторые стороны экономической жизни России» [22]. В последней главе был собран материал, раскрывавший влияние запретительных мер в сфере продажи алкоголя на народный быт и производительность труда. В ней были представлены данные и по белорусским губерниям. Собранный фактический материал охватывал период менее года – с начала военных действий и до апреля 1915 г. [22, с. VII].

Практически все отзывы органов местного управления и самоуправления о результатах антиалкогольной кампании носили положительный характер. Они приравнивали введение запрета на продажу алкоголя согласно указу от 22 августа 1914 г. к отмене крепостного права [22, с. 378–379]. Оценивая общественные настроения сельского и городского населения, Гродненская, Минская, Могилевская казенные палаты подчеркивали, что запретительные меры были встречены и вполне благоприятно [22, с. 455, 464].

В отзывах по белорусским губерниям отмечалось положительное влияние антиалкогольной кампании на народную нравственность и расширение потребности в «культурных развлечениях». Например, об этом говорилось в отзыве Могилевской казенной палаты. Она также подчеркивала, что необходимо продолжать работу в этом направлении [22, с. 383, 481]. Минская, Могилевская, Гродненская казенные палаты отмечали улучшения в общественной жизни крестьян и их быту, что выражалось в снижении количества ссор, драк, хулиганских выходок. В спокойной обстановке проходили не только праздники, но и

сельские и волостные сходы, воинские призывы [22, с. 389–390].

При подведении итогов антиалкогольной кампании идеализировались изменения, произошедшие в жизни крестьян. Так, Гродненская казенная палата сообщала, что совершенно опустившиеся люди, ранее пропивавшие свое имущество, исправились, обзавелись хозяйством и начали жить размеренной семейной жизнью. Похожее мнение было высказано и в отзыве Могилевской казенной палаты, которая подчеркивала, что благодаря запрету на продажу алкоголя отъявленные алкоголики превратились в трудолюбивых хозяев [22, с. 450].

Однако снижение потребления алкогольной продукции в сельской местности было обусловлено не столько запретительными мерами, сколько изменением половозрастной структуры населения. В связи с мобилизациями в деревнях и селах остались старики и молодежь, которые употребляли алкоголь в ограниченных количествах [1, с. 133]. Это было характерно как для центральных губерний Российской империи, так и для Беларуси. Кроме того, в сельской местности проблема пьянства не стояла остро. Для крестьян был характерен не социальный, а бытовой, обрядовый алкоголизм. В то же время среди рабочих доля «привычных потребителей» алкоголя была достаточно высока. Это было связано с ломкой патриархального менталитета крестьян, ушедших на заработки в город [10, с. 59–60]. В этой связи особую актуальность имело предотвращение алкоголизма именно в указанной социальной группе.

Органы местного управления Беларуси отмечали положительное влияние антиалкогольной кампании на быт рабочих. В отчетах по Могилевской, Виленской и Минской губерниях сообщалось о сокращении штрафов, несчастных случаев на производстве, нарушений дисциплины, прогулов [22, с. 440–441, 445–446]. Гродненская казенная палата подчеркивала, что введение запрета на продажу алкоголя позволило рабочим сэкономить средства, благодаря чему удалось справиться с ростом цен [22, с. 411]. Аналогичное сообщение поступило и из Минской губернии. Местная казенная палата видела доказательство улучшения быта не только рабочих, но и крестьян в увеличении вкладов в сберегательных кассах и волостных кассах мелкого кредита [22, с. 446].

Органы местного управления также считали, что антиалкогольная кампания способствовала росту производительности труда в

сельской местности и позволила преодолеть негативные последствия оттока рабочей силы в связи мобилизациями. Такого мнения придерживались Могилевская и Гродненская казенные палаты [22, с. 450].

Хотя в целом из белорусских губерний поступили положительные отзывы о результатах антиалкогольной кампании, однако одно сообщение все-таки подтверждало, что существовали и негативные явления. Старший фабричный инспектор по Могилевской губернии Л. С. Плевинский указывал, что рабочие, привыкшие употреблять алкоголь, все равно стремились найти ему замену. Именно это объясняло рост употребления денатуратного спирта, жидкости для отделки деревянных поверхностей – политуры, а в некоторых случаях и сырой нефти, которая также давала опьяняющий эффект [22, с. 484]. Проблема употребления алкогольных суррогатов и роста отравлений от них была характерна для всей Российской империи, на что указывали И. Н. Введенский, А. Л. Мендельсон, В. П. Первушин [2, с. 19; 3, с. 48; 4, с. 3]. Кроме того, в сельской местности активизировалось самогонование и производство слабоалкогольных напитков – браги и пива [2, с. 22].

К концу 1915 г. в антиалкогольной кампании наметился спад. Об этом свидетельствует заметное снижение количества постановлений органов местного самоуправления белорусских губерний, посвященных борьбе с пьянством. Эта тенденция продолжилась в 1916 г. Удалось выявить всего два постановления по указанной проблеме. Так, в феврале 1916 г. Минское губернское земское собрание приняло к сведению доклад Минской губернской земской управы по полному и бессрочному запрету продажи спиртных напитков в губернии [25, с. 5, 6]. В октябре 1916 г. Полоцкая городская дума постановила смягчить антиалкогольные запреты в городе, разрешив продажу виноградных вин [26, л. 97].

Это подтверждает мнение В. П. Первушина о том, что важным фактором антиалкогольной кампании был духовный подъем в обществе, обусловленный военным временем [4, с. 3]. По мере затягивания войны его значение стало сокращаться.

Спад в проведении антиалкогольной кампании был обусловлен несколькими причинами. Во-первых, в условиях военного времени обострился целый ряд социально-экономических проблем. Российская империя столкнулась с продовольственным и топливным кризиса-

ми, потоком беженцев. В наибольшей степени эти проблемы коснулись белорусских губерний. Ситуация усугублялась и тем, что осенью 1915 г. значительная часть территории Беларуси была оккупирована немецкими войсками.

Во-вторых, правительство столкнулось с бюджетным дефицитом. Запрет на реализацию крепкого алкоголя привел к сокращению доходов от его продажи. Если в 1913 г. они составили 675 млн руб., то в 1915 г. ожидалось поступление лишь 200 млн руб. Для преодоления дефицита была предпринята денежная эмиссия, что привело к росту инфляции и падению курса рубля [7, с. 71]. После введения в сентябре 1916 г. запрета на производство спирта на всех винокуренных заводах доходы государства от монополии на водку составили всего 51 млн руб. [9, с. 226]. Эти потери правительство пыталось компенсировать введением новых налогов (на сахар, табак, спички и пр.) и увеличением старых, что провоцировало рост цен, спекуляции и дефицит [9, с. 229].

После Февральской революции Временное правительство предприняло попытку ужесточения антиалкогольных мер, издав 27 марта 1917 г. распоряжение «Об изменении и дополнении некоторых, относящихся к изготовлению и продаже крепких напитков, постановлений». Однако социально-экономическая и политическая нестабильность не позволила обеспечить их практическую реализацию [9, с. 231].

Заключение

В годы Первой мировой войны в Российской империи развернулась антиалкогольная кампания. Она регламентировалась серией административно-правовых актов, утвержденных в конце августа – начале октября 1914 г. Активное участие в ее реализации приняли органы местного управления белорусских губерний, что выразилось в серии постановлений о запрете продажи алкоголя, закрытии казенных лавок и питейных заведений. В начале 1915 г. отмечались первые успехи антиалкогольной кампании, которые выражались в снижении уровня преступности, увеличении денежных вкладов, повышении производительности труда и пр. Однако в условиях затянувшейся войны наметился постепенный спад в ее проведении. Это было обусловлено ухудшением социально-экономического положения белорусских губерний и их частичной оккупацией. В 1916 г. число постановлений, связанных с антиалкогольными запретами, заметно

сократилось, а в 1917 г. борьба с пьянством приобрела формальный характер. Несмотря на положительное значение антиалкогольной кампании, на территории Беларуси снижение употребления алкоголя было обусловлено не столько запретительными мерами, сколько обстоятельствами военного времени.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Веселие Руси. XX век. Градус новейшей российской истории: от «пьяного бюджета» до «сухого закона» / В. Б. Аксенов [и др.]. – М. : Пробел-2000, 2007. – 476 с.
2. **Введенский, И. Н.** Опыт принудительной трезвости / И. Н. Введенский. – М. : Тип. Штаба Моск. воен. округа, 1915. – 44 с.
3. **Мендельсон, А. Л.** Итоги принудительной трезвости и новые формы пьянства / А. Л. Мендельсон. – Петроград : Гос. тип., 1916. – 54 с.
4. **Первушин, В. П.** Массовый алкоголизм и борьба с ним / В. П. Первушин. – Казань : Типо-литогр. Императ. ун-та, 1916. – 29 с.
5. **Биншток, В. И.** Народное питание и народное здоровье / В. И. Биншток, Л. С. Каминский. – М. : Л. : Гос. изд-во. Отд. воен. лит., 1929. – 91 с.
6. **Сидоров, А. Л.** Финансовое положение России в годы Первой мировой войны (1914–1917) / А. Л. Сидоров. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1960. – 579 с.
7. **Николаев, А. В.** Антиалкогольные кампании XX века в России / А. В. Николаев // Вопр. истории. – 2008. – № 11. – С. 67–78.
8. **Пашков, Е. В.** Антиалкогольные кампании в России в годы Первой мировой войны / Е. В. Пашков // Вопр. истории. – 2010. – № 10. – С. 67–78.
9. **Курукин, И. В.** «Государево кабацкое дело»: Очерки питейной политики и традиций в России / И. В. Курукин, Е. А. Никулина. – М. : АСТ : ЛЮКС, 2005. – 384 с.
10. **Пашин, В. П.** Государственная алкогольная политика в России: от Витте до Сталина (Власть, общество, нелегальный рынок) / В. П. Пашин, С. В. Богданов, С. Г. Емельянов. – Курск : Курс. гос. техн. ун-т, 2008. – 259 с.
11. **Смольянинов, М. М.** Беларусь в Первой мировой войне 1914–1918 гг. / М. М. Смольянинов. – Минск : Беларус. навука, 2014. – 317 с.
12. [Журналы шестого чрезвычайного Минского губернского земского собрания. 12–13 августа 1914 г.]. – [Минск : Б. и., 1914?]. – [4], 26 с.
13. О продлении воспрещения продажи спирта, вина и водочных изделий для местного потребления в Империи до окончания военного времени : Высочайшее повеление, предложенное Правительствующему сенату, 22 авг. 1914 г. // Со-

бр. узаконений и распоряжений правительства, изд. при Правительствующем сенате. – 1914. – Отд. 1. – № 248. – Ст. 2348.

14. О сроках прекращения торговли крепкими напитками по ходатайствам о том сельских и городских общественных управлений : Высочайше утвержденное положение Совета министров, 27 сент. 1914 г. // Собр. узаконений и распоряжений правительства, изд. при Правительствующем сенате. – 1914. – Отд. 1. – № 275. – Ст. 2471.

15. Особые журналы Совета министров Российской империи, 1914 год / Федер. архив. агентство, Рос. гос. ист. архив ; редкол.: Б. Д. Гальперин [и др.]. – М. : РОССПЭН, 2006. – 700 с.

16. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 2508. Оп. 1. Д. 5752.

17. НИАБ. – Ф. 2660. Оп. 1. Д. 7.

18. НИАБ. – Ф. 2508. Оп. 1. Д. 5771.

19. НИАБ. – Ф. 2508. Оп. 1. Д. 5769.

20. НИАБ. – Ф. 2508. Оп. 1. Д. 5774.

21. НИАБ. – Ф. 611. Оп. 2. Д. 252.

22. О влиянии войны на некоторые стороны экономической жизни России / М-во финансов, Департамент оклад. сборов. – Петроград : Электро-тип. Н. Я. Стойковой, 1916. – VII, 515 с.

23. НИАБ. – Ф. 2508. Оп. 1. Д. 6097.

24. НИАБ. – Ф. 325. Оп. 1. Д. 708.

25. [Журналы пятого очередного Минского губернского земского собрания. Сессия 1–7 февраля 1916 г.]. – [Минск : б. и., 1916?]. – 113 с.

26. НИАБ. – Ф. 2508. Оп. 1. Д. 6410.

Поступила в редакцию 3.11. 2023 г.

Контакты: motorova@go.ru (Моторова Надежда Сергеевна).

Motorova N. S. ANTI-ALCOHOL CAMPAIGN IN THE BELARUSIAN PROVINCES DURING THE FIRST WORLD WAR

The article examines the anti-alcohol campaign in the Belarusian provinces during the First World War. It is noted that the city and zemstvo self-government institutions participated in its implementation. In 1914–1915 they adopted resolutions banning the sale of alcoholic beverages and closing drinking establishments. At the beginning of 1915, the first successes of the anti-alcohol campaign were noted: a decrease in the number of crimes, an increase in cash deposits and an increase in labor productivity. However, in the context of the protracted war, the occupation of part of Belarus and the deteriorating economic situation, its relevance began to decline. By 1917, the anti-alcohol campaign was actually curtailed.

Keywords: The First World War, anti-alcohol campaign, drinking establishments, trade, alcohol, local self-government institutions, Belarusian provinces.

УДК 94(476)»19»-051:3

И. Я. НЕКЛЕПАЕВ: ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В МОГИЛЕВЕ В 1917 ГОДУ

А. С. Мельникова

кандидат исторических наук, доцент

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

В статье рассматриваются основные аспекты деятельности представителя интеллигенции начала XX века Ивана Якимовича Неклепаева, который являлся заметной фигурой в общественно-политической жизни Могилева в 1917 году: поддержал Февральскую революцию, участвовал в демократических преобразованиях, входил в состав могилевского отделения Трудовой народно-социалистической партии, местных органов управления, общественных организаций. Приход к власти партии большевиков встретил отрицательно. Призывал к сопротивлению советской власти, однако спустя некоторое время смог адаптироваться к новой политической системе.

Ключевые слова: Н. Я. Неклепаев, Могилев, интеллигенция, общественно-политическая деятельность, народные социалисты, энесы, партия, революция, преобразования, большевики, советская власть.

Введение

Биография Ивана Якимовича Неклепаева (1870–1938) – это пример жизненного пути человека, общественно-политического деятеля, гражданина, который принимал активное участие в демократических преобразованиях, охвативших Российское государство и его регионы после Февраля 1917 г., оказывал влияние на формирование общественных представлений и установок, принятие решений местными органами власти и их практическую реализацию. Он относится к числу видных деятелей города Могилева и Могилевской губернии, наиболее заметно проявивших себя в революционных событиях 1917 года. Сегодня это имя известно только узким специалистам, но более ста лет назад оно было хорошо знакомо общественности. Во многом этому способствовали региональные печатные органы, которые в условиях свободы печати весной-осенью 1917 г., стремились широко освещать деятельность представителей демократии.

Биография И. Я. Неклепаева весьма многогранна. В данной статье ставилась приоритетная задача осветить его общественно-по-

литическую деятельность. Внимание научной, педагогической и просветительской работе данного деятеля планируется уделить в последующих публикациях.

Родился Иван Якимович в городе Смоленске в семье священнослужителя. О ранних годах будущего общественно-политического деятеля известно мало: основное внимание уделял саморазвитию, много читал, увлекся революционными идеями. С середины 80-х гг. XIX в. был арестован по делу «Народной воли» и выслан в Сибирь на пять лет. После этой ссылки И. Я. Неклепаев привлекался по делу партии «Народного права», выступавшей за политическое освобождение страны от реакционного монархического режима и проведение демократических реформ. Конечной целью партии было установление социалистического строя. После окончания следствия И. Я. Неклепаев был выслан на север Европейской России, проведя в общей сложности в тюрьмах, ссылках и «на этапе» не менее 13 лет. Отбыв последнюю ссылку, отправился за границу, где получил агрономическое образование. Вернулся в Россию и с 1904 г. состоял на службе земским агрономом. После образования общероссийской Народно-социалистической партии в 1906 г. примкнул к ее рядам [1, с. 4].

Политический выбор в пользу народных социалистов И. Я. Неклепаев сделал сознательно, о чем свидетельствует его длительное нахождение в рядах партии – от ее создания в 1906 г. до свертывания партийной деятельности на территории Беларуси после прихода большевиков к власти в 1917 г.

Он относился к той политически активной части населения, которой не оказались близки идейные воззрения и тактика кадетов и эсеров. В программе кадетов их не устраивало отсутствие стремления к строительству социализма, а в тактике эсеров – террор. Продвижение к социализму такая часть интеллигенции мечтала осуществить путем эволюционного развития страны при верховенстве закона и главенствующей роли государства в преобразовательных процессах. На таких позициях стояли лидеры

Народно-социалистической партии (народные социалисты, энесы). Предпочтение легальных форм и методов борьбы за реализацию программных воззрений определяли их политический облик, этику поведения. Считая себя преемниками идейной доктрины народничества, народные социалисты стремились представлять интересы всего народа, претендуя на роль политической организации внеклассового типа [2, с. 15].

После Февральских событий 1917 г. энесы пытались объединить всех неонародников в одну партию. Это событие произошло 17–23 июня 1917 г., когда вслед за партийными съездами энесов и трудовиков последовал 1-й съезд Трудовой народно-социалистической партии (ТНСП). В целом по России в июне 1917 г. Трудовая группа (партия с апреля 1917 г.) насчитывала 9–10 тысяч человек, партия энесов – 6–7 тысяч. Объединение заметно усилило партию [3, с. 158]. Вместе с тем обеспечить рост численности партийных рядов, равный эсерам, представители ТНСП не смогли. Значительную роль в этом сыграла поддержка народными социалистами действий Временного правительства, избравшего тактику непрещенчества важнейших преобразований в стране, в том числе в аграрной сфере, до Учредительного собрания.

Инициатива объединения энесов и трудовиков была поддержана и представителями региональных партийных организаций на неоккупированной территории Беларуси, социальную основу которых составили преимущественно представители интеллигенции с умеренными социалистическими взглядами.

Основная часть

В 1917 г. И. Я. Неклепаев был одним из наиболее ярких представителей партии народных социалистов в рядах ее региональных функционеров. Могилевская партийная организация состояла преимущественно из представителей интеллигенции: учителей, врачей, инженеров, земских служащих. В сокращенном варианте ее представителей именовали «народные социалисты», реже – «народные социалисты-трудовики», подчеркивая объединенный состав партии.

Иван Якимович стремился популяризировать идеи партии энесов среди населения. В первую очередь он пытался привлечь внимание крестьян к ее аграрной программе, предусматривавшей национализацию земельного фонда, признание приоритета государствен-

ного управления в сфере земельной политики, развитие кооперативного движения. И. Я. Неклепаев пытался дать трактовку значительному количеству важных деталей, которые должны быть учтены при подготовке и реализации аграрного реформирования: вопросам землевладения и землепользования, организации сельскохозяйственного труда, миграции населения и т.д. Уделял Иван Якимович внимание и финансовой стороне реформы: вопросу возможного выкупа земли у собственников, выработке системы поземельного налогообложения, обеспечению государственной помощи сельскохозяйственным труженикам и т.д. Поддерживая решения объединительного партийного съезда, он подчеркивал, что расходы, связанные с национализацией земли и вознаграждением бывшим владельцам, будут произведены за счет средств государственной казны, однако на разработку процедуры компенсации и выделения специального фонда потребуется время.

И. Я. Неклепаев в одной из публикаций отмечал, что «подготовительные работы, которые ведутся в министерстве земледелия... колоссальны и идут самым ускоренным темпом, с таким расчетом, чтобы к Учредительному собранию можно было уже выступать с вполне разработанным проектом аграрной реформы». Обращаясь к крестьянству, он заявил, что применение различных радикальных мер «снизу» лишь усугубит аграрную проблему, но не решит ее, в связи с чем трудовому народу «остается только с полной верой и надеждой ждать скорого осуществления своих давнишних заветных желаний» со стороны государства [4, с. 3].

Однако стремление энесов призвать крестьянство, в том числе и на территории Беларуси, к выжидательной тактике в решении аграрного вопроса снижало доверие к ним в крестьянской среде. Особенно очевидно это было на фоне растущей популярности эсеров, которые шли навстречу пожеланиям крестьян и к осени 1917 г. все отчетливее требовали передачи всей земли, находящейся в собственности, в распоряжение земельных комитетов [5, с. 293].

Как и многие представители интеллигенции того периода, И. Я. Неклепаев пытался внести посильный вклад в решение насущных проблем региона, совмещая различные должности. Он работал губернским агрономом при Могилевской губернской земской управе, являлся председателем подсекции город-

ского исполнительного комитета по борьбе с мародерством и спекуляцией, входил в состав различных комиссий, созданных в городе Могилеве, в их числе ревизионную [6, с. 1]. Следует отметить, что в компетенцию подсекции городского исполнительного комитета по борьбе с мародерством и спекуляцией входил контроль за случаями сокрытия продуктов и самовольного поднятия цен на них с целью наживы [7, с. 3].

Рутинная работа по обеспечению потребностей населения сопровождалась множеством сложностей. И. Я. Неклепаеву неоднократно приходилось сталкиваться с критикой деятельности местных управленческих структур, которую он считал вполне обоснованной и объективной. Так, на чрезвычайном собрании Могилевского губернского земства, проходившем в начале июня 1917 г., он отметил, что губернская земская управа действительно имеет множество недочетов в своей работе [8, с. 2].

При этом Иван Якимович выступал против расширения количества управленческих органов, считая, что их функции будут неясными и размытыми. К примеру, когда на собрании Могилевского исполнительного городского комитета было предложено создать особое бюро при комитете, И. Я. Неклепаев выразил несогласие с данным предложением. Он заявил, что, помимо самого Могилевского исполнительного комитета, существуют еще президиум комитета, разные секции и подсекции, да и в целом в городе Могилеве создано множество различных организаций. Однако, несмотря на его весомые возражения, «раздувания» управленческих структур и их кадровых штатов в регионе избежать не удалось, что впоследствии негативно сказывалось на качестве их работы [9, с. 4].

В условиях военного времени И. Я. Неклепаев считал необходимым сохранить авторитет Временного правительства в глазах общественности, так как, по его мнению, только компромисс между властью и обществом сможет остановить нарастание кризиса в стране. В своих публикациях и выступлениях Иван Якимович пытался донести населению, почему Временное правительство не спешит с проведением реформ, объясняя это сложностью и длительностью процесса выработки будущего законодательства.

Летом 1917 г. представителями ТНСП пристальное внимание уделялось вопросам подготовки и участия в избирательных кам-

паниях в местные органы власти. Народные социалисты считали, что выборы в демократические органы местного самоуправления являются актом чрезвычайной важности. При этом народные социалисты считали приемлемым объединить усилия в данном процессе с близкими по идейным воззрениям партиями и организациями.

Могилевские энесы активно проявили себя в ходе избирательной кампании в городскую думу. Они шли в составе списков № 1 (социалистического блока) и № 5 (профессиональных союзов служащих в земских и общественных учреждениях г. Могилева). В процессе выборов И. Я. Неклепаев неоднократно выступал с докладами перед жителями Могилева и Могилевской губернии. В одном из выступлений, характеризуя отличительные особенности политических партий и организаций, докладчик объяснил различие между большевиками и меньшевиками, подробно разъяснил специфику доктрин партий эсеров и народных социалистов, а также выразил мнение, что Союз земельных собственников может сыграть роль опоры контрреволюции [10, с. 3].

Заслугой Ивана Якимовича является публикация в местном периодическом органе «Могилевская жизнь» статьи, разъяснявшей избирателю процедуру голосования, а также ключевые принципы поведения на избирательном участке. При этом автор отметил, что местные органы мало знакомят население с законодательной базой и практической стороной выборов. И. Я. Неклепаев выразил опасение, что это приведет к порче избирателями значительного числа бюллетеней, которые будут признаны недействительными. Выход из ситуации он усматривал в системной предвыборной работе с общественностью [11, с. 3].

Активная позиция помогла И. Я. Неклепаеву пройти в состав Могилевской городской думы [12, с. 4]. Работа думы была направлена на решение множества насущных проблем жизнедеятельности города Могилева. Так, одним из наиболее острых был продовольственный вопрос. На очередном думском заседании, состоявшемся 18 сентября 1917 г., Иван Якимович выступил докладчиком по данной проблеме. Он основательно подготовился к докладу, оперируя цифрами и фактами, подытожив, что Могилев нуждается в привозном хлебе, а задачей городского управления является активное отстаивание интересов городского

населения перед губернским продовольственным комитетом [13, с. 3].

После получения известий об октябрьских событиях в Петрограде могилевские представители ТНСП заняли антибольшевистскую позицию [14, с. 58]. Аналогичную позицию занял и И. Я. Неклепаев. На чрезвычайном совещании демократических организаций города Могилева 26 октября 1917 г. он заявил: «Здесь находятся представители различных учреждений, всех партий и организаций. Пусть же они выскажутся определенно... предлагаю опросить всех. В частности, наша Народно-социалистическая партия, которую я здесь представляю, решила сегодня всемерно поддерживать Временное правительство во главе с министром-председателем Керенским...» [15, с. 3].

Совещание проходило в обстановке ожесточенных прений между представителями от партий. И. Я. Неклепаев заявил, что собрание – это не митинг, а от присутствующих требуется принятие конкретных решений. В результате была принята следующая резолюция: «Собравшиеся делегаты общественных и национальных организаций и политических партий признают, что вооруженный захват власти большевиками грозит открытием ворот контрреволюции и срывом учредительного собрания и призывает население к спокойному выжиданию ликвидации событий» [16, л. 59]. На совещании был создан Могилевский комитет общественной безопасности, который стал оплотом антибольшевистских сил в Могилевской губернии.

После проведения совещания в региональных печатных изданиях практически не прослеживается деятельность представителей ТНСП, в том числе партийная работа И. Я. Неклепаева.

Дальнейшая его судьба была насыщена различными событиями и поворотами. В 1917–1918 гг. И. Я. Неклепаев был заведующим издательской частью Могилевского губернского союза земских служащих. В период немецкой оккупации Могилева состоял членом Могилевской городской управы. В последующие годы он работал в Витебском ветеринарном институте, где зарекомендовал себя как талантливый педагог и ученый [17, с. 14об.]. В ноябре 1937 г. был арестован, по решению Комиссии НКВД СССР и Прокурора СССР приговорен к расстрелу. Похоронен в городе Витебске. В 1957 г. был реабилитирован [18, с. 96].

Заключение

Судьба И. Я. Неклепаева является одним из примеров трудного выбора, который пришлось делать представителям интеллигенции в 1917 г. Позитивно оценивая революционные преобразования Февральской революции в стране и являясь преданным сторонником идеалов умеренного неонародничества, Иван Якимович резко отрицательно воспринял приход большевиков к власти. Однако, пройдя различные испытания, спустя некоторое время он смог адаптироваться к новым политическим реалиям и внести вклад в строительство нового общества. Аналогичным образом поступили многие его бывшие соратники по партии, например, Г. К. Крейр [19, с. 47], Е. Ф. Алонов, Н. М. Кисляков и другие, которые сделали свой выбор в пользу родины, а не эмиграции. Иван Якимович не смог избежать горнила репрессий 1930-х гг. Как и многие незаслуженно пострадавшие представители интеллигенции, он был впоследствии реабилитирован. В настоящее время детали общественно-политической деятельности И. Я. Неклепаева еще полностью не раскрыты и нуждаются в дальнейшем изучении.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. И. Я. Неклепаев // Могилевская жизнь. – 1917. – 11 авг. – С. 4.
2. *Мельникова, А. С.* Народные социалисты и трудовики в поисках путей преобразования России начала XX века: программные основы / А. С. Мельникова // Весн. Магілёўск. дзярж. ун-та імя А. А. Куляшова. Сер. А, Гум. навукі (гісторыя, філасофія, філалогія). – 2016. – № 2 (48). – С. 12–15.
3. *Салтык, Г. А.* Народные социалисты и трудовики Центрального Черноземья в 1906 – 1917 гг. / Г. А. Салтык // История и историография правого народничества : сборник статей / редкол.: Г. Н. Мокшина (отв. ред.) [и др.]. – Воронеж : Истоки, 2014. – С. 153–174.
4. *Неклепаев, Ив.* Подготовительные работы Министерства земледелия к земельной реформе / Ив. Неклепаев // Могилевская жизнь. – 1917. – 30 июля. – С. 3.
5. *Рыжанков, И. М.* Белорусское крестьянство в условиях демократизации общественно-политической жизни России (март-октябрь 1917 г.) / И. М. Рыжанков // Интеллигенция: генезис, формирование, становление, развитие и деятельность : материалы XX Междунар. науч.-теор. конф., Иваново, 24–26 сент. 2009 г. / Иванов. гос. ун-т ; редкол.: В. С. Меметов [и др.]. – Иваново, 2009. – С. 292–293.

6. Подсекция городского исполнительного комитета // Могилевская жизнь. – 1917. – 16 марта. – С. 1.
7. Избрание ревизионной и оценочной комиссии // Могилевская жизнь. – 1917. – 18 окт. – С. 3.
8. Чрезвычайное собрание Могилевского губернского земства // Вестник Могилевского земства. – 1917. – 9 июня. – С. 2.
9. В собрании Могилевского исполнительного городского комитета // Могилевская жизнь. – 1917. – 1 июня. – С. 4.
10. Предвыборная хроника // Молог. – 1917. – 2 авг. – С. 3.
11. **Неклепаев, И.** К предстоящим выборам в городскую думу / И. Неклепаев // Могилевская жизнь. – 1917. – 12 авг. – С. 3.
12. Новая Могилевская городская дума // Известия Могилевских Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов. – 1917. – 17 авг. – С. 4.
13. Городская дума // Могилевская жизнь. – 1917. – 22 сент. – С. 3.
14. **Мельникова, А. С.** Политические воззрения и тактика представителей Трудовой народно-социалистической партии на территории Беларуси (ноябрь 1917 г. – начало 1918 г.) / А. С. Мельникова // Працы гістар. фак-та БДУ. – 2015. – № 10. – С. 56–66.
15. Чрезвычайное совещание общественных и политических организаций // Могилевская жизнь. – 1917. – 12 авг. – С. 3.
16. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 60п. Оп. 3. Д. 172. Л. 59.
17. Государственный архив Витебской области (ГАВО). – Ф. 173. Оп. 1. Д. 24. Л. 13об. – 14об.
18. **Снапковский, Ю. Н.** Могилевская губернская тюрьма периода немецкой оккупации Могилева (1918 г.) в документах НИАБ / Ю. Н. Снапковский // Архіварыус : зборнік навук. паведамленняў і артыкулаў. – Мінск : БелНДДАС, 2011. – Вып. 9. – С. 75–97.
19. **Мельникова, А. С.** Г. К. Крейер: общественно-политическая, научная и просветительская деятельность в Беларуси в начале XX в. / А. С. Мельникова // Весн. Магілёўск. дзярж. ун-та імя А. А. Куляшова. Сер. А, Гум. навукі (гісторыя, філасофія, філалогія). – 2023. – № 1 (61). – С. 44–48.

Поступила в редакцию 02.08.2023 г.

Контакты: melnikovaas78@gmail.com (Мельникова Алеся Сергеевна).

Melnikova A. S. I. Ya. NEKLEPAEV: SOCIAL AND POLITICAL ACTIVITIES IN MOGILEV IN 1917

The article discusses the main aspects of the activities of Ivan Yakimovich Neklepaev, a representative of the intelligentsia of the early XX century, who was a prominent figure in the socio-political life of Mogilev in 1917: supported the February Revolution, participated in democratic reforms, was a member of the Mogilev branch of the Labor People's Socialist Party, local government, public organizations. The coming to power of the Bolshevik Party was received negatively. He called for resistance to the Soviet power, but after some time he was able to adapt to the new political system.

Keywords: N. Ya. Neklepaev, Mogilev, intelligentsia, social and political activity, people's socialists, popular socialists, party, revolution, transformations, Bolsheviks, Soviet power.

УДК 332.2.021(476)(091)

**ПРАБЛЕМА ГАРАДСКОГА ЗЕМЛЕЎПАРАДКАВАННЯ Ў БССР
У ПЕРЫЯД НЭПА (1921–1928 гг.)****Т. У. Пецюкевіч**

аспірант

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт

Важным фактарам развіцця горада з'яўляецца рацыянальнае выкарыстанне зямельных рэсурсаў. Пад гарадскім землеўпарадкаваннем вызначаюцца мерапрыемствы па ўнясенні змен у плошчу, размяшчэнне, структуру, межы гарадскіх тэрыторый у мэтах стварэння ўмоў для іх рацыянальнага выкарыстання і функцыянавання гарадской гаспадаркі. Аўтарам разглядаецца праблема ідэнтыфікацыі гарадскіх зямель па сродках усталявання гарадской мяжы, а таксама асаблівасці эксплуатацыі і ўліку гарадскіх зямель на тэрыторыі БССР у перыяд НЭПа.

Ключавыя словы: землеўпарадкаванне, гарадскія землі, гарадская мяжа, камунальная гаспадарка.

Уводзіны

Для рацыянальнага развіцця гарадоў вялікае значэнне мае кіраванне і эксплуатацыя гарадскога зямельнага фонду. Кастрычніцкая рэвалюцыя, скасаваўшы права прыватнай уласнасці на зямлю, актуалізавала пытанне гарадскога землеўпарадкавання, рэгламентацыя якога адбывалася на працягу разглядаемага перыяду.

Дадзеная праблема разглядалася ў шэрагу артыкулаў, прысвечаных аспектам прававога рэгулявання зямельных адносін у гарадах у перыяд НЭПа. Юрыдычнае афармленне эксплуатацыі гарадскіх зямель аналізуецца Т. Ф. Яшчук у артыкуле «Зямельныя адносіны ў гарадах: вопыт прававога рэгулявання ў перыяд НЭПа» [1]. Асобным аспектам заканадаўства прысвечаны артыкулы Л. Ф. Няфёдава: «Правое замацаванне зямельнай рэнты ў савецкім заканадаўстве» [2], «Органы кіраўніцтва гарадскімі землямі і іх паўнамоцтвы ў РСФСР (1918 – канец 1940 гг.)» [3], «Правое значэнне Палажэння аб зямельных распарадках у гарадах 1925 г.» [4].

Асноўная частка

У дарэвалюцыйны перыяд гарады распараджаліся даволі вялікім зямельным фондам,

у межах сялібных тэрыторый знаходзіліся землі прыватных уласнікаў і органаў гарадскога самакіравання. Асноўная частка зямель, якія складалі рэзерв для пашырэння горада, размяшчалася за мяжой сялібных тэрыторый. Пасля Кастрычніцкай рэвалюцыі паўсталі пытанні ідэнтыфікацыі гарадскіх тэрыторый, іх уліку і эксплуатацыі.

Дэкрэт ад 20 жніўня 1918 г. «Аб знішчэнні права прыватнай уласнасці на нерухомасць у гарадах» перадаў гарадскія землі ў распараджэнне органаў мясцовай улады. Інструкцыя Наркамзема па прымяненні палажэння аб сацыялістычным землеўпарадкаванні» ад 8 ліпеня 1919 г. надзяліла гарадскія саветы правам распараджацца гарадской зямлёй, у тым ліку сельскагаспадарчай. Землі па-за гарадской мяжой знаходзіліся ў сферы кампетэнцыі Народнага камісарыяту земляробства. «Палажэнне аб камунальных аддзелах» ад 18 красавіка 1920 г. абмежавала кантроль гарадскіх улад асобнымі ўчасткамі як на гарадской тэрыторыі, так і па-за яе межамі, якія былі адведзены губернскімі зямельнымі аддзелаў [5, с. 832]. Гарадскія землі перадаваліся камунальным аддзелаў, якія адказвалі за вядзенне мясцовай гаспадаркі.

У заканадаўстве вызначэнне гарадскіх зямель ажыццяўлялася з выкарыстаннем прыкметы «гарадской мяжы», таму ідэнтыфікацыі гарадской зямлі надавалася значная ўвага [3, с. 68]. Пастановай Прэзідыума ЦВК БССР ад 29 сакавіка 1923 г. было дэкларавана правядзенне мерапрыемстваў па ўсталяванні межы гарадоў [6, с. 2]. Дадзенае пытанне рэгламентавалася Зямельным кодэксам БССР, уведзеным у дзеянне 15 красавіка 1923 г.

Пад актуальнай гарадской мяжой Зямельны кодэкс вызначыў знешнюю мяжу зямель, якія знаходзіліся ў вядзенні гарадскіх Саветаў на 1 мая 1923 г., і прылеглых былых гарадскіх зямель, калі яны не знаходзіліся ў фактычным карыстанні сялян або рабочых арганізацый. Такім чынам, пры вызначэнні складу гарадскіх зямель выкарыстоўваўся метаў выключэння: гарсаветы маглі юрыдычна замацоўва-

ць права на ўчасткі, у адносінах да якіх такія правы адсутнічалі ў іншых карыстальнікаў. Справа аб пашырэнні гарадской мяжы ўзбуджалася гарадскім Саветам або НКУС, пры ўзнікненні спрэчак пераходзіла на канчатковае вырашэнне ў Прэзідыум ЦВК. Землі за межамі актуальнай гарадской мяжы, якія абслугоўвалі гарадскія камунальныя прадпрыемствы, замацоўваліся за імі [6, с. 17]. У выпадках забудовы прылеглых да горада тэрыторый або размяшчэння там камунальных прадпрыемстваў гарадская мяжа ўключала гэтыя землі ў склад горада [6, с. 18]. Зямельныя распарадкі ўнутры гарадской мяжы рэгламентаваліся спецыяльнымі заканадаўчымі актамі.

Працэс вызначэння гарадской мяжы суправаджаўся спрэчнымі пытаннямі. Так, у верасні 1923 г. жыхарамі хутара Назараўка было пададзена хадайніцтва аб выключэнні хутара з ліку гарадскіх зямель Бабруйска і далучэнні яго да бліжэйшых валасцей. Бабруйскі камунаддзел канстатаваў, што хутар уваходзіць у гарадскую мяжу з 1853 г. і знаходзіцца ў цэнтры гарадскіх зямель. Улічваючы факт зацвярджэння гарадской мяжы 30 красавіка 1923 г., камунаддзел «не знаходзіў магчымасці зноў вяртацца да гэтага пытання» [7, арк. 22].

У 1924 г. быў выдадзены шэраг пастаноў, рэгламентуючых памер гарадскіх тэрыторый. Пастанова Прэзідыума ЦВК БССР ад 16 мая 1924 г. вызначыла пяцівярстовы радыус для акруговых і павятовых гарадоў у якасці агульнага прынцыпу. На пасяджэнні Прэзідыума ЦВК, СНК і старшын акрвыканкамаў 5 лістапада 1924 г. было прынята рашэнне радыус усіх гарадоў, за выключэннем Мінска і Віцебска, вызначыць ад 3 да 5 вёрст [8, арк. 12].

Пры абмежаванні гарадскіх зямель Магілёва гораду было адведзена толькі 3500 дзесяцін зямлі пры тым, што ў дарэвалюцыйны перыяд яго тэрыторыя складала 6500 дзесяцін. У кастрычніку 1924 г. пытанне разглядала Вышэйшая зямельная камісія і накіравала праект на дапрацоўку [8, арк. 121]. Асноўнай прычынай сталі шматлікія скаргі грамадзян, якія не жадалі ўваходжання ў гарадскую мяжу і імкнуліся прылічыць сябе да сельскага насельніцтва, каб не плаціць падаткі на зямлю, утрыманне жывёлы і забудовы ў гарадах [9, арк. 15].

У верасні 1924 г. віцебскі камунаддзел дакладаў у Галоўнае кіраўніцтва камунальнай гаспадаркі, што працы па ўсталяванні гарадской мяжы скончаны. Адзначалася, што гарадскія землі варта абмежаваць радыусам ад

3 да 4 вёрст, таму што далей знаходзяцца землі выключна вясковыя, якія немэтазгодна ўключыць у склад горада [8, арк. 62]. Канчатковае зацвярджэнне гарадской мяжы Віцебска адбылося толькі ў лютым 1925 г.

Варта адзначыць, што на далучаных да БССР у выніку першага ўзбуйнення тэрыторый павеатаў Віцебскай, Гомельскай і Смаленскай губерняў да красавіка 1925 г. дзейнічаў Зямельны кодэкс РСФСР 1922 г., аднак рэгламентацыя гарадскога землеўпарадкавання не мела значных адрозненняў ад адпаведных нормаў, змешчаных у Зямельным кодэксе БССР 1923 г.

Гарадская мяжа Мінска была зацверджана 30 красавіка 1923 г., аднак пазней было прынята рашэнне аб яе пашырэнні [7, арк. 10]. Новая мяжа сталіцы БССР была зацверджана Мінскай акруговай зямельнай камісіяй 29 студзеня 1925 г., абмежавана ў натуре і заснята на плане [7, арк. 170]. Плошча гарадской тэрыторыі Мінска склала 13.944 дзес. і была больш за старую амаль у 4 разы [9, арк. 5].

Працы па абмежаванні гарадоў зацягнуліся. Дадзенае пытанне абмяркоўвалася 9 лютага 1925 г. на пасяджэнні сельскагаспадарчай секцыі Дзяржплана БССР, якое канстатавала неабходнасць перагляду пытання абмежавання гарадоў сумесна з фінансава-эканамічнай секцыяй і Галоўным кіраўніцтвам камунальнай гаспадаркі па прычыне неадпаведнасці памераў гарадскіх тэрыторый рэальным патрэбам гарадоў [8, арк. 15].

1 красавіка 1925 г. для ўсёй тэрыторыі БССР быў уведзены новы Зямельны кодэкс, дзеянне Зямельнага кодэкса РСФСР 1922 г. на далучаных у выніку ўзбуйнення 1924 г. тэрыторыях было адменена [10, с. 1]. З увядзеннем новага Зямельнага кодэкса адбылася ўніфікацыя зямельнага заканадаўства на тэрыторыі рэспублікі. Пытанне эксплуатацыі гарадскога зямельнага фонду не атрымала значных зменаў.

У ліпені 1925 г. пры кіраўніцтве камунальнай гаспадаркі была сабрана нарада па зямельным пытанні з удзелам прадстаўнікоў акруговых камунаддзелаў. Было адзначана, што ў выніку абмежавання пяцівярстовым радыусам у склад акруговых гарадоў была ўключана вялікая колькасць вёсак, тэрыторыя якіх не прыносіла прыбытак гарадам па прычыне абкладання яе адзіным сельскагаспадарчым падаткам, а не зямельнай рэнтай. На адміністрацыйнае абслугоўванне гэтых тэрыторый ішла значная частка мясцовых бюджэтаў,

што выклікала пытанне аб мэтазгоднасці павелічэння гарадской мяжы. Напрыклад, Мінск пасля пашырэння сваёй тэрыторыі ў студзені 1925 г. набыў 5000 дзесяцін лесу, 2000 дзесяцін пад зялёныя насаджэнні, 1600 дзесяцін саўгасаў, але разам з тым у склад горада ўвайшлі 15 вёсак, з абслугоўваннем якіх горад ужо адчуваў цяжкасці [11, арк. 102]. Вынікам нарады па пытанні гарадской мяжы стала рэкамендацыя камунаддзелам кіравацца пяцівярстовым радыусам як максімальным, але ў кожным выпадку ўлічваць эканамічную мэтазгоднасць, попыт на зямлю пад забудову, здольнасць абслугоўвання жыхароў далучаных тэрыторый і, па магчымасці, прыслухоўвацца да жаданняў насельніцтва [11, арк. 103].

Яшчэ адным недахопам мерапрыемстваў па абмежаванні гарадоў з'яўлялася адсутнасць аднастайнага плана правядзення прац. Некаторыя гарады правялі мерапрыемствы па адвядзенню гарадской мяжы без юрыдычнага афармлення праекта. У такой сітуацыі дастаткова было адной скаргі, каб праект быў накіраваны на перагляд [7, арк. 112]. У сувязі з гэтым НКУС прапанаваў аформіць усе праекты праз зямельныя органы і да 1 лютага 1926 г. прадставіць іх у НКУС [7, арк. 112 зв].

29 студзеня 1926 г. Прэзідыум ЦВК БССР адмяніў пастанову ЦВК і СНК ад 16 мая і 5 лістапада 1924 г. у частцы, якая тычылася ўсталявання радыусу гарадскіх зямель ад трох да пяці вёрст. Зробленыя паводле гэтых пастановаў абмежаванні гарадскіх тэрыторый пакідаліся ў сіле, а ў далейшым акрыванкамам неабходна было дзейнічаць толькі на падставе палажэнняў Зямельнага кодэкса [7, арк. 148].

Ідэнтыфікацыя гарадской тэрыторыі суправаджалася не толькі вызначэннем вонкавай мяжы, але і мерапрыемствамі па апісанні зямельных участкаў унутры горада з выяўленнем іх фактычных землекарыстальнікаў. Значная частка зямель знаходзілася пад прыватнымі жылымі забудовамі, нацыяналізаванымі прамысловымі прадпрыемствамі, а таксама ўстановамі, якія не былі ніяк звязаны з мясцовым кіраўніцтвам і гаспадаркай [1, с. 20].

Для ацэнкі зямельных рэсурсаў горада і іх дакладнага ўліку праводзілася рэгістрацыя зямельных участкаў. Дадзены працэс распачаўся з 1922 г. на аснове паказанняў землекарыстальнікаў, у выніку чаго мела месца двайная рэгістрацыя аднаго ўчастка некалькімі ўладальнікамі, а інфармацыя наконт прыбытку з асобных зямель увогуле адсутнічала. Ацэн-

ка зямельных рэсурсаў гарадоў і іх прыбытковасці аказалася вельмі прыблізнай. Дзеля атрымання дакладных дадзеных праводзіліся каморніцкія здымкі, якія, аднак, ахоплівалі не ўсе тэрыторыі. Так, у 1922 г. у Мінску было вымерана толькі 600 з 7000 зарэгістраваных зямельных участкаў [12, арк. 105].

Пытанне ўнутранага землекарыстання рэгламентавала «Палажэнне аб зямельных распарадках у гарадах», зацверджанае ЦВК і СНК БССР 18 верасня 1925 г. Згодна з ім уся тэрыторыя з ляснымі насаджэннямі і вадаёмамі ў межах гарадской мяжы знаходзілася ў непасрэдным вядзенні органаў мясцовай гаспадаркі выканаўчых камітэтаў. Выключэннем былі землі, якія ўваходзілі ў сферы кампетэнцыі адпаведных камісарыятаў, – тэрыторыі чыгункі, водных шляхоў міжгарадскога транспарту, ваенных аб'ектаў [13, с. 2].

Гарадскія землі падзяляліся на тры групы па прыкметах эканамічнага і сацыяльнага прызначэння [4, с. 135]. Першую групу складалі сямлібныя тэрыторыі – плошчы, якія былі выкарыстаны ці будуць выкарыстоўвацца пад забудову. Да другой трапілі землі агульнага карыстання, якія ўключалі ў сябе дарогі, вуліцы, набярэжныя, вадаёмы; зоны для адпачынку (паркі, сады, скверы, бульвары); звалачныя месцы для вывазу смецця і снегу [13, с. 7]. У трэцюю групу ўваходзілі лясы і землі сельскагаспадарчага карыстання (выганы, лугі, палеткі, агароды, фруктовыя сады). Гаспадарка ў гарадскіх лясах павінна была насіць паркавы характар, але дазвалялася касьба і выпасванне хатняй жывёлы.

Асноўная частка гарадскіх зямель з'яўлялася муніцыпальнай уласнасцю. Самай распаўсюджанай формай эксплуатацыі зямлі ў перыяд НЭПа стала перадача яе ў арэнднае карыстанне ўстановам, прыватным асобам і аб'яднанням. Да 1922 г. зямля для апрацоўкі давалася ў бясплатнае карыстанне, потым была ўведзена арэндная плата. На працаздольнага члена сям'і адпускатася ад 60 да 100 кв. сажняў, а ў выпадку, калі земляроўства з'яўлялася асноўным заняткам, – да 112 дзесяцін. Арэндныя дамовы складаліся тэрмінам на 6 гадоў [14, арк. 61]. Так, за 1922 г. у арэнднае карыстанне ўстановам і кааператывам было перададзена каля 20% гарадской зямлі ў Мінску [15, с. 2].

Кошт арэнднай зямлі вар'іраваўся ў залежнасці ад месцазнаходжання ўчастка. Так, у 1923 г. арэнда 1 дзесяціны зямлі ў цэнтры Мінска каштавала 15 руб., за 2-3 км ад цэнтра – 12 руб., на ўскраінах – 10 руб. [16, с. 3].

Улады меркавалі, што з цягам часу попыт на сельскагаспадарчую зямлю будзе скарачацца, чаго нв самой справе не адбылося. Так, попыт на зямлю ў Мінску ў 1923 г. быў настолькі высокі, што вясной назіраліся выпадкі засявання пад агароды ўскраінных вуліц. Перад гарадскімі ўладамі паўстала задача забеспячэння горада дастатковай плошчай для патрэб ваенных стрэльбішчаў, аэрадрома, звалачных месцаў, палеткаў і выганаў для гарадской жывёлы. Згодна з перапісам 1922 г. у Мінску налічвалася 3000 галоў буйной рагатай жывёлы, 1500 коней і 2000 коз [12, арк. 104 зв].

Высокі попыт на зямлю ў Калінінску прывёў да таго, што частка запасных зямельных і лугавых участкаў была размеркавана паміж земляробскім насельніцтвам, астатняя частка здавалася па дамовах у арэнднае карыстанне. У выніку горад не меў магчымасці адвесці новыя сялібныя ўчасткі без пашырэння гарадской мяжы [9, арк. 7]. Аналагічная сітуацыя мела месца ў Слуцку, дзе пасля муніцыпалізацыі гарадской тэрыторыі зямельныя ўчасткі засталіся за сваімі фактычнымі карыстальнікамі на правах арэнды. Свабодныя муніцыпалізаваныя землі ў 1922 г. былі здадзены ў арэнднае карыстанне на шасцігадовы тэрмін [9, арк. 8]. Такое становішча тармазіла збіранне камунальнай гаспадаркі ў адзіную сістэму і не ўлічвала інтарэсаў саміх населеных пунктаў.

Акрамя зямельных участкаў пад апрацоўку, вялікім быў попыт на ўчасткі пад забудову. У Віцебску ў 1924 г. грамадзянам для гэтых мэт было прадастаўлена 220 участкаў плошчай ад 100 да 300 кв. дзесяцін. У пачатку 1925 г. Віцебскі камунальны адзел адзначаў, што не можа задаволіць да 300 заяў рабочых фабрыкі «Дзвіна» па прычыне адсутнасці ў горадзе свабодных зямель [9, арк. 17 зв]. Значнай праблемай эксплуатацыі гарадской тэрыторыі стала адсутнасць планаў, якія рэгламентавалі забудову, у выніку чаго па некаторых вуліцах было немагчыма праехаць, асабліва пажарным камандам.

У мэтах павышэння прыбыткаў мясцовых бюджэтаў Дэкрэтам ад 12 лістапада 1923 г. была ўведзена зямельная рэнта. Сэнс увядзення такіх плацяжоў заключаўся ў афармленні адносін з камунальнымі аддзеламі тых землекарыстальнікаў, якія раней не ўносілі ніякіх плацяжоў за ўчасткі [2, с. 30].

Рэнтнаму абкладанню падлягалі землі, якія ўваходзілі ў гарадскую мяжу, і тэрыторыі, аддадзеныя транспарту, як у межах горада, так

і па-за імі. Рэнта падзялялася на асноўную і дадатковую, першая паступала ў дзяржаўны бюджэт, другая – у мясцовыя гарадскія бюджэты. Памер асноўнай рэнты ўсталёўваўся ў парадку агульнасаюзнага заканадаўства, зыходзячы з сярэдняга прыбытку зямельнага ўчастка і суадносінаў з арэнднай платай. Дадатковая рэнта ўводзілася гарадскімі саветамі і магла вар’іравацца ў залежнасці ад месцазнаходжання зямельнага ўчастка. Плацельшчыкамі рэнты выступалі як фізічныя, так і юрыдычныя асобы [2, с. 30].

18 мая 1924 г. ЦВК і СНК СССР зацвердзілі правілы спагнання рэнты, згодна з якімі налічэннем рэнты займаліся фінансавыя аддзелы выканкамаў. З устанавленнем зямельнай рэнты арэндная плата не спаганялася з уладанняў немуніцыпалізаваных і дэмуныцыпалізаваных; зямель, якія аддалі ў распараджэнне дзяржаўным і нацыяналізаваным прадпрыемствам; зямель, якімі валодалі ўстановы і прадпрыемствы, працуючыя на дзяржаўным бюджэце. Аднак асноўнай праблемай сталі менавіта суадносіны паміж рэнтнай і арэнднай платой. Заканадаўчыя акты перыяду 1923–1924 гг., якія рэгламентуюць дадзенае пытанне, дазвалялі паралельнае прымяненне абодвух плацяжоў, пры гэтым дадатковая рэнта магла ўключацца ў склад арэнднай платы [2, с. 30]. Варта адзначыць, што ўвядзенне рэнты прывяло да адмаўлення многімі грамадзянамі ад зямельных участкаў па прычыне неплацежаздольнасці.

У другой палове 1920-х гг. зямельная рэнта паступова набліжаецца да зямельнага падатку. 30 красавіка 1927 г. было прынята новае Палажэнне аб спаганні рэнты з гарадскіх зямель, у адпаведнасці з якім рэнта захоўвала падзел на асноўную і дадатковую. Для вызначэння памераў асноўнай рэнты гарадскія паселішчы размяркоўваліся на катэгорыі паводле адміністрацыйнага падзелу, шчыльнасці насельніцтва, развіцця гандлю, прамысловасці і г. д. [2, с. 32].

Заклучэнне

Пасля Кастрычніцкай рэвалюцыі актуальнасць набыло пытанне землеўпарадкавання. Права распараджэння гарадской зямлёй было перададзена гарадскім саветам.

Першым мерапрыемствам па ідэнтыфікацыі гарадскіх зямель стала вызначэнне межаў гарадоў. Дадзены працэс абцяжарвала непаслядоўнасць заканадаўчай рэгламентацыі і адсутнасць аднастайнага плана правядзення ра-

бот. Гароды праводзілі мяжу ў адміністрацыйным парадку і ажыццяўлялі работы па адводу пры адсутнасці юрыдычнага афармлення праекта, што прыводзіла да перагляду па прычыне скаргаў насельніцтва. Пры ўваходжанні некаторых тэрыторый у склад гарадскіх іх насельніцтва працягвала плаціць сельскагаспадарчы падатак, што было нявыгадна для мясцовых бюджэтаў.

У пачатку 1920-х гг. была праведзена рэгістрацыя зямельных участкаў з выяўленнем іх фактычных землекарыстальнікаў. Перыяд НЭПа характарызаваўся высокім попытам на зямлю, як сельскагаспадарчую, так і для забудовы, таму асноўнай формай эксплуатацыі муніцыпальных зямель стала перадача іх у арэнднае карыстанне. Такое становішча прыводзіла да недахопу сялібнай тэрыторыі для развіцця гарада, тармазіла збіранне камунальнай гаспадаркі ў адзіную сістэму і не ўлічвала інтарэсаў саміх населеных пунктаў.

Сродкам павелічэння прыбыткаў мясцовых бюджэтаў ад выкарыстання гарадскіх зямель стала зямельная рэнта, мэта ўвядзення якой заключалася ў афармленні зямельных адносін з камунальнымі аддзелаў тых землекарыстальнікаў, якія раней не ўносілі ніякіх плацяжоў за зямлю. Паралельна з рэнтным абкладаннем захоўвалася арэндная плата.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. Ящук, Т. Ф. Земельные отношения в городах: опыт правового регулирования в период НЭПа / Т. Ф. Ящук // Вестник Омского университета. Сер. Право. – 2015. – № 4. – С. 17–25.
2. Нефёдов, Л. В. Правовое закрепление земельной ренты в советском законодательстве / Л. В. Нефёдов // Вестник Омского университета. Сер. Право. – 2011. – № 2. – С. 30–33.
3. Нефёдов, Л. В. Органы управления городскими землями и их полномочия в РСФСР (1918 – кон. 1940 гг.) / Л. В. Нефёдов // Вестник Омского университета. Сер. Право. – 2011. – № 1 (26). – С. 67–73.
4. Нефёдов, Л. В. Правовое значение положения о земельных распорядах в городах 1925 г. / Л. В. Нефёдов // Право и политика: история и современность: тезисы докладов и сообщений межрегиональной науч.-практ. конф., Омск, 14–15 апр. 2011 г. / Омская академия Министер-

ства внутренних дел Российской Федерации; отв. ред. Т. Е. Грязнова, М. А. Засыпкин. – Омск, 2011. – С. 134–135.

5. Советское градостроительство, 1917–1941 / Ю. Л. Косенкова [и др.]. – Москва : Прогресс-традиция, 2018. – Кн. 2. – С. 831–1490.

6. Земельный кодекс БССР // Сбор законаў і загадаў рабоча-сялянскага ўраду БССР. – Мінск : НКЮБ. – 1923. – № 6. – Ст. 55.

7. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Ф. 691. Воп. 1. Спр. 65.

8. НАРБ. – Ф. 691. Воп. 1. Спр. 66.

9. НАРБ. – Ф. 691. Воп. 1. Спр. 98.

10. Земельный кодекс БССР // Сбор законаў і загадаў рабоча-сялянскага ўраду БССР. – Мінск : НКЮБ. – 1925. – № 11. – Ст. 93.

11. НАРБ. – Ф. 691. Воп. 1. Спр. 21.

12. НАРБ. – Ф. 691. Воп. 1. Спр. 6.

13. Аб пацвярджэнні палажэння аб зямельных распарадах у гарадах і паселішчаў гарадскога тыпу Беларускай ССР // Сбор законаў і загадаў рабоча-сялянскага ўраду БССР. – Мінск : НКЮБ. – 1925. – № 43. – Ст. 353.

14. НАРБ. – Ф. 691. Воп. 3. Спр. 1.

15. Сельская гаспадарка ў м. Менску // Савецкая Беларусь. – 1922. – 12 снежня. – С. 2.

16. Наше Коммунальное хозяйство. Земельная политика Комхоза // Звезда. – 1923. – 18 лютага. – С. 3.

Паступіла ў рэдакцыю: 29.10.2023 г.

Кантакты: tatstsyana98@mail.ru (Пецюкевіч Таццяна Уладзіміраўна).

Petsiukevich T. U. THE PROBLEM OF URBAN LAND MANAGEMENT IN THE BSSR DURING THE NEP PERIOD (1921–1928)

An important factor in the development of the city is the rational use of land resources. Urban land management is defined in the article as measures to make changes to the area, location, structure, boundaries of urban territories in order to create conditions for their rational use and functioning of urban economy. The author considers the problem of identification of urban lands by means of establishing the city border, as well as the features of the operation and accounting of urban lands on the territory of the BSSR during the NEP period.

Keywords: land management, urban lands, urban border, public utilities.

УДК 94(476) “1921–1939”

ДЗЕЙНАСЦЬ КПЗБ НА ТЭРЫТОРЫІ ПРУЖАНСКАГА ПАВЕТА ПАЛЕСКАГА ВАЯВОДСТВА Ў 1920–1930-я гг.

В. П. Гарматны

кандыдат гістарычных навук, дацэнт, старшы навуковы супрацоўнік
Інстытут гісторыі НАН Беларусі

У артыкуле разглядаецца дзейнасць КПЗБ на тэрыторыі Пружанскага павета ў перыяд яго знаходжання пад польскім панаваннем. У 1920–1930-я гг. КПЗБ была адной з самых масавых і уплывовых тагачасных палітычных арганізацый, у сувязі з чым у савецкі час тэматыка яе дзейнасці была ў гістарычнай навуцы адной з самых запатрабаваных. Разам з тым на сучасным этапе развіцця айчынай гістарычнай навукі назіраецца відавочны спад цікавасці да вывучэння асноўных напрамкаў і вынікаў актыўнасці КПЗБ. У дадзеным артыкуле, улічваючы 100-годдзе са дня стварэння КПЗБ, зроблена спроба адпаведна сучасным патрабаванням гістарычнай навукі паказаць на мікраўзроўні сацыяльна-эканамічную і грамадска-палітычную дзейнасць камуністаў Заходняй Беларусі.

Ключавыя словы: КПЗБ, праграма, падполле, дэманстрацыя, барацьба, рэвалюцыя, ячэйка, мітынг. «»

Уводзіны

На працягу 1921–1939 гг. Заходняя Беларусь уваходзіла ў склад Польшчы і была падзелена на ваяводства, паветы і гміны. На той час Пружаны сталі цэнтрам павета Палескага ваяводства, які падзяляўся на гміны (колькасць час ад часу мянялася): Байкі, Бяроза-Картузская, Гарадзечна, Катрова, Лінова, Малеч, Міжлесе, Мікіцічы, Наскова, Пружаны, Равяцічы, Руднікі (Рудня), Сухопаль, Сялец, Шэрашава (на сучасным этапе гэта большая частка Пружанскага і Бярозаўскага раёнаў Брэсцкай вобласці). Агульная плошча павета складала 2 644 кв. км з насельніцтвам 108 583 чалавек (паводле ўсепольскага перапісу 1931 г.).

У эканамічным плане Пружанскі павет характарызаваўся як выразна сельскагаспадарчы. Мясцовыя землі ацэньваліся як адносна слабаўраджайныя, тэхніка апрацоўкі зямлі заставалася на адносна невысокім узроўні [1]. Абсалютная большасць мясцовага сялянства пакутавала ад малазямелля, дыскрымінацыйнай палітыкі польскага ўраду і падатковага гнёту, у сувязі з чым адстойвала свае карэньныя

жыццёвыя інтарэсы і таму актыўна ўключалася ў нацыянальна-вызваленчую і рэвалюцыйна-дэмакратычную барацьбу.

Асноўная частка

Адной з галоўных і найбольш уплывовых заходнебеларускіх палітычных партый і арганізацый міжваеннага перыяду стала Камуністычная партыя Заходняй Беларусі (КПЗБ), якая была створана ў кастрычніку 1923 г. у Вільні і з’яўлялася складовай часткай Кампартыі Польшчы. Адносна праграмных патрабаванняў КПЗБ выступала перш за ўсё за абарону нацыянальна-дэмакратычных правоў заходнебеларускага насельніцтва, за перадачу памешчыцкай зямлі сялянам бясплатна.

На Палессі ў сферы дзейнасці райкамаў вызначаліся вялікія тэрыторыі (перш за ўсё ва ўсходняй частцы), што было абумоўлена малай гушчынёй насельніцтва, стварала цяжкасці пры абмежаванні кадравага патэнцыялу і кошту транспартных выдаткаў. Першым сакратаром Пружанскага падпольнага райкама КПЗБ з 1923 г. стаў С. П. Пацяруха [2]. У склад падпольнага райкама ўваходзілі Хораўскі, Шэрэшаўскі і Шэніўскі падрайкамы (потым створаны яшчэ і Бяроза-Картузскі, усяго іх у сукупнасці налічвалася да 8), якія штотдзённа кіравалі ўсёй дзейнасцю камуністаў, давалі ім сакрэтныя ўказанні. Кіруючы склад райкама быў строга законспіраваны і сам камітэт вымушаны быў часта мяняць сваё месцазнаходжанне [3, s. 31]. Пачынаючы з 1922 г. сярод арганізатараў падпольнай партыйнай барацьбы на Пружаншчыне былі мясцовыя жыхары Навіцкі з вёскі Аколіцы-Бортнавічы, Новік з вёскі Хорава і Павел Хамнок з вёскі Піняны. Першыя ячэйкі (гурткі) узніклі ў Пружанскім павеце ў вёсках Хорава, Калядзічы, Ражковічы, Смаляны, Шэні, Піняны, Залесе і налічвалі звычайна па 5–7 камуністаў [4, с. 77].

Пружанскія камуністы распаўсюджвалі ў павеце нелегальную літаратуру і лістоўкі, якія атрымлівалі з Брэсцкага акруговага камітэта

КПЗБ, а таксама друкавалі на шапірографх свае ўлёткі, у якіх расказвалі аб шчаслівым жыцці працоўных у Савецкім Саюзе і заклікалі да рэвалюцыйнай барацьбы супраць польскіх уладаў [5, с. 192–193]. Дзеля павелічэння колькасці ўлёткаў тэкст пісаўся хімічным алоўкам і змочваўся ў спецыяльным раствору, а затым адбіваўся на шкле, да якога потым збоку прыклеівалі белы аркуш, каб прасцей было чытаць [6].

Асабліва ўвага у дзейнасці КПЗБ надавалася нацыянальнаму пытання, перш за ўсё праву навучання на роднай мове. Пад кіраўніцтвам мясцовых камуністаў сталі стварацца ініцыятыўныя групы па збору калектыўных заяў ад беларускага насельніцтва з патрабаваннем адкрыцця школ на роднай мове. Такія рашэнні былі прыняты ў 1924 г. на сялянскіх сходах у вёсках Шэні, Стараволя, Дубічы і інш. [4, с. 89; 7, с. 55].

Паводле справаздачы Брэсцкага АК КПЗБ 21 студзеня 1925 г. пры арганізацыйным аглядзе становішча ў рэгіёне адзначалася: «Картуз-Бяроза. Раён мае сувязь даўно, але да гэтага часу не было раённага к-та. Работа ў раёне стаіць вельмі добра. Маецца 3 падраёны, больш за 100 чалавек у партыі. Падацькі ў большасці выпадкаў не выплачаны. Былі частковыя канфіскацыі рэчаў у насельніцтва (за даўгі па падаткам), але рэчы не распраданы, ніхто не купіў. Школьная кампанія праводзіцца добра. Амаль у кожнай вёсцы ёсць заявы аб адкрыцці школ...

Літаратура паўсюдна расклеена і раскідана, нават сярод войска ў кашарах (казармах) і на плацу. Было падрыхтавана да вывешвання 6 сцягоў. Камітэт рыхтуецца да арганізацыі (забастовак) тартакоў (лесанілак), на якіх працуе да тысячы чалавек. Настрой насельніцтва партызанскі. Канферэнцыі раённай не было, (але) прызначана на бліжэйшыя дні, было паседжанне раённага камітэта...» [8, т. 1, с. 266]. Неабходна падкрэсліць, што справа прапаганды сярод салдат мела найважнейшае значэнне, у складзе Брэсцкага акруговага камітэта КПЗБ быў створаны вайсковы аддзел, які ажыццяўляў кіраўніцтва працай сярод вайсковых частак [9, с. 120]. Камуністычныя лістоўкі і газеты дастаўляліся сюды рознымі спосабамі – перш за ўсё пры закупцы вайсковымі інтэндантам і сялян прадуктаў і фуражу для коней, падчас якой камсамольцы закладвалі ў мяхі з крупамі і ў сена падпольную літаратуру. Шырока выкарыстоўваліся і міжчалавечыя стасункі, калі на вечарынках дзяўчаты дамаўляліся з салдатамі

аб часе і месцы перакідвання лістовак праз плот у казармы, пасля чаго мясцовыя падпольшчыкі ў спрыяльны час распаўсюджвалі іх сярод таварышаў [10, с. 178].

Асаблівае значэнне КПЗБ надавала святкаванню Першамай, якое заўсёды суправаджалася вывешваннем чырвоных сцягоў у самых людных і цяжка даступных месцах, расклеиваннем лістовак і правядзеннем дэманстрацый. Так, напрыклад, напярэдадні Першамай 1925 г. у Пружанах раскідана 280 пракламацый на чатырох мовах, а ў вёсках ля шашы Пружаны-Шарашова вывешаны чырвоныя сцягі і раскіданы пракламацыі з заклікам выходзіць на дэманстрацыю [7, с. 73].

У 1927 г. каля 150 сялян вёскі Рэчыца (у асноўным моладзь) прайшлі першамайскай дэманстрацыяй са спевам рэвалюцыйных песень [8, т. 1, с. 474; 11, с. 101]. У 1931 г. у вёсцы Бармуты гміны Равяцічы было загадзя вывешана 4 транспаранты [12, с. 195]. У 1932 г. у вёсцы Хорава вывесілі чырвоны сцяг на купале мясцовай царквы і потым прайшла дэманстрацыя, якую разагнала паліцыя. Улады прапаноўвалі узнагароду ў 100 злотых таму, хто здыме з царквы азначаны сцяг, але жадаючых не знайшлося. Збіць сцяг стрэламі з вінтовак таксама не ўдалося, і ён развяваўся, пакуль не быў сарваны ветрам [5, с. 195]. У 1934 г. у вёсцы Мокры адбылася падобная дэманстрацыя [11, с. 251].

Паводле звестак дзяржаўных уладаў структура камуністычных арганізацый у Пружанскім павеце на 1931 г. складалася з некалькіх груп ячэек. На пачатак ліпеня было запланавана стварэнне райкамаў з сядзібай у Бяроза-Картузскай і Шэнях, у склад якіх увойдуць: райкам Бяроза-Картузская (размешчаны ў Блудні, высветлены 1 член).

I група Блудзень: з ячэйкамі Блудзень – 10 членаў, Бяроза-Картузская – 1, Зарэчча – 1, Немавічы – 7, Жычын – 7, Агароднікі (павет Косаўскі) – 1 і Стрыгінь.

II група Осаўцы: з ячэйкамі Осаўцы – 6 членаў, Варажбіты – 5, Сасноўка – 1, Аляхновічы – 3, Малеч – 3.

III група Залессе: з ячэйкамі Залессе – 6 членаў, Піняны – 1, Хорава – 1, Ражковічы – 1, Смаляніца – 1, Краснае – 1, Круглае – 2, Тураўшчына – 1, Вінец – 2, Варотнае – 4, Аранчыцы – 2 і Альшаны – 1.

Райкам Пружаны (Шэні), група ячэек у Шэнях: Шэні – 12 чалавек, Пружаны – 2, Касцёлкі – 12, Шахі – 1, Зарэчча – 1, Сасноўка – 1, Лібія – 1, Мурава – 1.

Уплывы ў Таварыстве беларускай школы – 100 %, ва ўкраінскіх чытэльных-бібліятэках «Прасвіты» – 75 %, ва ўкраінскіх кааператывах і прафсаюзах – 40 % і сярод мясцовага насельніцтва (таксама 40 %?).

Разам кампартыя тут налічвала: 2 райкамы КПЗБ (у стадыі арганізацыі), 4 групы ячэек КПЗБ (32 ячэйкі, высветлена 89 чалавек) [12, s. 209].

Паводле апытанняў аднаго з камуністычных актывістаў Каргуз-Бярозы «па сутнасці пра партарганізацыю: гэта выключны рэгіён, дзе захаваўся цудоўны стары актыў, таварышы, што сядзелі ў турмах па некалькі гадоў, палітычна граматыны і ўмеючыя працаваць, гэта сапраўды партыйныя таварышы, а не актыўная грамада Пружанская. Але асноўная бяда ў іх – інтэлігентнасць. Разбіраюцца добра ў міжнародным становішчы – чыталі палітэканомію, гісторыю партыі, а масавай работы не вядуць, канфідэнтаў (шпікоў) не б'юць і г.д. Разам з тым там арганізацыя здаровая і ў выніку правядзення нарад актыву надта актыўная і з уздымам прынялі рашэнне аб пераходзе ад індывідуальнай прапаганды (не адмаўляемся ад яе) да масавай агітацыі. Яны маюць вялікі вопыт легальнай работы... З аднаго боку, гэта плюс, што яны цудоўна выкарыстоўваюць сельскія сходы для нашай работы, мінус – масавай легальнай работы явачным парадкам яшчэ не навучыліся праводзіць» [13, арк. 166]. Адзначалася таксама, што ў Каргуз-Бярозе дзеці актыўна пратэставалі супраць паланізацыі і таму ішлі ў школу з беларускімі кніжкамі, а польскія наўмысна пакідалі дома, а таксама тут мелася 14 рэвалюцыйных паэтаў, якія пісалі вершы пра жыццё сялян. У цэлым сярод наяўных праблем адзначаўся перш за ўсё недахоп адпаведнай літаратуры, з-за чаго ў некаторай часткі актывістаў пачалі праяўляцца «апартуністычныя настроі».

Пры гэтым варта адзначыць, што ў адной са справаздач Пружанскага райкама КПЗБ адзначалася, што «у нас па раёну было шмат бібліятэк «Прасвіты». Цяпер яны ліквідаваныя, і паліцыя загадала ўсе кніжкі з гэтых бібліятэк здаць. Але мы здалі паліцыі толькі самыя горшыя ўндаўскія кніжкі, а лепшыя кніжкі былі разабраны па руках. Цяпер хлопцы часта збіраюцца і чытаюць гэтыя кніжкі». Пры гэтым кампартыя выступала супраць і ўздыху рускага нацыяналізму. Напрыклад, Брэсцкі акруговы камітэт КПЗБ пры разборы адозвы Пружанскага райкама, дзе ўтрымліваўся лозунг «Няхай жыве памяць рускага павадыра

У. Леніна!», адзначаў: «Мы забываемся, што на Палессі мы больш, чым у іншых мясцовасцях, маем рэшткі рускага вялікадзяржаўнага шавінізму, які можа быць выкарыстаны белагвардзейшчынай» [14, с. 148, 150].

Пад уплывам агітацыі камуністаў назіраліся спробы нелегальна перабрацца ў Савецкі Саюз. Напрыклад, 23 чэрвеня 1933 г. у памежных Ганцавічах Лунінецкага павета паліцыяй быў схоплены Гаўрыла Яцкевіч, 26-гадовы жыхар вёскі Зарэчча гміны Сялец, які на допыце прызнаўся, што з'яўляецца членам КПЗБ і мае на мэце нелегальна перайсці польска-савецкую мяжу. У выніку допытаў паліцыі ўдалося сабраць істотныя звесткі пра структуру і кадравы склад мясцовай ячэйкі [12, s. 31].

У сувязі з тым, што большасць мясцовага насельніцтва складалі малазямельныя сяляне, аграрнае пытанне стаяла вельмі востра і тэрмінова патрабавалася ажыццяўленне шэрагу аграрных пераўтварэнняў, перш за ўсё па надзяленні сялян зямлёю. У такіх варунках камуністы арганізавалі сялянскі супраціў, накіраваны на дзяржаўную аграрную рэформу. Напрыклад, пад уплывам камуністаў 30 верасня 1929 г. сяляне вёсак Осаўцы і Пляхаўшчына, узброеныя сякерамі і кіямі, прагналі землемера і суправаджаючых яго трох паліцэйскіх [11, с. 100–101].

Напачатку студзеня 1933 г. у вёску Хорава прыехаў землемер для ажыццяўлення ліквідацыі сервітута (сумеснай маёмасці сялян і памешчыкаў). На сялянскім сходзе выступіў член КПЗБ Сцяпан Самайловіч з заклікам не аддаваць сваіх зямель і далучацца да бастуючых. Сяляне адзінадушна падтрымалі гэтую пастанову і абралі забастовачны камітэт.

Наступным вельмі важным для сялян Пружаншчыны пытаннем на той час быў падатковы гнёт. Гэта разумелі і самі мясцовыя ўлады, пра што сведчыць, напрыклад, ліст пружанскага павятовага старасты, датаваны яшчэ красавіком 1924 г. [15, с. 80]. Маёмасць сялян, што мелі запазычанасці, выстаўлялася на ліцытацыю (прымусовы продаж). Мясцовыя ячэйкі КПЗБ на Пружаншчыне праводзілі актыўную работу па недапушчэнні ў вёскі секвестратораў (зборшчыкаў падаткаў) для прымусовых збораў з сялян запазычанасцяў. Так, сяляне вёскі Варотнае пад кіраўніцтвам сакратара Пружанскага райкама КПЗБ Андрэя Чагырбока 7 мая 1930 г. катэгарычна адмовіліся плаціць падаткі і не дазволілі праводзіць вопіс уласнасці [5, с. 194; 11, с. 164–165]. У знак салідарнасці з сялянамі навакольных

жыхары Пружаншчыны адмовіліся набываць выстаўленую на ліцытацыю маёмасць.

У сакавіку 1932 г. у вёску Сасноўка прыбыў намеснік войта з паліцыянтамі. Пачаўся збор падаткаў і вопіс маёмасці сялян за падаткі. Сабраць падаткі ўладам удалося толькі з паліцыяй, якая арыштавала мясцовых завадатараў.

Рашучы супраціў збору падаткаў аказалі ў снежні 1932 г. сяляне вёскі Кронькавічы гміны Рудня. Толькі пасля таго, як у вёску прыбылі 20 паліцэйскіх, уладам удалося сабраць падаткі. Паліцыя арыштавала і перадала ў суд кіраўнікоў выступу, але і пасля гэтага сітуацыя ў вёсцы не да канца стабілізавалася, бо, як адзначалася ў справаздачы пружанскага павятовага старасты, сяляне «не баяцца ні паліцыі, ні войск і пагражаюць, што яшчэ не так будзе» [4, с. 168].

У якасці найбольш вядомай праявы дзейнасці КПЗБ на Пружаншчыне можна адзначыць арганізацыю забастоўкі возчыкаў лесу ў Ружанскай пушчы восенню 1932 г., у сувязі з чым ЦК КПЗБ у сваім бюлетэні адзначаў, што «баявая масавая забастоўка возчыкаў лесу на Пружаншчыне, што працягвалася звыш 3,5 месяцаў (з 9 снежня 1932 г. да сярэдзіны лютага 1933 г.), закончылася перамогай бастуючых... Масы змагаліся за павышэнне заробковай платы. У працэсе барацьбы па меры таго, як бастуючыя ўсведамлялі свае сілы, былі выстаўлены дадатковыя патрабаванні, як, напрыклад, не плаціць за праезд праз мост і г. д.

Вялікую актыўнасць праявілі жонкі і дзеці бастуючых, шмат якіх з іх былі чырвонымі сувязістамі. У сувязі з забастоўкай узмацнілася таксама барацьба сялянскіх мас супраць падаткаў» [5, с. 197]. Бастуючыя выставілі ўмову павышэння аплаты работ у 2 разы – 4 злотых за перавоз шуркі (0,5 кубаметра) дроў. Аб салідарнасці мясцовых сялян з бастуючымі яскрава сведчыць, напрыклад, адмова жыхароў вёскі Катлы вазіць дровы па патрабуемым кошыце, пакуль такія ж расцэнкі не будуць вызначаны ўсім, а сяляне гмін Сухаполь і Шэрэшава спынілі дастаўку паліва і прадуктаў у Пружаны [3, с. 148]. Аб напружанай сітуацыі сведчаць словы кіраўніка забастовачнага руху гміны Сухаполь, жыхара мясцовай вёскі Пеняжкі – Вінцэнта Навасада, які на сходах заклікаў малазямельных сялян не плаціць падаткі і ствараць узброеныя групы для аказання супраціву секвестратарам, бо вясной 1933 г. у Польшчы ўспыхне рэвалюцыя і таму неабходна ўзбройвацца. За гэта ўлада адправілі яго ў турму [8, т. 2, с. 216–217].

Па ацэнках ЦК КПЗБ, «Пружанская арганізацыя кампарты напачатку была слабою»

і праяўляла некаторае неразуменне пытання. Так, мясцовыя актывісты лічылі непатрэбным ствараць стачачныя камітэты, бо камуністы і партыйныя арганізацыі самі будуць непасрэдна кіраваць бастуючымі. Аднак ЦК КПЗБ не мог з гэтым пагадзіцца і растлумачваў пружанцам памылковасць іх пазіцыі. У выніку, адпаведна ацэнкам кіраўніцтва, мясцовая партыйная арганізацыя хутка перабудавалася, «пераключылася на рэйкі масавай работы», праявіла ініцыятыву, знаходлівасць, палітычную падрыхтоўку і ў выніку значна ідэйна вырасла і ўмацавалася. У выніку «ледзьве не ў кожнай вёсцы існавалі стачачныя камітэты, выбраныя на мясцовых легальных сходах», а Пружанскі райкам здолеў умела спалучаць легальныя і нелегальныя метады барацьбы і істотна пашырыць свой уплыў у наваколлі, дзякуючы чаму, напрыклад, удалося сабраць істотную дапамогу бастуючым, у сувязі з чым у выніку кіраўніцтва КПЗБ нават асабліва адзначала Пружанскі райкам, а праведзеную забастоўку як маючую асаблівае значэнне для ўсёй Заходняй Беларусі [3, с. 149; 16, с. 117–118].

Вясной і летам 1933 г., калі ва ўмовах усяпольскай сялянскай забастоўкі камуністы Пружаншчыны спрабавалі ўзмацніць пратэст сельскагаспадарчых работнікаў у маёнтках, павятовы стараста спрабаваў завесці работнікаў з заходніх рэгіёнаў дзяржавы. Стабілізаваць у рэгіёне сітуацыю ўладам удалося толькі пасля правядзення новых арыштаў, з-за чаго дзейнасць райкама у Пружанах была паралізавана. Павятовы стараста 31 сакавіка 1933 г. паведамляў, што гэтым выступленнем кіраваў «так званы цэнтральны забастовачны камітэт у Калядзічах (месцазнаходжанне Пружанскага РК КПЗБ), створаны пружанскім РК у складзе: 1) Пацярухі Сцяпана з Калядзіч, сакратара Пружанскага РК КПЗБ; 2) Астапчука Аляксандра з Сіліч і 3) Корсака Сідара з Калядзіч – членаў гэтага РК» [8, т. 2, с. 224–225].

Такая актыўная дзейнасць і папулярнасць камуністаў не магла не выклікаць занепакоенасці дзяржаўных улад. У выніку ўжо ў ліпені 1925 г. на Пружаншчыне паліцыя правяла першыя масавыя арышты камуністаў, сярод іх С. Пацярухі (атрымаў 2 гады турмы), члена Хораўскага падрайкама Ільі Уроніча і інш. У 1932–1933 гг. на Пружаншчыне ізноў прайшлі масавыя арышты, падчас якіх у тым ліку быў арыштаваны лідар мясцовых камуністаў Пацяруха, які атрымаў новы працяплы тэрмін турэмнага зняволення [5, с. 190].

Усяго на працягу 1925–1933 гг. у Пружанскім павеце прайшло 10 масавых арыштаў камуністаў [17, с. 120]. На падставе вышэйсказанага варта падкрэсліць, што ў пружанскай турме, звычайна разлічанай на 90 вязняў, неаднаразова знаходзілася і па 190, што выклікала занепакоенасць улад [18, с. 93]. Сумную вядомасць нават па-за межамі польскай дзяржавы атрымаў лагер у Бярозе-Картузскай, але мясцовы райкам шматразова аднаўляўся, і нават на пачатку 1930-х гг. адбылася актывізацыя яго дзейнасці [3, с. 131].

У сувязі з праходзячым у Кобрыне судом над камуністычнымі важакамі, удзельнікамі ўзброенага нападу на пастарунак (паліцэйскі ўчастак) у Навасёлках Кобрынскага павета, палескія камуністы арганізавалі масавую агітацыю за іх вызваленне, але 2 верасня 1933 г. солтыс (стараста) вёскі Агароднікі зняў камуністычны транспарант і прынес яго ў паліцыю. У гэты ж дзень у Пружанах раскідана 5 лістовак з адпаведнымі заклікамі [8, т. 2, с. 262–263]. Усяго падчас рэвалюцыйных свят на тэрыторыі Пружанскага павета вывешвалася да 120 транспарантаў [17, с. 120].

Пры гэтым варта падкрэсліць, што і самі члены КПЗБ у сваёй рабоце выкарыстоўвалі гвалтоўныя дзеянні ў дачыненні да непасрэдных ворагаў (перш за ўсё канфідэнтаў-даносчыкаў) альбо дзяржаўных службоўцаў. Напрыклад, у 1933 г. у ваколіцах Бярозы-Картузскай быў забіты паштальён, які перавозіў разам з лістамі 2 200 злотых [3, с. 143]. Адна з манет была фальшывай і таму была прасвідравана па цэнтру, і калі потым адзін з мясцовых жыхароў паспрабаваў ёю разлічыцца, то быў схоплены і выдаў іншых. У выніку высветлілася, што гэта зрабілі мясцовыя актывісты КПЗБ, якія пакуталі ад адсутнасці грошай на фінансаванне дзейнасці партыі і таму рашыліся на такі жудасны крок [19]. Акрамя таго, польскімі ўладамі адзначалася, што «ў ходзе ліквідацыі Хораўскага і Рудніцкага падрайкамаў вызначана, што ячэйка ў Ражковічах, Казлах і Сілічах, а таксама раённы камітэт КПЗБ у Пружанах прымалі актыўны ўдзел у дыверсійнай дзейнасці на тэрыторыі павета» [6]. Разам з тым ва ўмовах канспірацыі сярод камуністаў нярэдка непазбежна ўзнікала ўзаемная падзронасць і недавер, і нават да сакратароў райкама ў Пружанах, а ў чэрвені 1934 г. пружанскі райкам спрабаваў нават перайсці з «занятага правакатарамі» Брэсцкага акруговага камітэта ў Слоніўскі, але гэта ім не ўдалося [3, с. 30–31, 198].

У цэлым Пружанскі райкам ацэньваўся як надзвычай ініцыятыўны і ўплывоў, перш за ўсё дзякуючы актыўнаму кіраўніцтву рабочымі страйкамі, а па колькасці членаў займаў на Палессі першае месца. Адносна колькасці членаў КПЗБ на Пружаншчыне, згодна з дадзенымі польскіх праваахоўнікаў сітуацыя была наступнай [3, с. 40]:

	I 1928	II 1928	1931	1932	30.VI 1933
Райкамаў	2	2	2	1	2
Падрайкамаў	-	2	10	4	11
Ячэек	13	16	34	35	75
Членаў	274	100	115	101	277

Заклучэнне

У надзвычай складаных умовах падпольнай дзейнасці і пастаяннай пагрозы арыштаў КПЗБ удалося ў 1923–1938 гг. наладзіць у Пружанскім павеце даволі разгалінаваную арганізацыйную структуру, усталяваць кантакт з прадстаўнікамі Савецкага Саюза і атрымліваць адтуль партыйную літаратуру, праводзіць актыўную і паспяховую работу па зрыву польскіх урадавых мерапрыемстваў, ажыццяўленню адпаведнай агітацыі і распаўсюджванню нелегальнага перыядычнага друку і ўласнымі сіламі надрукаваных улёткаў.

Вызначыць дакладна, колькі чалавек на Пружаншчыне было ў міжваенны перыяд членамі КПЗБ, не з'яўляецца магчымым па прычыне нелегальнага характару дзейнасці партыі і ў сувязі з гэтым адсутнасцю агульнапрынятага членства, і перш за ўсё партыйных білетаў.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. *Лапунова, Д. Н.* Сельское хозяйство в Западной Беларуси по материалам музеев Брестской и Гродненской областей / Д. Н. Лапунова // Творчество молодых, 2018 : сб. научных работ : в 4 ч. – Гомель : ГГУ им. Фр. Скорины, 2018. – Ч. 4. – С. 22–25.
2. Период от двадцатого до сорок первого года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://school1.pruzhan.by/ustanovlenie-sovetskoj-vlastina-pruzhanshchine/>. – Дата доступа: 03.06.2023.
3. *Cichoracki, P.* Komuniści na Polesiu w latach 1921–1939 / P. Cichoracki. – Łomianki : LTW, 2016. – 271 s.
4. Революционный путь Компартии Западной Белоруссии (1921–1939 гг.). – Минск : Беларусь, 1966. – 401 с.
5. У суровыя гады падполля: успаміны былых членаў КПЗБ – актыўных удзельнікаў рэ-

- валюцыйнага руху ў Заходняй Беларусі. – Мінск : Дзяржаўнае выдавецтва БССР, 1958. – 361 с.
6. **Драган, А.** Жил с верой в будущее [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://bereza.museum.by/files/ivan_lukich_gordeychik.docx. – Дата доступа: 23.06.2023.
7. **Віхраў, А. А.** Баявы памочнік КПЗБ (1921–1928 гг.) / А. А. Віхраў. – Мінск : БДУ, 1075. – 128 с.
8. Борьба трудящихся Западной Белоруссии за социальное и национальное освобождение и воссоединение с БССР. Документы и материалы : в 2 т. – Минск : Беларусь, 1962, 1972.
9. **Зелинский, П. И.** Политическая работа КПЗБ в массах (1923–1938) / П. И. Зелинский. – Минск : Университетское, 1986. – 136 с.
10. Годы испытаний и мужества: сб. воспоминаний. – Минск : Беларусь, 1973. – 414 с.
11. **Полуян, В. А.** Революционно-демократическое движение в Западной Белоруссии (1927–1939 гг.) / В. А. Полуян. – Минск : Наука и техника, 1978. – 357 с.
12. Kontrolować czy likwidować – Komunistyczna Partia Zachodniej Białorusi / wstęp i opracowanie naukowe W. Śleszyński. – Białystok-Kraków : Avalon, 2015. – 368 с.
13. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. – Ф. 242п. – Воп 1. – Спр. 66. Обобщенный материал о революционном движении рабочих и крестьян по организационному положению КПЗБ и др.
14. **Казак, О.** Национальная принадлежность жителей Полесского воеводства Польши в оценках деятелей Коммунистической партии Западной Беларуси / О. Казак // Государства Центральной и Восточной Европы в исторической перспективе : сборник научных статей. – Пинск : ПолесГУ, 2017. – Вып. 2. – С. 147–151.
15. **Кухарев, Б. Е.** Сельское хозяйство Западной Белоруссии (1919–1939 гг.) / Б. Е. Кухарев. – Минск : Вышэйшая школа, 1975. – 110 с.
16. **Сорокин, А. А.** Освободительное и революционное крестьянское движение в Западной Белоруссии (1920–1939 гг.) / А. А. Сорокин. – Минск : БГУ, 1970. – 169 с.
17. **Клейн, Б. С.** За дело правое: борьба КПЗБ с буржуазным террором (1920–1938 гг.) / Б. С. Клейн. – Минск : Беларусь, 1986. – 175 с.
18. **Полуян, И. В.** Западная Белоруссия в период экономического кризиса, 1929–1933 гг. / И. В. Полуян. – Минск : Навука і тэхніка, 1991. – 205 с.
19. Sprawa dywersantów komunistycznych na Polesiu // Kurjer Nowogrodzki. – 1936. – № 267. – S. 2.
- Паступіў у рэдакцыю 18.09.2023 г.
Кантакты: vitharmatny@mail.ru (Гарматны Віталь Пятровіч).
- Harmatny V. P. COMMUNIST PARTY OF WESTERN BELARUS ON THE TERRITORY OF PRUZHANY DISTRICT OF POLESIE VOIOVODESHIP IN THE 1920–1930s**
- The article examines the activity of the Communist Party of Western Belarus on the territory of the Pruzhany District during its stay under the Polish rule. In the 1920-1930s the Communist Party of Western Belarus was one of the most popular and influential political organizations, which is why in the Soviet era the topic of its activity was one of the most sought after in historical science. At the same time at the current stage of the development of domestic historical science, there is a clear decline in interest in studying the main directions and results of the activity of this party. In the article, taking into account the 100th anniversary of the founding of the Communist Party of Western Belarus an attempt is made to show the socio-economic and socio-political activity of the communists of Western Belarus at the micro level, in accordance with the modern requirements of historical science.*
- Keywords:** Communist Party of Western Belarus, program, underground, demonstration, struggle, revolution, cell, rally.

УДК 94(476) «1932»

ВОСПРИЯТИЕ НАСЕЛЕНИЕМ БЫХОВСКОГО РАЙОНА МОГИЛЕВСКОЙ ОБЛАСТИ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ НАЧАЛА 1930-х ГОДОВ (НА ПРИМЕРЕ СВОДОК ОГПУ 1932 ГОДА)

А. Н. Тютюнков

кандидат исторических наук,
начальник отдела организации научной, международной и издательской деятельности
Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь

В статье осуществлена попытка анализа восприятия населением БССР (на примере Быховского района Могилевской области) происходивших в стране социалистических преобразований на основании сводок Объединенного государственного политического управления 1932 года. Выделены основные проблемы, волнующие население в изучаемый период, определена степень их значимости, представлена их классификация. Автором делается вывод о том, что негативное отношение части населения к проводимым преобразованиям было в значительной степени обусловлено неспособностью местного руководства к эффективному проведению в жизнь государственной политики на уровне отдельного района.

Ключевые слова: коллективизация, ОГПУ, спецсводка, общественное мнение, Быховский район.

Введение

Целью настоящего исследования является анализ общественного мнения БССР (на примере Быховского района Могилевской области) о происходивших в стране изменениях в политической, социальной и экономической сферах на основе документальных сводок Объединенного государственного политического управления (далее – ОГПУ) 1932 года. Именно этот год определен для исследования неслучайно, так как он является весьма показательным с точки зрения реализации масштабных социалистических преобразований. К этому времени в СССР уже полтора года претворялись в жизнь решения XVI съезда ВКП(б) по хозяйственному укреплению колхозов, на которые возлагалась задача обеспечения ресурсами проводимой в стране индустриализации. Необходимо отметить, что мероприятия, осуществлявшиеся на государственном и региональном уровнях, накладывали серьезный отпечаток на повседневную жизнь людей.

© Тютюнков А. Н., 2024

Основная часть

Важнейшим источником для исследования стали материалы, сконцентрированные в ОГПУ, в которых нашло отражение восприятие различными категориями граждан происходивших в стране и регионе событий. На основании этого восприятия можно расширить представление о том, как события государственного масштаба непосредственно влияли на жизнь населения типичного белорусского района и районного центра.

Следует подчеркнуть, что в отечественной историографии такой вид архивных источников, как спецсводки ОГПУ, введен в научный оборот незначительно и требует дальнейшего глубокого и тщательного изучения. Целью подготовки спецсводок являлось информирование районного комитета партии о настроениях колхозников и горожан, фактах негативного поведения должностных лиц, состоянии дел в сельском хозяйстве и промышленности, а также об иных проблемах района, что дает исследователям богатый исторический материал. Сохранившееся в Государственном архиве общественных объединений Могилевской области дело со спецсводками ОГПУ Быховского района за 1932 год [1, л. 271] позволяет достаточно полно изучить настроения населения в конкретном хронологическом измерении – в течение одного года осуществления коллективизации и индустриализации.

В результате анализа спецсводок ОГПУ нами было выделено десять основных проблем, волновавших население Быховского района Могилевской области в указанный период.

Наибольшее количество сводок посвящено вопросам коллективизации (144 сводки, или 34,12 %). Они достаточно разнообразны по содержанию и в основном отражают негативное отношение крестьян к процессу организации колхозов. Это подтверждают факты агитации за выход из колхозов [2, л. 212–213]

или неуступление в них, самовольное изъятие имущества колхозного хозяйства [2, л. 212–213], забой своего скота [3, л. 127], тиражирование в общественном сознании информации о прямой причинно-следственной связи коллективизации с голодом на Украине [4, л. 65].

Нередко простые колхозники прямо высказывали свое разочарование: «Теперь я понял, что нам в колхозе никогда воли не будет, а воля будет на небе» [3, л. 127]. Иногда и должностные лица открыто высказывали свое отрицательное отношение к созданию коллективных хозяйств. По словам жителей д. Ямное, «с колхозниками колхоза “Большевик” дер. Лагодово прораб Самусенко вступил в спор и ругаясь говорил, что в колхозах одни негодяи, сволочи и гультаи, а всех работников выгнали» [5, л. 23].

Проблема голода на Украине, как уже было отмечено выше, также в общественном мнении была связана с коллективизацией. Широко тиражировался тезис о том, что колхозный способ производства приведет к повсеместному неотвратимому голоду: «...еще один год пока имеем свой хлеб, так и живем, а как съядем на колхозный, то и пойдем, как эти хохлы пошли подушки менять на хлеб. Они раньше пошли в колхоз, то раньше и голодать стали» [5, л. 28]. Даже представители сельской интеллигенции высказывали сомнение в преимуществе социалистического способа производства [6, л. 149].

О сложности реализации колхозного строительства свидетельствует факт нежелания вновь назначенных руководителей приступать к исполнению своих обязанностей. Так, в августе 1932 года новый председатель сельсовета категорически отказывался принимать дела, объясняя свой поступок невозможностью выполнения доводимых планов и возможностью из-за этого оказаться в тюрьме [7, л. 218].

Недовольство населения и неверие в перспективу колхозного строя в июле-августе 1932 года стало проявляться в попытках самовольного изъятия колхозного имущества в дома колхозников и ожидании скорого развала колхозов. При этом были зафиксированы факты открытого сопротивления со стороны крестьян колхозному строительству. Например, 30 июня по 1 июля 1932 года произошло изъятие скота и сельскохозяйственного инвентаря в четырех колхозах. В данных мероприятиях участвовали исключительно женщины, так как колхозники рассчитывали, что их не привлекут к уголовной ответственности. Однако в

ходе проведенного следствия были выявлены зачинщики из числа мужчин, из которых два человека были осуждены на два года лишения свободы, четырнадцать человек были подвергнуты аресту [2, л. 212–213]. Необходимо отметить, что факты изъятия скота и имущества стали носить массовый характер с конца июля, то есть в период сбора урожая, определения размеров налогов и приближения времени их уплаты.

Вместе с тем отношение к коллективизации не было однозначно негативным и могло меняться. Так, многих ранее вышедших из колхозов крестьян заставил пересмотреть свое решение переход на сдельную оплату труда [8, л. 158].

Второе место в сводках (108 сводок, или 25,59 %) занимает недовольство решениями и поступками местного руководства, а именно: непродуманными действиями, самоуправством, получением взяток деньгами и продуктами, пьянством, кумовством, несправедливым распределением доходов колхозов. Данные явления, по нашему мнению, дискредитировали советскую власть в глазах населения и являлись признаком некомпетентности местных руководителей.

Так, один из председателей личным решением дал «милицейские полномочия простому жителю латышской колонии, в том числе на ношение оружия, осмотр жилищ в любое время суток», что вызвало справедливое недовольство населения [9, л. 2].

Немало возмущений вызывали злоупотребления колхозных властей. Так, Мокрянский сельсовет вызвал недовольство рядовых колхозников тем, что «...лугфонд раздал служащим членам колхоза, которые занялись уборкой своего луга, а на уборку колхозного поля не пошли» [10, л. 181–182], а в колхозе «Коминтерн» населению было известно, что председатель и иные должностные лица самовольно забили скот, чтобы не сдавать его в общее хозяйство [11, л. 4]. Серьезной проблемой являлось высокомерие и открытое пьянство должностных лиц: «...руководство сельсовета пьянствует с середняком и считает себя “чуть ли не царем и богом”» [11, л. 4].

Важной проблемой для населения стала низкая заработная плата, которая не позволяла прокормить семьи, а также малый размер продуктового пайка. Наиболее болезненной эта тема стала среди рабочих стеклозавода «Ильич», торфзавода «Ленинский путь» и работников Рабоче-крестьянской милиции (62 сводки, или

14,69 %). Так, сводка от 18 апреля 1932 года сообщает: «6/IV-32 на заводе “Льич” рабочие в столовке каждый день ругаются с буфетчицей почему она выдает мало хлеба. Бросают завешивающему в лицо хлебом за то, что мало дает» [5, л. 23].

Сложная обстановка с обеспечением питанием сложилась в районной милиции. 9 апреля 1932 года часть милиционеров заявила, что им не хватает питания, а некоторые милиционеры в связи с этим подали рапорта на увольнение. В докладной записке начальника районного отдела ОГПУ сообщается: «Хлеба получают 300 гр., а иждивенцы 200 гр., больше никаких продуктов не получают. Настроение у милиционеров очень плохое» [5, л. 26].

В пятидесяти сводках (11,84 %) нашло отражение недовольство крестьянского населения размерами и способами сбора налогов. Следует подчеркнуть, что в 1932 году крестьянские хозяйства платили, как правило, шесть основных налогов в зависимости от категории (колхозник, единоличник и т. д.) [12]. Местные власти, стремясь выполнить планы по уплате налогов и заготовкам, допускали откровенные злоупотребления. Так, председатель Красносоветского сельсовета в счет уплаты налога изъял одежду и обувь двенадцатилетней дочери вдовы убитого красноармейца [9, л. 1].

Тема размера налога была очень болезненной. Зачастую размер налога ставил крестьянскую семью на грань голода. Например, 22 декабря 1932 года тридцатипятилетний крестьянин-середняк заявил бригаде по выполнению хлебозаготовок: «Что наша власть делает, забирает последний кусок хлеба, заставляет идти топиться с семьей, хлеба нет. Неурожай, а ты нам дай да дай, делают так, как в прошлом году на Украине, разоряют крестьян окончательно» [11, л. 144]. Требование полного объема заготовок вызывало у крестьян недовольство советской властью в целом [11, л. 5].

Ситуацию со сбором налогов усугубляли несправедливые действия некоторых должностных лиц, которые при переписи облагаемой базы (имущества) отдельных крестьян оказывали им содействие по ее уменьшению, что становилось известно остальным жителям населенных пунктов. Например, 5 июня 1932 года секретарь сельсовета во время переписи скрыл истинный размер хозяйства жителя пос. Дуброва и вместо шестнадцати десятин земли (22 га), трех лошадей и трех коров

указал только 5 га земли, одну лошадь и одну корову [10, л. 178].

Налоговое бремя иногда приводило и к в вооруженному сопротивлению со стороны крестьян бригадам по выполнению хлебозаготовок. Зафиксирован случай, когда житель д. Барколабово набросился с топором на бригадира, но был задержан и обезоружен [13, л. 257].

Вышеобозначенные проблемы составляют 86,25 % от всех материалов сводок ОГПУ 1932 года и отражают наиболее важные аспекты общественной жизни того периода.

В ряде сводок ОГПУ зафиксированы случаи открытого проявления антисоветских настроений либо же случаи частного характера.

Так, восемнадцать сводок зафиксировали недовольство жителей района некачественной работой должностных лиц или их кадровыми решениями, которые, в понимании жителей района, необходимо было считать вредительством. Например, бухгалтер райбанка высказывал своему знакомому возмущение тем, что директор МТС, член КПБ пригласил для работы на Хотовнянском винзаводе бывшего генерал-майора царской армии [14, л. 56–57].

Районным отделом ОГПУ отражено и некоторое количество фактов недовольства руководством страны и политикой партии (15 сводок). Например, ОГПУ зафиксирован разговор двух односельчан: «Вот я слышал важную новость. Сталин пропал без вести. Это по одним слухам, а по другим слухам говорят, что его застрелил Ворошилов, видя, что он ведет Россию к гибели» [15, л. 35–36].

Отношение колхозников к обобществленному имуществу и ведению хозяйства вызывало возмущение иных сельских жителей и укрепляло позиции противников коллективизации в глазах местного населения (9 сводок). Так, возмущение жителей д. Мокрое вызвали факты безобразного отношения колхозников к общественному имуществу в виде брошенной на полях соломы: «Мы каждую соломинку бережем, чтобы не пропала, а колхозники вот как берегут, ясно не свое добро, а потом кричат – нема подстили, скот стоит в грязи и т. д.» [11, л. 8]

Определенное неприятие населения вызывало навязывание облигаций государственных займов, особенно в сельской местности (8 сводок).

Примечательно, что даже руководители сельсоветов высказывали свое недовольство.

Так, в апреле 1932 года на очередное требование под угрозой отдачи под суд отчитаться по результатам распространения облигаций государственного займа и сдать деньги ряд председателей и секретарей отреагировали весьма резко. Например, один председатель сельсовета прямо заявил: «Что вы пугаете все прокурором, привезу вам облигации и сами продавайте, не одно дело у сельсовета...» [5, л. 27].

Имело место распространение слухов о надвигающейся или уже идущей войне с Польшей (5 сводок). При этом был сделан акцент на скорую ликвидацию колхозов. В июле 1932 года было зафиксировано три таких факта: один о грядущей войне и скорой смене власти [7, л. 198] и два об уже идущей войне [7, л. 199].

Отражены в сводках и факты проявления антисемитизма (3 сводки). Например, в июне 1932 года учителем Коровчинской школы в присутствии коллег было высказано недовольство наличием евреев в органах советской власти [16, л. 128].

Примечательно, что в сводках не отражено влияние такого масштабного для всей страны процесса, как индустриализация, что, на наш взгляд, связано с сельскохозяйственной специализацией района.

Заключение

Исходя из вышесказанного можно сделать вывод, что по итогам нескольких лет коллективизации у части населения в сельской местности сформировалось негативное отношение к происходящим преобразованиям, опасение возможного голода. Городское население наиболее болезненно переносило проблемы в сфере продовольственного обеспечения. Во многом вина за это лежала на местных властях, своими действиями дискредитирующих правительство в глазах населения и не способных обеспечить эффективное проведение в жизнь государственной политики, обеспечить их поддержку населением района.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. С спецсводками Быхаўскага райатдела Г.П.У. // Государственный архив общественных объединений Могилевской области (ГАО-ОМГО). – Ф. 26. Оп. 1а. Д. 346, Л. 271.
2. Докладная записка от 04.07.1932 г. // ГАО-ОМГО. – Ф. 26. Оп. 1а. Д. 346, Л. 212–213.
3. Бюллетень № 19 от 05.06.1932 г. // ГАО-ОМГО. – Ф. 26. Оп. 1а. Д. 346, Л. 125–127.

4. Бюллетень № 10 от 10.05.1932 г. // ГАО-ОМГО. – Ф. 26. Оп. 1а. Д. 346, Л. 64–67.
5. Докладная записка от 18.04.1932 г. // ГАО-ОМГО. – Ф. 26. Оп. 1а. Д. 346, Л. 23–30.
6. Бюллетень № 22 от 12.06.1932 г. // ГАО-ОМГО. – Ф. 26. Оп. 1а. Д. 346, Л. 147–151.
7. Бюллетень № 39 от 05.08.1932 г. // ГАО-ОМГО. – Ф. 26. Оп. 1а. Д. 346, Л. 217–219.
8. Бюллетень № 24 от 19.06.1932 г. // ГАО-ОМГО. – Ф. 26. Оп. 1а. Д. 346, Л. 156–160.
9. Докладная записка от 02.04.1932 г. // ГАО-ОМГО. – Ф. 26. Оп. 1а. Д. 346, Л. 1–2.
10. Бюллетень № 29 от 02.07.1932 г. // ГАО-ОМГО. – Ф. 26. Оп. 1а. Д. 346, Л. 175–182.
11. Спецсводка от 18.01.1932 г. // ГАО-ОМГО. – Ф. 26. Оп. 1а. Д. 346, Л. 3–6.
12. О налоговой реформе [Электронный ресурс] : Постановление Центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров СССР от 02.09.1930 г. – Режим доступа: <https://istmat.org/node/50105>. – Дата доступа: 24.07.2023.
13. Спецсводка № 20 от 28.12.1932 г. // ГАО-ОМГО. – Ф. 26. Оп. 1а. Д. 346, Л. 257–259.
14. Бюллетень № 8 от 08.05.1932 г. // ГАО-ОМГО. – Ф. 26. Оп. 1а. Д. 346, Л. 56–59.
15. Докладная записка № 3 от 24.04.1932 г. // ГАО-ОМГО. – Ф. 26. Оп. 1а. Д. 346, Л. 35–39.
16. Бюллетень № 20 от 03.06.1932 г. // ГАО-ОМГО. – Ф. 26. Оп. 1а. Д. 346, Л. 128–130.

Поступила в редакцию 07.09.2023 г.

Контакты: oonmid@institutemvd.by (Тютюнков Алексей Николаевич).

Tyutyunkov A. N. PERCEPTION OF SOCIO-POLITICAL TRANSFORMATIONS OF THE EARLY 1930s BY THE POPULATION OF BYKHOV DISTRICT OF MOGILEV REGION (BASED ON OGPU REPORTS IN 1932)

The article attempts to analyze the perception of the socialist transformations by the population of the BSSR (particularly the Bykhov district of the Mogilev region) regarding the reports of OGPU (the Joint State Political Department) in 1932. The author identifies the main problems that worried the population during the studied period, determines the degree of their significance, and presents their classification. The conclusion is that the negative attitude of part of the population towards the ongoing transformations was mainly due to the inability of the local administration to effectively implement state policy at the level of a particular district.

Keywords: collectivization, OGPU, special summary, public opinion, Bykhov district.

СЛУЦКАЯ ТРОИЦКАЯ АРХИМАНДРИЯ В ЦЕРКОВНО-АДМИНИСТРАТИВНОЙ СТРУКТУРЕ РОССИЙСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ 1721–1785 гг.

Д. Н. Пинчук

аспирант 3-го года обучения

Белорусский государственный университет

Исследуется положение Слуцкой Троицкой архимандрии в церковно-административной структуре Российской православной церкви в 1721–1785 гг. Рассматриваются иерархическая вертикаль и взаимоотношения слущкого духовенства и вышестоящего священноначалия. Изучаются правовые нюансы единовременного существования Троицкой архимандрии в юридических реалиях Великого Княжества Литовского и подведомственном отношении к Святейшему правительствующему синоду. Подчеркивается уникальный статус Слуцкой архимандрии в структуре Российской православной церкви и особое значение в истории православия на белорусских землях.

Ключевые слова: Слуцкая архимандрия, Киевская митрополия, Российская православная церковь, церковно-административная структура, Радзивиллы, право патроната.

Введение

Слуцкая Троицкая архимандрия на 1721 г. православная церковно-административная единица Киевской епархии, Российской православной церкви (далее РПЦ). При этом Киев находился в составе Российского государства, в то время как Слуцк являлся частью Великого Княжества Литовского (далее ВКЛ). Ввиду ряда кризисных явлений в межгосударственных отношениях Речи Посполитой и Российского государства контакты слущкого духовенства с киевским епископом стали затруднительны. Формируется институт заграничных монастырей киевской епархии РПЦ на основе храмов и монастырей ВКЛ, исторически входивших в состав Киевской митрополии Константинопольского патриархата, одним из ключевых звеньев которого была Слуцкая архимандрия [1, с. 404].

В представленном исследовании определяются место и значение Слуцкой Троицкой архимандрии в церковно-административной системе РПЦ: иерархическая вертикаль, механизмы взаимоотношения слущкого духо-

венства и вышестоящего священноначалия. Правовые нюансы единовременного существования в юридических реалиях ВКЛ и подведомственном отношении к Святейшему правительствующему синоду.

Хронологические рамки исследования: 1721 г. (начало синодального периода в истории РПЦ) – 1785 г. (создание на базе слущкой архимандрии, киевского викариатства). В 1721 г. Феофан (Прокопович), епископ Псковский и Нарвский, советник императора российского Петра I, составил «Духовный регламент», нормативный документ, который ознаменовал ряд изменений в правовом положении РПЦ [2, с. 116].

Актуальность темы подтверждается малоизученностью вопроса. Картину удалось восстановить благодаря ряду исследований и документов. Фундаментальный труд П. Верховского раскрывает суть механизмов, регулирующих сложную административную структуру Церкви в синодальный период истории РПЦ. Разобраться в практическом применении права патроната ВКЛ помогают работы историков Е. Денисовой и С. Веремева [3; 4]. Несомненно, стоит отметить труды К. Кочегарова, которые раскрывают обстоятельства, сопряженные с избранием слущких архимандритов [5; 6].

Множество информации, обеспечивающей представление о месте Слуцкой архимандрии в церковно-административной системе РПЦ, представлено в 3-х частях сборника документов «Памятники православия и русской народности», пока не получивших широкого осмысления в отечественной историографии. К примеру, многочисленная корреспонденция слущких архимандритов и документы, регулирующие права и обязанности настоятелей, наместников, духовников монастырей, а также белого духовенства [7; 8; 9]. При подготовке артикула использовались данные 7-го тома Археографического сборника документов [10]. Собрание содержит обширную переписку слущких князей и архимандритов, раскрывая

дополнительные аспекты деятельности Слуцкой Троицкой архимандрии.

Данные исследования и документы позволили основательно подойти к написанию научной работы с учетом существующей общецерковной православной практики, законодательных реалий Речи Посполитой и Российской империи, а также коренных изменений в церковно-административной жизни РПЦ, вызванных синодальной реформой 1721 г.

Основная часть

В контексте синодальной реформы 1721 г. Киевская митрополия постепенно трансформировалась в рядовую епархию РПЦ. В 1743 г. киевский епископ Рафаил (Забаровский) вернул титул митрополита, но не широкие права киевской митрополии. Тем не менее киевской епархии удалось сохранить контроль над храмами и монастырями ВКЛ. Ситуация осложнилась трансформацией высшего управления РПЦ в одно из государственных ведомств. Епископат РПЦ ассоциировался с политикой Российского государства в отношении Речи Посполитой. Визит киевского епископа в пределы ВКЛ, ввиду кризиса в межгосударственных отношениях, был трудно осуществим. Речь Посполитая тем временем проводила политику унификации религиозного пространства, исключая православных из правового поля, что требовало своевременной реакции от киевского владыки. В сложившихся условиях возросла роль слущкого архимандрита как наместника киевского епископа [7, с. XXII]. Ряд привилегий делал должность практически идентичной архиерейской. Ставленник был настоятелем древнего Троицкого монастыря в Слуцке, имел в подчинении ряд монастырей и приходов, использовал епископальные атрибуты (ковры «орлецы», патерицу (посох) и др.). Привилегии подтверждались грамотой киевского епископа Арсения Могилянского 1764 г. [11, с. 150].

О статусе главы Слуцкой архимандрии говорят ряд писем кадрового характера и факты ревизии зарубежных монастырей и храмов. В 1759 г. глава архимандрии Досифей (Голяховский) контролировал решение вопроса о назначении игуменов и духовников в Свято-Троицкий и Преображенский монастырь в Дрогичине [12, с. 26]. А в 1760 г. слущкий архимандрит проверял Брестский, Заблудовский, Яблочинский и другие монастыри [9, с. 1186]. Данные монастыри не входили в юрисдикцию Слуцкой архимандрии.

По-прежнему многое санкционировал киевский епископ. Переход иерея Лукиана из с. Слободка Мозырской протопопии в 1741 г. под протекцию Слуцкого архимандрита сопровождался долгим согласованием [7, с. 355]. Такой порядок не случаен. Именно киевский предстоятель назначал архимандритов, судил и защищал таковых, как, например, в 1724 г. епископ Варлаам (Ванатович) ходатайствовал перед российским послом С. Г. Долгоруковым с целью защиты позиций Слуцкой архимандрии на предстоящем Варшавском сейме [7, с. 174]. При этом кандидатуру слущкого архимандрита требовалось согласовать со слущким князем по праву патроната ВКЛ. Несогласованное назначение Михаила (Козачинского) вызвало протест князя Иеронима Радзивилла. Коллегия иностранных дел Российского государства сделала замечание Святейшему синоду [6, с. 73]. Благоприятные отношения с патроном – ключевое условие плодотворного сосуществования в поликонфессиональном обществе ВКЛ, где православные были не на первых ролях. К примеру, конструктивный диалог Иеронима Радзивилла с архимандритом Михаилом (Козачинским) поможет урегулировать спор по вопросу принадлежности поселения Тройчаны в пользу Слуцкой архимандрии [8, с. 575].

На территории ВКЛ, несмотря на центристские реформы РПЦ, представители братств и духовенства продолжили активно включаться в приходскую жизнь и деятельность монастырей. Правовую основу деятельности Преображенского братства г. Слуцка составляло Магдебургское право, грамоты слущких князей и королевские конституции, а также копии жалованных грамот, полученных от киевского митрополита Петра Могилы и иерусалимского патриарха Феофана [5, с. 127]. Совместно с духовенством они отстаивали право влиять на выбор архимандрита. В январе 1749 г. Михаил (Козачинский) отправился за презентой к Иерониму Радзивиллу в обществе протопопа Стефана Меньковского и братчика Якова Мелентовича. Окружение свидетельствовало об одобрении кандидатуры со стороны духовенства и братства [6, с. 79]. В 1755 г. делегация братчиков отправилась в Киев на согласование кандидатуры слущкого архимандрита. Киевский епископ пытался запретить братству вмешиваться во внутренние дела Троицкого монастыря в Слуцке, однако они продолжили участвовать в инвентаризации монастыря при поддержке слущкого князя [5, с. 122].

Имена будущих кандидатов обсуждались в кулуарах Киевской духовной консистории. Как правило, в XVIII в. слущкие архимандриты представлены киевским монашеством. Такое положение объясняется общими центристскими реформами РПЦ, а также отсутствием в рамках ВКЛ учреждений для подготовки православного духовенства. Архимандрит Иосиф (Оранский), к примеру, до назначения в Слуцк в 1733 г. был преподавателем риторики Киево-Могилянской академии. Проблема в том, что киевская епархия теперь существовала в двух государственных реалиях. В Российском государстве православная церковь – ведущая конфессия, в ВКЛ – нет. Для киевских ставленников процессы, имевшие место в православной церкви, ВКЛ стали непонятны, как, к примеру, право патроната, из-за чего имели место трения наподобие конфликта Киевской духовной консистории и князя Иеронима Радзивилла [5, с. 132].

Права и обязанности слущкого архимандрита определялись в «настойной грамоте». Содержание иллюстрирует текст документа, данный киевским епископом Арсением (Могилянским) будущему архимандриту Досифею (Голяховскому) в 1759 г. Внутри обстоятельства утверждения и привилегии, к примеру, право посвящения мирян в чтецов [8, с. 1124]. После утверждения архимандрит отправлялся в Троицкий монастырь г. Слуцка, где составлял новую хозяйственную опись в присутствии Преображенского братства. Один экземпляр оставался в монастыре, второй отправлялся в Киевскую духовную консисторию [7, с. СХХХI].

Наместник архимандрита – второе лицо в Слуцкой архимандрии. Инок выполнял функции настоятеля в случае его временного отсутствия. Избирался из местной монашеской среды. Бывали исключения: Иннокентий (Болдышевский) в 1753 г. стал наместником в результате перехода с аналогичной должности Виленского Свято-Духова монастыря. В период отсутствия архимандрита наместник состоял в официальной переписке с патроном, епископом и комендантом слущкой крепости. К примеру, в 1755 г. комендант Людвиг фон Мильбе потребовал по смерти архимандрита от наместника сообщить имена номинантов на слущкую архимандрию [5, с. 119].

Духовник монастыря избирался архимандритом по согласованию с киевским епископом, братией и Преображенским братством Слуцка. Как правило, кандидат был представ-

лен одним из старейших и уважаемых монахов. Выполнял функции духовного отца и наставника. Административные функции в отсутствие архимандрита и наместника возлагались на духовника [7, с. XLIV]. В отсутствие достойных кандидатов архимандриты искали человека в других монастырях киевской епархии. В 1759 г. архимандрит Досифей (Голяховский) просил епископа Арсения (Могилянско-го) прислать в Троицкий монастырь Слуцка в качестве духовника иеродиакона Аарона из Моровского скита [8, с. 1106].

Далее, ряд вспомогательных должностей. К примеру, экклезиарх наблюдал за ризницей монастыря и порядком совершения богослужения. Проповедник отвечал за содержание наставлений. Эконом занимался хозяйственной частью. Кухарь контролировал монастырскую кухню [7, с. LI].

Помимо крупного Тройчанского монастыря, за слущким архимандритом числились монастыри: Ильинский и братский Преображенский в Слуцке, Иоанно-Богословский и Николаевский в Грозове, Успенский при устье реки Морочи, Петропавловский и Успенский в Старчицах, Успенский в Заблудово. Во главе каждого – игумен или игуменья, подотчётные слущкому архимандриту. Дальнейшая вертикаль строилась в зависимости от экономических возможностей [1, с. 405].

В юрисдикцию Слуцкой архимандрии в обозреваемый период входили Слуцкая, Мозырская (с 1764 г.) и Петриковская протопопии [9, с. 1554]. Права и обязанности архимандрита в отношении духовенства определялись в «настойной грамоте» [8, с. 1124]. Слуцкие архимандриты наблюдали за духовной жизнью священства, разбирали судебные дела. Так, к примеру, в 1741 г. архимандрит Иосиф (Оранский) пишет киевскому епископу в защиту священника из с. Косейска, которого отправил в изгнание шляхтич Томаш Ленкевич [7, с. 355]. Время от времени архимандриты проводили ревизию приходских церквей. Принимали меры к замещению вакантных должностей [8, с. 1124].

Осуществлял управление приходскими церквями слущкий архимандрит с помощью протопопов. Избирались протоиереи приходским духовенством каждой протопопии, после чего номинанты должны были получить рекомендацию слущкого архимандрита и владельца местности, а также одобрение киевского епископа [7, с. 527]. Владельцы самостоятельно определяли размер суммы за протопоповскую

«презенту». К примеру, в 1760 г. пан Оскерка в Мозыре требовал 60 талеров [9, с. 1186]. По получению рекомендаций ставленник отправлялся в Киев, где проходил процедуру посвящения и получал наставления, о содержании которых можно судить по документу, выданному слуцкому протопопу Стефану (Меньковскому) в 1749 г. киевским епископом Арсением (Могилянским). Священнику рекомендовано придерживаться благочестия и свода канонических прав РПЦ, а также быть послушным киевскому епископу и слуцкому архимандриту. Там же приводились первые указания насчёт поиска протоиереем достойного священника на служение в Ильинском монастыре г. Слуцка [8, с. 530].

Слуцкий протопоп занимал главенствующее положение в Духовном правлении, органе самоуправления белого духовенства, но в случае злоупотребления был подсуден коллегии [9, с. 1590]. Состав утверждал слуцкий архимандрит. В 1775 г. в коллегию, помимо протопопа слуцкого, входили 7 священников: трое из Слуцка, один из Старчиц, а также настоятели Пясецкой, Старобинской и Ивановской церкви [9, с. 1588]. Если протопоп не справлялся, слуцкий архимандрит просил киевского епископа рассудить стороны. В 1749 г. Михаил (Козачинский) жаловался киевскому епископу, что протопоп Стефан (Меньковский) уклонялся от прямых обязанностей [7, с. 527].

Иерархическая вертикаль практически не ограничивала власть архимандрита. Однако монашество, объединившись с братством и духовенством, могло выступить оппозицией. Нерациональное использование материальных средств Слуцкой архимандрии привело к отставке в 1763 г. архимандрита Досифея (Гольховского) [9, с. 1259].

Образование Слуцкой конфедерации в 1767 г. усилило позиции пророссийской партии в ВКЛ, а соответственно, православной церкви. В 1768 г. сейм Речи Посполитой уравнивал в правах православных с католиками. Авторитет киевского епископа стал гораздо весомее для слуцкого князя. Борьба слуцкого архимандрита Павла (Волчанского) со слуцким протопопом Стефаном (Меньковским) в 1755 г. закончилась заточением главы Духовного правления. Такое сложно представить в бытность предшественников Павла (Волчанского) [9, с. 1435].

В 1772 г. Могилевская епархия вошла в состав Российской империи. В 1785 г. принято предложение Георгия (Конисского), могилев-

ского епископа, поручить православные монастыри и церкви, оставшиеся в ВКЛ, под контроль слуцкого архимандрита. Именно здесь находилось место пребывания наместника киевского епископа и находились православные святыни, как, например, мощи св. Гавриила (Заблудовского) [13, с. 83].

Заключение

Синодальная реформа 1721 г. ограничила киевского епископа, потерявшего привилегированный статус и титул митрополита. Подконтрольные ему православные монастыри и приходы ВКЛ требовали своевременных ответов. Спектр вопросов разносторонний: строительство храмов, вопросы конфессиональной конверсии, судебные вопросы имущественного характера. На фоне трудностей в коммуникации выросло значение слуцкого архимандрита, как наместника киевского епископа. Слуцкий архимандрит обладал функционалом, практически идентичным епископу, в подчинении у которого был ряд приписных монастырей и белое духовенство, представленное до 1764 г. двумя, а после тремя протопопиями.

Уникальной в контексте синодальной реформы Слуцкую архимандрию делало функционирование в юридических рамках права патроната. Слуцкий архимандрит должен был получить одобрение слуцкого князя, что не соствывалось с вертикалью петровской церковной реформы, но с мнением патрона приходилось мириться. Благотворные отношения архимандрита Михаила (Козачинского) и князя Иеронима Радзивилла позволял, к примеру, продолжить строительство каменного храма в Троицком монастыре. В то же время поддержка слуцким князем Преображенского братства позволит препятствовать злоупотреблениям со стороны киевских наместников.

Внутренняя иерархическая структура Слуцкой архимандрии частично ограничивала слуцкого архимандрита. Братия могла объединиться в стремлении сменить предстоятеля, но такие случаи редкость. В деле управления подотчетными монастырями Слуцкой архимандрии киевский наместник контролировал работу игуменов на местах, а управление белым духовенством координировал через протопопов.

После 1767 г. начался постепенный закат институтов духовного самоуправления ввиду усиления позиции Российской империи в ВКЛ, что иллюстрирует конфликт архимандрита Павла (Волчанского) и слуцкого

протопопа Стефана (Меньковского). После первого раздела Речи Посполитой в 1772 г. Могилевская епархия вошла в состав Российской империи. Встал вопрос о новой кафедре в пределах ВКЛ для эффективного управления православными храмами и монастырями. Святейший правительствующий синод, согласно проекту епископа Георгия (Конисского), принял решение в 1785 г. о создании викариатства на базе Троицкого монастыря в г. Слуцке. Место обладало соответствующей инфраструктурой и репутацией, позволившей начать трансформацию слущкой архимандрии в отдельную епархию РПЦ.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Пинчук, Д. Н.** Доходы монастырей слущкой архимандрии от богослужебной деятельности во второй половине XVIII века / Д. Н. Пинчук // *Пічэгаўскія чытанні* – 2022: універсітэты і архівы як састаўныя элементы экалогіі культуры : матэрыялы Міжнар. навук. канф., Мінск, 30 верас. 2022 г. / Беларус. дзярж. ун-т ; навук. рэд. М. Ф. Шумейка, А. А. Яноўскі ; рэдкал.: А. Г. Кахановіч (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БДУ, 2022. – С. 404–407.
2. **Верховской, П. В.** Учреждение духовной коллегии и Духовный регламент: к вопросу об отношении церкви и государства в России : исследование в области истории русского церковного права : т. 1 / П. В. Верховской. – Ростов н/Д : [Склад изданий у автора и в книжном магазине т-ва А. С. Суворина «Новое время»], 1916. – С. 686. – Режим доступа: <https://www.prlib.ru/item/460373>. – Дата доступа: 18.05.2023.
3. **Дзянісава, А. Р.** Права патранату ў прававым становішчы праваслаўнай царквы беларускіх зямель у канцы XV–XVI ст. / А. Р. Дзянісава // *Studia Historica Europae Orientalis*. Исследования по истории Восточной Европы. – Минск, 2008. Вып. 1. – С. 163–172.
4. **Веремеев, С. Ф.** К вопросу об институте патроната в Киевской митрополии в XIV веке и его значении / С. Ф. Веремеев // *Христианское чтение*. Научный журнал Санкт-Петербургской Духовной академии Русской Православной Церкви. – 2022. – № 3. – С. 195–206.
5. **Кочегаров, К. А.** Киевская митрополия, князь Иероним Радзивилл и назначение слущким архимандритом Давида Нашинского в 1755 г. / К. А. Кочегаров // *Исторический вестник*. – 2020. – № 33. – С. 110–134.
6. **Кочегаров, К. А.** Назначение Михаила Козачинского слущким архимандритом в 1748 – 1749 гг. / К. А. Кочегаров // *Roczniki humanistyczne*. – Т. LXX. – 2022. – № 2. – С. 69–84.
7. Памятники православия и русской народности в Западной России в XVII–XVIII вв. Т. 1 : Акты по истории заграничных монастырей Киевской епархии XVII–XVIII вв. Ч. 1 / под ред. Ф. Титова. – Киев : Тип. И. И. Чоколова, 1905. – 528 с.
8. Памятники православия и русской народности в Западной России в XVII–XVIII вв. Т. 1 : Акты по истории заграничных монастырей Киевской епархии XVII–XVIII вв. Ч. 2 / под ред. Ф. Титова. – Киев : Тип. И. И. Чоколова, 1905. – 1136 с.
9. Памятники православия и русской народности в Западной России в XVII–XVIII вв. Т. 1. Акты по истории заграничных монастырей Киевской епархии XVII–XVIII вв. Ч. 3 / под ред. Ф. Титова. – Киев : Тип. И. И. Чоколова, 1905. – 1771 с.
10. Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, издаваемый при управлении Виленского учебного округа : в 14 т. / предисл. П. Гильтебрандт. – Вильна : Печ. А. Сыркина, 1867. – Т. 7. – 1867. – 376 с.
11. Епископ Амвросий Орнатский. История Российской иерархии. Ч. 6. – Москва : Синодальная типография, 1812. – 1148 с.
12. **Degiel, R.** Protestanci i prawosławni. Patronat wyznaniowy Radziwiłłów birżańskich nad Cerkwią prawosławną w księstwie słuckim w XVII w. / R. Degiel. – Warszawa : Wyd. Neriton, 2000. – 153 s.
13. **Рункевич, С. Г.** История Минской архиепископии / С. Г. Рункевич. – СПб. : Типография А. Катанского и К°, 1893. – 318 с.

Поступила в редакцию 1.12.2023 г.

Контакты: smotrilisa@gmail.com (Пинчук Дмитрий Николаевич).

Pinchuk D. N. SLUTSK TRINITY ARCHIMANDRY IN THE CHURCH-ADMINISTRATIVE STRUCTURE OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH IN 1721–1785

The position of the Slutsk Trinity Archimandry in the church-administrative structure of the Russian Orthodox Church in 1721-1785 is explored. The hierarchical vertical and the relationship between the Slutsk clergy and the higher clergy are considered. The legal nuances of the one-time existence of the Trinity Archimandry in the legal realities of the Grand Duchy of Lithuania and the subordinate relationship to the Holy Governing Synod are studied. The unique status of the Slutsk Archimandry in the structure of the Russian Orthodox Church and its special significance in the history of Orthodoxy in the Belarusian lands are emphasized.

Keywords: Slutsk archimandry, Metropolis of Kiev, Russian Orthodox Church, church-administrative structure, Radziwills, patronage right.

УДК 81'27

МЕТАКОММУНИКАТИВНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ДИАЛОГА В РУССКО- И БЕЛОРУССКОЯЗЫЧНОМ ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ

Т. В. Бобко

кандидат филологических наук,
доцент, доцент кафедры теоретического и славянского языкознания
Белорусский государственный университет

В статье рассматриваются метакоммуникативные речевые действия, направленные на мониторинг развертывания диалога и управление его тематическими, иллокутивными, эмоционально-оценочными, этикетными характеристиками, а также распределением коммуникативной инициативы. Материалом исследования послужили русско- и белорусскоязычные метакомментарии, возникающие в диалогах на белорусских площадках для сетевого общения. В результате исследования выявлены как сходства, свидетельствующие о наличии одинаковых представлений о нормах сетевой коммуникации, так и различия, обусловленные языком общения.

Ключевые слова: теория коммуникации, метакоммуникация, наивная лингвистика, метаязыковая функция языка, лингвистическая прагматика.

Введение

Одним из важных аспектов исследований диалогического взаимодействия является обращение к метакоммуникативным речевым действиям, которые выполняют функцию самоорганизации диалога [1, с. 198] и служат для говорящих системой координат, определяющей коммуникативное поведение [2, с. 22]. Анализ таких реплик выявляет обыденные знания говорящих о нормах коммуникации, которые воплощаются в эксплицитных предписаниях и имплицитных теориях. Этот аспект наивных знаний относится к сфере процедурного знания [3, с. 35] и, в отличие от когнитивного, содержит набор установок, стереотипов о том, как использовать язык, т.е. представляет собой «наивную технологию (как правильно пользоваться языком, как изучать языки, как переводить с одного на другой и т. п.)» [3, с. 35-36]. Когнитивный аспект наивной лингвистики широко изучается в последние десятилетия (в работах В. Б. Кашкина, И. А. Стернина, Н. Ю. Соколовой [4; 5; 6]; в сборнике «Язык о языке» [7]); процедурный аспект привлекает меньше внимания и связан

с прикладными сферами, в частности с переводом [8]. Репрезентативный материал для его исследования дает интернет-коммуникация: ее распространение во все сферы жизни социума, в том числе повседневные, является одним из факторов интенсификации метакоммуникативной рефлексии [9; 10]. Неинституциональная интернет-коммуникация является одним из видов естественной письменной речи (ЕПР), специфика которой (спонтанность и непрофессиональность) [11, с. 6] делает видимыми те коммуникативные феномены, которые в устном общении реже попадали в фокус внимания, а для подготовленной письменной речи не были релевантными. «Многие новые формы письма резко контрастируют со старыми и, как следствие, многие вопросы письменной речи выходят в светлое поле сознания носителей языка» [10, с. 13].

Цель статьи – определение специфики обыденных знаний о речевом поведении при обсуждении повседневных вопросов на форумах в интернет-пространстве Беларуси (onliner.by, diva.by, semeistvo.by, second.by, dzietki.org, by-svet.com) и их соотношения с языком коммуникации (русским или белорусским). Материал исследования составили метакоммуникативные комментарии (695 на русском языке и 345 на белорусском), извлеченные методом сплошной выборки.

Основная часть

Метакомментарии, направленные на мониторинг линейного развертывания диалога, затрагивают такие его параметры, как 1) распределение коммуникативной инициативы, 2) тематическая организация, 3) иллокутивные характеристики реплик, 4) этикетные правила. При управлении развертыванием диалога названные параметры имеют одинаковую релевантность независимо от ориентации метакомментария на собственную реплику говорящего или реплику собеседника и от языка беседы.

Рассмотрим организационную роль **рефлексивных (автокомментирующих) реплик**.

1. Самые частотные реплики направлены на **регулирование коммуникативной инициативы**. Говорящий вербально маркирует вступление в диалог, обозначает выход из дискуссии, уточняет адресата реплики. Эти метареакции (54,2% русскоязычных и 45% белорусскоязычных) имеют следующие функции.

1) Взятие коммуникативной инициативы: такой ход привлекает внимание к сообщению, выделяя его из ряда других на интернет-странице. Такие метакомментарии имеют репрезентативную форму, реже – интеррогативную, при этом в их вербальном оформлении преобладает модальность возможности (в примерах сохраняются орфография и пунктуация авторов):

- *Можно я тут просто поразмышляю?*

- *Дазвольце я пра сябе пару слоў напішу.*

Метареакции этой разновидности могут иметь разнообразные дополнительные акценты – говорящий не только маркирует вступление в дискуссию, но и:

- приводит причины, побуждающие высказаться (*И еще, наболело, но хочу написать; Распавядаю пра літоўскія візы, я, відаць, тут самая абзананая*);

- обосновывает актуальность сказанного (*Вдруг кого заинтересует в преддверии учебного года; Калі каго цікавіць Куршская каса, магу крыху распавесці*);

- выражает опасения по поводу восприятия реплики (*Люди, потерпите еще немного меня и мои неуклюжие попытки рассказать об обыкновенной жизни моей семьи; Мушу напісаць, каб раптам хто не падумаў, што абсалютна не ганаруся гэтай падзеяй*).

Для белорусскоязычных дискуссий более характерно акцентирование намерения поделиться с сообществом (*Падзялюся інфай. Па рассылцы атрымала*). Только в русскоязычных диалогах встречается выделение субъективной позиции автора реплики (*Почитав Ваши «витиеватые отрывки» о данных автотомобильных компаниях, хочу высказать Вам свое личное мнение*).

2) Отказ от коммуникативной инициативы: говорящий или обозначает выход из дискуссии, или сообщает о нежелании/невозможности ее продолжать. Эти комментарии имеют репрезентативное оформление и только в некоторых случаях – интеррогативное, более свойственное русскоязычным коммуникантам:

- *неужели вы и вправду полагаете, что я буду на этот вопрос отвечать?*

- *Карацей, няма ў мяне адказу.*

Такие метареакции акцентируют различные дополнительные моменты, которые говорящий считает важными для отказа от продолжения разговора:

- извиняется или благодарит за внимание (*Старалась донести свою мысль, на эмоциях. Закругляюсь, спасибо, что дочитали и выслушали; Прабачце, дазволю сабе не працягваць*);

- предвосхищает реакцию адресата (*Решила даже не писать, чтоб народ не расстраивать; Тлумачыць не буду. Не бачу сэнсу. І не хачу чарговай хвалі крыўд і неразумення*);

- мотивирует отказ объективными или субъективными обстоятельствами (*Но здесь, наверно, не стоит разворачивать такую линию разговора; Усё. Надакучыла гэтая тэма мне*);

- указывает на бессмысленность продолжения разговора (*С каждым днем все более убеждаюсь в полной нецелесообразности интернет-общения; Ай, пустая размова*).

3) Небольшая группа русскоязычных метакомментариев направлена на уточнение адресата сообщения в ситуациях, когда говорящий восстанавливает правильную передачу коммуникативной инициативы (*еще раз, я прошу объяснения специалиста по грудному вскармливанию*) или выделяет получателя сообщения (*это не в ваш адрес; Собственно я не к вам конкретно, Катерина, а безусловно, в первую очередь, к человеку, которого нет, но обязательно вернется*). В диалогах на белорусском языке такие метареакции не были зафиксированы: участники не акцентируют внимания не неправильно понятой адресации или, возможно, избегают давать ответы в ситуациях неоднозначной адресации.

2. Вторая по частотности группа направлена на **контроль темы диалога**: говорящий поднимает новую тему или предлагает вернуться к предшествующей, обозначает тему реплики, обосновывает ее уместность, извиняется за несоответствие тематике обсуждения. Эти метареакции (32,8 % русскоязычных и 41,7 % белорусскоязычных) имеют следующие функции:

1) предлагают новую тему обсуждения:

- *Решил поднять одну нечасто обсуждаемую тему – усыновление детей людьми, не состоящими в браке;*

- *Я пра збор грошай хацела пагаварыць.*

2) возвращают участников к теме:

- Плааавно возвращаясь к теме, вы обратили внимание, девушки, как много в Голливуде снимают фильмов, посвященных психологическим проблемам мужчин?

- Зноўку вяртаюся да тэмы (ну вельмі я люблю дарыць падарункі).

3) продолжают ранее начатую тему:

- *Сегодня хочется продолжить тему любимых соседей: я понимаю, что так, как нам, редко везет людям;*

- *Раз ужэ пра жахі пачалі, то я дабаўлю.*

4) фиксируют отклонение реплики от темы обсуждения. Такие комментарии сопровождаются извинением или оправданием, реже оформляются как констатация факта:

- *Может мой пост и не совсем в тему, но не смогла пройти мимо;*

- *А я ўсё пра сваё.*

5) обозначают тему сообщения:

- *Касательно скупки квартир...;*

- *Пра ялінку: мы былі ў мінулым годзе.*

6) оправдывают уместность сообщения в дискуссии:

- *Да, и кстати о реалиях, вот сейчас одну «реалию» скажу;*

- *Я да чаго? Што словы дзяўчатаў засмуцілі цябе. Але яшчэ не факт – што так і ёсць насамерэч...*

7) присоединяются к беседе, не сообщая ничего нового (*Вот и я про то же; Угу, і я пра тое ж*).

Метареакции этой группы практически не имеют отличий в выборе говорящими как прагматических акцентов, так и их вербально-го оформления.

3. На третьем месте находятся метакомментарии, связанные с **экспликацией иллокутивного оформления реплик**, которые вводят вопросно-ответные коммуникативные ходы (11,8% русскоязычных и 12,8% белорусскоязычных). Их функция – продвижение вопроса или, значительно реже, ответа. Они связаны и с регулировкой коммуникативной инициативы, поскольку маркируют момент вступления говорящего в беседу и привлекают внимание к его сообщению. Мы выделяем их в отдельную группу, поскольку здесь имеется и функция выделения иллокутивного типа сообщения, что важно для говорящего. Метакомментарии, выделяющие вопрос, имеют или репрезентативную, или, реже, интеррогативную форму с модальным показателем возможности:

- *Можно я практического плана вопрос задам?*

- *А ў мяне ў сваю чаргу пытанне;*

Такие метареакции могут сопровождаться:

- отрицательной характеристикой вопроса (*Девы, глупый вопрос*), только в русскоязычных диалогах;

- указанием на нарушение личного пространства адресата (*Хотела спросить у тебя, сколько тебе лет, извини, если бестактно; Выбачайце, калі пытанні занадта асабістыя – адказ не абавязковы*);

- оправданием причины вопроса (*Сколько стоит можно у вас спросить и где покупали. Ищу туфли но везде такие большие каблукки, мне с детьми не очень удобно; Маю такое пытанне да бацькоў, што нараджалі разам, якія патрэбныя дакументы? ДЗЯКУЙ ВЯЛІКІ, МНЕ ВЕЛЬМІ ПАТРЭБНА А ЗАПЫТАЦЦА БОЛЬШ НЯМА Ў КАГО*);

- оправданиями или извинениями по поводу количества вопросов (*Ой, вопросов получилось тьма; Выбачаюся вялікую колькасць пытаньняў*).

Метакомментарии по поводу ответа оформляются или в виде констатации факта, или сопровождаются указанием на причину вступления в беседу (только для русскоязычных коммуникантов):

- *Отвечаю, т.к. задело априорное суждение;*

- *Адказваю. Ў рэшце рэшт спыніліся ў гатэлі Еўропаліс.*

4. Метакомментарии, связанные с **этикетными параметрами сообщений**, единичны (не более 1% примеров) и комментируют переход на «ты» или, только в русскоязычной метакоммуникации, упоминание присутствующего в 3-м лице (*Лана, простите, что я Вас в третьем лице «поминаю»; З таёй (нічога што на ты?) падачы наведала мяне такая вар'яцкая думка*).

Далее рассмотрим организационные характеристики **нерефлексивных** реплик.

1. Наиболее частотны те, которые **контролируют коммуникативную инициативу** (63,4% русскоязычных и 77,3% белорусскоязычных). Эти метареакции имеют следующие функции.

1) Передача коммуникативной инициативы конкретному или обобщенному адресату, при этом большинство метареакций имеют императивную форму и ориентированы на запрос информации, получение ответа на вопрос или смену темы разговора:

- *А объясните мне, в чем смысл делать не через турфирму;*

- *Калі ў вас ичаслівыя выпадкі, то падзяліцеся сваім досведам.*

Как уже было отмечено, белорусскоязычные коммуниканты чаще оформляют запрос информации через глагол *дзяліцца/падзяліцца*,

что можно интерпретировать как стремление к большей совместности, вовлеченности в беседу и одновременно более мягкую форму запроса.

Метакомментарии этой разновидности сопровождаются дополнительными уточнениями:

- объяснением объективных и субъективных причин передачи инициативы (*Ребята, подскажите пожалуйста неопытному; Ой, а распавядзіце пра мой тэмперамент, а. Я люблю пра сябе паслухаць*);

- обращением к компетентным адресатам (*Знающие, подскажите; Парайце са свайго досведу, клск*);

- предвосхищением реакции собеседников, которое чаще наблюдается у русскоязычных говорящих (*Помогите. Только не советуйте школу менять*);

- разрешением не сообщать личную информацию, которое смягчает прямой вопрос (*А вы в какую школу пойдете, если не секрет; А ў сям і вас падтрымліваюць? І калі не сакрэт, калі не моцна асабістае*), что чаще встречается в белорусскоязычных разговорах;

- благодарностью за информацию (*Спасибо всем, кто подскажет хоть что, направит мои мысли нужным курсом; Парайце, хто такое праходзіў, што трэба рабіць і як сябе весці. Дзякуй усім!*), которое более популярно среди белорусскоязычных собеседников.

2) Приглашение к обсуждению с определением темы или эмоционального фона разговора:

- *Я приглашаю к конструктивному диалогу, мне кажется, у нас с вами он может получиться, поскольку конкретно ваш мальчик конкретно моей девочке ничего не сделал и мы не предвзвзяты;*

- *Народ, калі вам будзе цікава і пад настрой, хацелася б гэта абмеркаваць.*

3) Предписание прекратить обсуждение:

- говорящий хочет сменить неприятную тему (*Обсуждение меня предлагаю прекратить*), что характерно для диалогов на русском языке;

- предлагают прекратить неинтересную или бесполезную дискуссию (*Дело в том, что это не СЗ, и если бы желающих не оказалось вообще, я бы ни капельки не расстроилась. И промолчите хоть раз, пожалуйста. Если вам эта информация не интересна, так и не нужно комментировать. Спасибо; Давай не будем на энным коле*);

- стремится предотвратить конфликт (*Высказывайте все свои «фе» строго через Лич-*

ные сообщения, аську и прочие средства личной коммуникации; Я гляджу наспела вострая патрэба ў высвятленні адносінаў? М.б. лепей рабіць гэта прыватна?). Белорусскоязычные примеры единичны, при этом коммуниканты стараются избегать прямых требований.

2. Вторая по частотности группа ориентирована на **контроль темы диалога**. Такие реплики (21,9% русскоязычных и 13,3% белорусскоязычных направлены на:

1) предложение новой темы:

- *Давайте о подарках поговорим ко дню учителя. Кто что планирует дарить;*

- *Яшчэ нехта пра Піцер зусім нічога не наведарміў.*

2) возвращение к начатой теме:

- *Давайте по теме! Мы обсуждаем ситуацию на авторынке и перспективы;*

- *Гаворкі пра абсалютна канкрэтныя рэчы, а не метафізіку і Сусвет.*

3) фиксация отклонения от темы:

- *Девушки, что-то вас не в ту степь занесло;*

- *Увогуле, не пра тое размова;*

4) оценка уместности реплики:

- *Все это прекрасно и правильно. Но какое это все имеет отношение к обсуждаемому;*

- *Гэта неяк звязана з сутнасцю пытання, якое мы (ці дакладней сказаць, відаць, я) абмяркоўваем?*

5) требование вернуться к теме (только русскоязычные метареакции), часто с акцентом на негативных последствиях:

- *Если Вы не перестанете оффтопить - придется просить модераторов закрыть тему. А заявленная тема ведь не эта;*

6) завершение обсуждения (только русскоязычные метареакции):

- *кажись тема исчерпана.... про маму уж и не вспоминаем;*

3. На третьем месте находятся метакомментарии, направленные на иллюстративный мониторинг реплик, и управляющие вопросно-ответными коммуникативными ходами. Метареакции этой разновидности редко встречаются в диалоге (2,1% русскоязычных и 0,9% белорусскоязычных): *Ответьте, плиз, на вопрос; Адказваць не абавязкова, я не настойваю.*

4. Метакомментарии, управляющие этикетными характеристиками сообщений (0,4% русскоязычных и 1,9% белорусскоязычных), касаются обращений на «ты» (*Ко мне на «ты» можно; мне болей на «ты» падабаецца*).

5. Отдельную группу составляют метакомментарии, которые оценивают речевое

поведение собеседников или всю дискуссию. Оценочные реплики более допустимы в русскоязычных дискуссиях, чем в белорусскоязычных (12,2% и 6,6% соответственно). Такие метареакции оценивают:

- немотивированное повторение (*Опять по кругу... черно-белое это мне надоело уже...; Тэма гэтая ўжо проста аскаміну набіла. Прабабце, нічога асабістага. Проста абмяркоўвалася і не раз і не толькі тут*);

- несоответствие реплик теме (*Вы свой случай вспоминаете и к месту и не к месту.. уж извините...; Вы перавялі як заўсёды стрэлкі. але няўдала*);

- получение ответа на вопрос (*Спасибо, девочки, что ответили спрашивавшим об альтернативах; Дзякуй усім за адказы*);

своевременную инициативу в разговоре (*Спасибо, девочки, за начало разговора. Он мне очень нужен, потому как и поговорить-то больше не с кем; Дзякуй за размову. Вельмі карысна мне было*);

- живость или актуальность темы (*очень такивая дискуссия по поводу на чьем боку ответственность; Мне падаецца, што тэма такая жывая менавіта таму, што ніводзін чалавек не мае адназначнага адказу на ўзнятыя пытанні ўсё жыццё*);

- отказ собеседника от ответа (*Слушайте, а Вы вообще на вопросы почему не отвечаете? Вы только их задаёте*), только в русскоязычных диалогах;

- объем написанного (*Охохонюшки. А понаписали-то, понаписали...*), только в русскоязычных диалогах.

Здесь русскоязычное и белорусскоязычное речевое поведение имеет наибольшие отличия. Положительная оценка чаще встречается в белорусскоязычных метареакциях, а отрицательная – в русскоязычных, при этом участники обращают внимание на более широкий набор прагматических характеристик сообщений и более свободны в выборе вербального оформления ответных реплик: допустимы прямые обращения к адресату с негативными оценками или выражение реакций без смягчающих средств (*ну Вы, чесслово, Вам про Фому, а Вы – про Ерему. И, главное, все на свой счет принимаете. Неспроста, видите? Господи, как надоело слушать это*).

Заклучение

Русско- и белорусскоязычные метакомментарии, направленные на организацию диалогического взаимодействия, имеют су-

щественное сходство знаний говорящих о нормах коммуникативного поведения. Метакомментарии рефлексивного и нерефлексивного характера направлены на одни и те же характеристики диалога, при этом чаще всего в фокусе внимания находится коммуникативная инициатива, на втором месте – тема беседы, а ее иллокутивные и этикетные параметры реже привлекают внимание. Управление коммуникативной инициативой чаще встречается среди нерефлексивных метакомментариев, а темой беседы и ее иллокутивными характеристиками – среди рефлексивных. Ряд различий, свидетельствующих о корреляции между языком диалога и отношением к его коммуникативным координатам, связан с частными параметрами сетевого общения и касается степени допустимого при негативной оценке и прямых обращениях к адресату, в том числе при запрете или ограничении коммуникативной инициативы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Макаров, М. Л.** Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. – М. : Гнозис, 2003. – 280 с.
2. **Задворная, Е. Г.** Метакоммуникативные речевые ходы в обыденно-разговорной коммуникации / Е. Г. Задворная // Вестн. Минск. гос. лингв. ун-та. Сер. 1, Филология. – 2014. – № 3 (70). – С. 22–30.
3. **Кашкин, В. Б.** Обыденные представления о языке и научная лингвистика / В. Б. Кашкин // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2013. – № 15. – С. 34–38.
4. **Кашкин, В. Б.** Вещественное представление слова в бытовой философии языка / В. Б. Кашкин // Язык, коммуникация и социальная среда. – Вып. 5. – Воронеж : ВГУ, 2007. – С. 117–136.
5. **Стернин, И. А.** Мифологические лингвистические концепты в обыденном языковом сознании / И. А. Стернин // Когниция, коммуникация, дискурс. Филология. – 2016. – № 12. – С. 98–107.
6. **Соколова, Н. Ю.** Мифологемы вопроса и ответа в свете «наивной прагматики» / Н. Ю. Соколова // Вопросы методики преподавания в вузе. – 2016. – № 5 (19-2). – С. 104–111.
7. Язык о языке / под общим рук. и ред. Н. Д. Арутюновой. – М. : Языки русской культуры, 2000. – 624 с.
8. **Остапенко, Д. И.** К вопросу о метакоммуникации переводчика / Д. И. Остапенко // Язык, коммуникация и социальная среда: сб. науч. тр. – Вып. 8. – Воронеж : НАУКА-ЮНИ-ПРЕСС, 2010. – С. 128–138.

9. Мечковская, Н. Б. Естественный язык и метаязыковая рефлексия в век Интернета / Н. Б. Мечковская // Русский язык в научном освещении. – 2006. – № 2 (12). – С. 165–185.

10. Голев, Н. Д. Русская письменная разговорная речь и ее отражение в обыденном метаязыковом сознании участников виртуальной коммуникации / Н. Д. Голев // Вестн. Томск. гос. ун-та. Сер. Филология. – 2013. – № 5 (25). – С. 12–31.

11. Лебедева, Н. Б. Естественная письменная русская речь как объект лингвистического исследования / Н. Б. Лебедева // Вестн. Барнаул. гос. пед. ун-та. Сер. Гуманитар. науки. – 2001. – № 1. – С. 6–12.

Поступила в редакцию 6.07.2023 г.

Контакты: +375(29)689-19-05 (Бобко Татьяна Викторовна).

Bobko T. V. METACOMMUNICATIVE ORGANIZATION OF DIALOGUE IN RUSSIAN AND BELARUSIAN INTERNET SPACE

The article deals with metacommunicative speech actions aimed at monitoring the development of a dialogue and managing its thematic, illocutionary, emotional-evaluative, etiquette characteristics, as well as the distribution of a communicative initiative. The material of the study includes the Russian- and Belarusian-language metacomments that appear in the dialogues on the Belarusian sites for network communication. The study has revealed both similarities, indicating the presence of the same ideas about the norms of network communication, and differences due to the language of communication.

Keywords: communication theory, meta-communication, naive linguistics, metalinguistic function of language, linguistic pragmatics.

УДК 811.161.1'271.2

КОНКУРЕНЦИЯ ДУБЛЕТНЫХ ФОРМ РОДИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА ИМЁН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Е. А. Болтовская

кандидат филологических наук, доцент

Могилёвский государственный университет имени А. А. Кулешова

докторант кафедры русского языка

Белорусский государственный университет

На основе сопоставления данных, извлечённых из нормативных грамматик, грамматических справочников и толковых словарей второй половины XX – начала XXI в., и данных, полученных на материале Национального корпуса русского языка, выявляются и характеризуются изменения, связанные с нарастанием или сокращением конкуренции дублетных форм родительного падежа множественного числа одушевлённых имён существительных, называющих лица по принадлежности к этническим и национальным группам. Полученные результаты могут применяться в преподавании морфологии современного русского литературного языка и культуры речи.

Ключевые слова: конкуренция вариантов, динамика грамматической нормы, имя существительное, формы родительного падежа множественного числа.

Введение

Процесс столкновения вариантов является основной движущей силой формирования новых норм, и здесь «важно понять следующее: *борьба вариантов характеризует норму как исторически живое образование* (выделение полужирным курсивом Красновой. – Е. Б.)» [1, с. 27]. Современные исследователи нормы литературного языка выявили три типа её хронологического изменения: «1. Высокодинамический, или ускоренный, тип (10–20 лет); 2. Умеренный, или, точнее, умеренно-динамический, тип эволюции, который характеризуется более плавными сдвигами во времени (30–40 лет); 3. Низкодинамический, или замедленный, тип эволюции, который характеризуется незначительным изменением состояния нормы, – изменением, близким к стагнирующему, замедленно-уравновешенному типу (50 и более лет)» [2, с. 37]. Причём абсолютно чётких границ между выделенными тремя типами эволюции нормы не существует [там же, с. 38]. Однако представления о темпах изменения грамматических норм в целом

© Болтовская Е. А., 2024

и морфологических норм в частности необходимо постоянно дополнять новой информацией, интерпретируемой с учётом реального словоупотребления, чем и обусловлена актуальность нашего исследования.

Цель данной статьи – сопоставить сведения, полученные на материале лингвистических словарей и грамматических справочников середины XX – начала XXI в., со сведениями, извлечёнными из Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ (<https://ruscorpora.ru/>)), и высказать предположения о перспективах развития или устранения конкуренции дублетных форм родительного падежа множественного числа имён существительных мужского рода, называющих лица по принадлежности к этническим и национальным группам.

Обозначенная цель предопределяет выбор следующих методов исследования: описательный метод, анализ лингвистических помет в лексикографических источниках середины XX – начала XXI в., частичный морфологический анализ отобранных из НКРЯ словоформ, их подсчёт.

Основная часть

Материалом для исследования стали данные грамматик современного русского языка, словарей трудностей речи, грамматических и толковых словарей, тексты из основного и газетного (центральные СМИ 2000-х гг.) подкорпусов НКРЯ.

И. Б. Голуб называет формы родительного падежа множественного числа «“горячей точкой” склонения имён существительных, привлекающей внимание стилистов», и замечает, что «наиболее активно конкурируют в речи окончания нулевое и *-ов*, реже нулевое и *-ей*» [3, с. 233].

К. С. Горбачевич высказывается о динамике исследуемой нами нормы так: «Изменение нормы родительного падежа множественного числа у существительных мужского

рода – сложный и прихотливый процесс. Относительно одних смысловых групп существительных можно говорить о постепенном преобладании нулевого окончания; наоборот, другие слова стали теперь употребляться только с окончанием *-ов*, хотя в XIX веке у них наблюдались колебания» [4, с. 189–190]. Далее учёный пишет о том, что нулевое окончание побеждает у существительных «главным образом с основой на *-н* и *-р*», называющих национальности, приводя в пример словоформы *башкир, бурят, грузин, туркмен*. Однако в примечании уточняет: «У некоторых названий национальностей сохраняется окончание на *-ов*: *калмыков, киргизов, монголов, таджиков*; у других – наблюдается вариантность форм: *бедуинов и бедуин*» [там же].

В академическом статистическом исследовании конца 60-х гг. XX в. была отслежена динамика нулевого окончания «у единиц измерения и названий национальностей» [5, с. 79] и сделан вывод о том, что у данных существительных мужского рода в родительном падеже множественного числа употребительность нулевых флексий увеличивается [там же, с. 84], что стимулировано «развитием аналитизма в русской морфологической системе» [там же, с. 66]: «...отношение форм с нулевой и ненулевой флексиями видоизменилось в сторону преобладания нулевой флексии к 50-м годам XX в., тогда как в конце XIX – начале XX в. преобладали формы на *-ов*: употребительность форм с нулевой флексией, по этим данным, повысилась (на 6,2 %). При всей отчётливости общего направления эволюции данные не столь уж контрастны, как можно было бы ожидать» [там же, с. 76].

Стремление к закреплению форм с нулевой флексией характерно для разговорной речи: «Формы на *-ов* употребляются преимущественно в письменной речи, нулевое же окончание допустимо в разговорной» [6, с. 118]. Если наблюдаются колебания в использовании формы родительного падежа множественного числа, то «...формы на *-ов* являются более книжными, а формы с нулевым окончанием

более свойственными разговорной речи» [7, с. 153]. «Появление форм с нулевым окончанием можно объяснить действием закона аналогии и стремлением носителей языка выровнять модель словоизменения», – утверждает Т. Н. Вольнец [8, с. 108].

Наше исследование проходило в два этапа, первый из которых предполагал рассмотрение данных из авторитетных лексикографических источников указанного выше периода, а второй – из НКРЯ. В качестве ортологических были взяты: «Грамматика русского языка» (ГРЯ) 1952 г. В. В. Виноградова, Е. С. Истриной, С. Г. Бархударова [7]; «Словарь русского языка» (СРЯ) 1953 г. С. И. Ожегова [9]; «Словарь современного русского литературного языка» (БАС) 1950–1965 гг. [10]; словарь «Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка» (ТСВНРЛЯ) 1973 г. под редакцией К. С. Горбачевича [11]; «Словарь русского языка» (МАС) 1981–1984 гг. под редакцией А. П. Евгеньевой [12]; «Словарь грамматических вариантов русского языка» (СГВРЯ) 2008 г. [13], напечатанный по исправленному и дополненному в 2001 г. словарю «Грамматическая правильность русской речи. Стилистический словарь вариантов» (ГППР), первое издание которого увидело свет в 1976 г. [14]; пятое издание «Справочника по правописанию и литературной правке» (СПиПП) 1989 г. Д. Э. Розенталя [15]; «Краткая русская грамматика» (КРГ) 1989 г. под редакцией Н. Ю. Шведовой и В. В. Лопатина [16]; шестое издание «Краткого словаря трудностей русского языка» (КСТРЯ) 2008 г. Н. А. Еськова [17]; «Словарь правильной русской речи» (СПРР) 2008 г. Н. В. Соловьёва [18]; «Большой толковый словарь русского языка» (БТСРЯ) (первое издание вышло в 1998 г.) С. А. Кузнецова, размещённый на портале ГРАМОТА.РУ в авторской редакции 2014 г. [19]; «Большой академический словарь русского языка» (БАСРЯ) 2004–2021 гг. под редакцией К. С. Горбачевича, А. С. Герда (издание продолжается) [20]. Для удобства сопоставления полученные результаты размещены в сводной таблице 1.

Таблица 1 – Формы родительного падежа множественного числа существительных, называющих лица по этнической и национальной принадлежности, в лексикографических источниках второй половины XX – начала XXI в.

Сокращённое название лексикографического источника	<i>башкир – башкиров</i>	<i>бурят – бурятов</i>	<i>карел – карелов</i>	<i>туркмен – туркменов</i>
ГРЯ	<i>башкир</i> (<i>башкиров</i> устарелое)	<i>бурят</i> (<i>бурятов</i> устарелое)	–	<i>туркмен</i>
СРЯ	<i>башкир</i> и <i>башкиров</i>	<i>бурятов</i>	<i>карел</i>	<i>туркмен</i>

Окончание таблицы 1

Сокращённое название лексикографического источника	<i>башкир – башкиров</i>	<i>бурят – бурятов</i>	<i>карел – карелов</i>	<i>туркмен – туркменов</i>
БАС	<i>башкир</i>	<i>бурят</i>	<i>карелов и карел</i>	<i>туркменов и туркмен</i>
ТСВНРЛЯ	<i>башкир</i> [не <i>башкиров</i>]	<i>бурят и бурятов</i>	<i>карелов и карел</i>	<i>туркмен и устаревающее туркменов</i>
МАС	<i>башкир</i>	<i>бурят</i>	<i>карелов и карел</i>	<i>туркменов и туркмен</i>
ГПРР (1976); СГВРЯ (2008)	<i>башкир</i>	<i>бурят</i>	<i>карелов и карел</i> <i>карелов и карел</i>	<i>туркмен</i> <i>туркмен</i>
СПиЛП	<i>башкир</i>	<i>бурят</i>	–	<i>туркмен</i>
КРГ	<i>башкир</i>	<i>бурят и бурятов</i>	<i>карел и карелов</i>	<i>туркмен и туркменов</i>
КСТРЯ	<i>башкир</i>	<i>бурят и бурятов</i>	<i>карел и карелов</i>	<i>туркмен и туркменов</i>
СПРР	<i>башкиров</i>	<i>бурят и бурятов</i>	–	<i>туркмен и туркменов</i>
БТСРЯ	<i>башкир</i>	<i>бурят</i>	<i>карелов и карел</i>	<i>туркменов и туркмен</i>
БАСРЯ	<i>башкир</i>	<i>бурят</i>	<i>карелов и карел</i>	–

Как следует из таблицы, для дублетов *башкир – башкиров* большинством рассмотренных ортологических источников рекомендована форма с нулевой флексией. Авторы ГРЯ – 1952 используют для формы с флексией *-ов* хронологическую помету. Имеются и противоположные точки зрения: в ТСВНРЛЯ *башкиров* рассматривается как нарушение грамматической нормы, а в СПРР – как единственно возможная правильная форма.

Все источники, кроме СРЯ, считают вариантность в паре *карел – карелов* равноправной, продолжающейся и в настоящее время. В отношении дублетов *бурят – бурятов*, *туркмен – туркменов* мнения экспертов разделились: кто-то предлагает считать нормативной форму с нулевым окончанием (исключение для формы *бурятов – СРЯ*), кто-то указывает на продолжающуюся вариантность форм.

Второй этап исследования предполагал обращение к ресурсам НКРЯ. При определении в нём формы родительного падежа множественного числа с нулевой флексией вручную снималась грамматическая омонимия с формой именительного падежа единственного числа, в примерах со словоформами *карел, карелов, башкиров, туркмен, туркменов* – также с именами собственными *Карел, Карелов, Башкиров, Туркмен, пароход «Туркмен», торфопредприятие «Туркмен», Туркменов*, а в случае со словоформой *бурят* – ещё и с фор-

мой 3-го лица множественного числа настоящего времени изъявительного наклонения глагола *бурить*. Устойчивые сочетания *Всемирный курултай* (совет/съезд/форум/конгресс/ собрание всего народа) *башкир* и перевод слова *Туркменбаши* на русский язык (*Отец/Глава/Вождь/Государь/Повелитель всех туркмен*) при подсчёте учитывались один раз.

В дублетных формах *башкир – башкиров* со значительным отрывом преобладает форма с нулевым окончанием. В основном подкорпусе НКРЯ с 1733 по 2003 г. она была выявлена в 121 тексте, а её дублет – с 1846–1849 по 2013 г. в 15 текстах (соотношение примерно 88,9 и 11,1 % соответственно): *На задней палубе толклось несколько башкир*. [Д. Н. Мамин-Сибиряк. Бойцы (1883)]; *Финляндская – из завоёванных от Швеции земель, и Оренбургская, которая делилась на провинции: Исетскую, Уфимскую и Зауральскую землю башкиров*. [Н. И. Костомаров. Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей. Выпуск седьмой: XVIII столетие (1862–1875)].

В газетном подкорпусе НКРЯ словоформа *башкир* была обнаружена в 133 текстах, а словоформа *башкиров* – всего лишь в 5 (примерно 96,4 и 3,6 % соответственно): *Праздничное застолье у башкир, татар, киргизов, других тюркских народов обязательно заканчивается крепким чёрным чаем с молоком*. [К нам идёт Байрам // Аргументы и факты, 2004.11.10]; *Мы*

не разделяли их на русских, украинцев, **башик-ров**, таджиков... Мы говорили: это немцы, фрицы, а это – наши! [Полковник в отставке рассказал, как в СССР праздновали День Победы // РИА Новости, 08.05.2020].

Конкуренция между формами *бурят* – *бурятов* имеет более чем двухвековую историю. Форма *бурятов* употреблена в 21 тексте основного подкорпуса НКРЯ с 1802 по 2011–2013 г., а форма *бурят* с 1820–1822 по 2012 г. – в 98 текстах (приблизительное соотношение – 17,6 и 82,4 %): *Платье бурятов совершенно особенное, притом все они носят длинные плетёные косы, на концы коих многие надевают янтарь и разного цвету стеклярус*. [Г. М. Давыдов. Дневник (1802)]; *Ламы бурят для отвращения от зла надевают в особые праздники уродливые маски и так появляются перед народом*. [Н. Г. Гарин-Михайловский. По Корее, Маньчжурии и Ляодунскому полуострову (1898)]. Если брать только период со второй половины XX века, то процентное соотношение *бурятов* (35,9 %) и *бурят* (64,1 %) свидетельствует о возвращении в прошлом веке в активное пользование формы с материально выраженной флексией: *Мы провели сравнительный генетический анализ группы уральских староверов и ныне живущих на территории Российской Федерации русских, казахов, бурятов, китайцев и якутов*. [К. Г. Скрябин. Фундаментальная и прикладная биотехнология – ответ на вызов XXI века (2008) // «Вестник РАН», 2009]; *Среди бурят было распространено мнение, что, когда ребёнок опасно болеет, причиной этого является маленький зверёк «анокха», который поедает макушку ребёнка*. [В. Ф. Турчин. Феномен науки. Кибернетический подход к эволюции (1970)].

Похожие результаты выявлены и в газетном подкорпусе НКРЯ: с 1985 по 2020 г. обнаружено 33 текста с формой *бурятов*, с 1990 по 2020 г. – 56 текстов с формой *бурят* (приблизительное соотношение – 37,1 и 62,9 %): *На протяжении тысячелетий ежегодно на этот праздник собирались кочевые племена бурятов*. [В Иркутской области прошли Ёрдынские игры // Vesti.ru, 15.06.2005]; *Наибольшая волна распространения буддизма в России была отмечена в XVI–XVII веках – среди калмыков, пришедших из западной Монголии через Сибирь в Поволжье, и бурят*. [Далай-лама: чем больше сострадания, тем честнее будет жизнь // РИА Новости, 14.01.2020].

По наблюдениям С. О. Савчук, в паре *карел* и *карелов* «конкуренция вариантов как будто бы обнаруживает рост» [21, с. 444], а

«в современных газетных текстах уровень варианта *-ов* этой лексики является достаточно высоким (72 %), но не доминирующим» [там же, с. 446]. В основном подкорпусе НКРЯ, по нашим подсчётам, форма *карелов* встречается с 1834 по 2013 г. в 34 текстах, а форма *карел* с 1900 по 2018 г. – в 22 текстах (примерно 60,7 и 39,3 % соответственно): *У карелов свой собственный язык, но они все довольно хорошо изъясняются по-русски*. [А. В. Никитенко. Дневник (1834)]; *Интересно только для Вас следующее: у карел чрезвычайно высоко развитая культура причитаний...* [Н. С. Трубецкой. Письма Р. О. Якобсону (1920–1938)].

В газетном подкорпусе НКРЯ с 1990 по 2019 г. форму *карелов* мы обнаружили в 46 текстах, а форму *карел* с 2000 по 2019 г. – в 9 текстах (примерно 83,6 и 16,4 % соответственно): *Ну и что, что в Великом Устюге сидит главный Дед Мороз! У карелов есть свой Морозец – Паккайне. Ни молодой, ни старый*. [Великому Устюгу пришёл Олонец // Известия, 26.12.2003]; *Вся история, связанная с полётами древних карел, держится на легенде*. [Цыганкова Светлана. Древние карелы умели летать? // Труд-7, 22.07.2000].

Активное столкновение вариантов *туркмен* – *туркменов*, соперничающих почти два столетия, наблюдалось во второй половине XIX в., когда один и тот же автор использовал в одном и том же произведении разные формы: ср. *Богомольцы едут на поклонение гробнице имама Риза в г. Мешхед, куда путь не безопасен местами от нападения туркмен, а потому при них находятся два старых дружья: одно русское солдатское с курком, другое длинное персидское с кремнём*. [П. И. Огородников. Очерки Персии (1874)] и *Долго после того простояли мы у окна, любуясь в подзорную трубу, как там, вдали, по тегеранской дороге, тянулся караван, верблюдов в тридцать, тоже спешивший в «Хейрабад», дабы в опасных местах дальнейшего своего пути в Мешхед пройти под сомнительною охраною конвоя; говорю сомнительною, ибо двадцать отважных туркменов в состоянии отбить пушку и разметать двухтысячную толпу богомольцев, – какое двадцать?!* [П. И. Огородников. Очерки Персии (1874)]; *Действительно очень скоро выдвинулась на первый план задача полного умиротворения туркмен*. [С. Н. Южаков. Англо-русская распря (1885)] и *Тем менее можно было рассчитывать на туркменов и даже киргизов, в то время ещё совсем неумиротворённых*. [С. Н. Южаков. Англо-русская распря (1885)].

В основном подкорпусе НКРЯ с 1959–1962 по 2016 г. форма с нулевой флексией была найдена в 68 текстах, а форма с флексией *-ов* – в 41 тексте (примерно 62,4 и 37,6 % соответственно): *Наше взаимное притяжение и духовная общность русских, украинцев, белорусов, казахов, таджиков, туркменов, татар, узбеков, дагестанцев, грузин, азербайджанцев, армян, абхазов, молдаван, эстонцев, латышей, литовцев, башкир, осетин, чеченцев, кабардинцев, карачаевцев, черкесов, балкар, тувинцев, бурят, хакасов и многих, многих других – стали реальным фактом нашего общего бытия.* [Рамазан Абдулатипов. Создание российской нации (2003) // «Российская газета», 15.05.2003]. В XX в. также можем наблюдать конкуренцию форм в пределах одного текста: ср. *В дореволюционном прошлом среди туркмен не было инженеров, врачей, артистов.* [Мамед Бадаев. Страна вечного солнца // «Огонёк». № 10, 1970] и *Сбылась давнишняя мечта туркменов: воды своей равной Аму-Дарьи орошают земли Мургабского и Тедженского оазисов, прикопетадагской равни-*

ны. [Мамед Бадаев. Страна вечного солнца // «Огонёк». № 10, 1970].

В дублетных формах *туркмен – туркменов* с 80-х гг. XX в. наблюдается усиление конкуренции. Так, с 1983 по 2020 г. форма родительного падежа множественного числа *туркмен* была нами выявлена в 136 текстах газетного подкорпуса НКРЯ, с 1988 по 2020 г. форма *туркменов* была обнаружена в 128 текстах (примерно 51,5 и 48,5 % соответственно): *Русский язык для туркмен, как и для других народов нашей многонациональной страны, – это ключ к сокровищнице знаний.* [Наши достижения. В братском единении // Аргументы и факты, 1984.10.09]; *Например, судя по полученным данным, одной из типичных черт характера туркменов, узбеков и казахов является надёжность.* [Не договорились // Ведомости, 2007.12.06].

В таблице 2 мы разместили количественные данные, которые подсчитаны на основе примеров из НКРЯ, ограниченных периодом со второй половины XX в. по настоящее время.

Таблица 2 – Формы родительного падежа множественного числа существительных, называющих лица по этнической и национальной принадлежности, в текстах второй половины XX – начала XXI в. НКРЯ, в %

Источник НКРЯ	<i>башкир, башкиров</i>	<i>бурят, бурятов</i>	<i>карел, карелов</i>	<i>туркмен, туркменов</i>
Основной подкорпус	<i>башкир</i> – 88,7 <i>башкиров</i> – 11,3	<i>бурят</i> – 64,1 <i>бурятов</i> – 35,9	<i>карел</i> – 46,4 <i>карелов</i> – 53,6	<i>туркмен</i> – 47,4 <i>туркменов</i> – 52,6
Газетный подкорпус	<i>башкир</i> – 96,4 <i>башкиров</i> – 3,6	<i>бурят</i> – 62,9 <i>бурятов</i> – 37,1	<i>карел</i> – 16,4 <i>карелов</i> – 83,6	<i>туркмен</i> – 51,5 <i>туркменов</i> – 48,5
Всего в двух подкорпусах	<i>башкир</i> – 92,5 <i>башкиров</i> – 7,5	<i>бурят</i> – 63,5 <i>бурятов</i> – 36,5	<i>карел</i> – 31,4 <i>карелов</i> – 68,6	<i>туркмен</i> – 49,5 <i>туркменов</i> – 50,5

Заключение

Таким образом, у всех рассмотренных нами вариантных форм родительного падежа множественного числа имён существительных, называющих лица по этнической и национальной принадлежности, можно отметить низкодинамический тип эволюции.

Анализ лексикографических данных свидетельствует о прекращении конкуренции дублетных форм *башкир – башкиров*. Эмпирические данные из НКРЯ также показывают, что имеется сильная тенденция к сокращению конкурентной борьбы.

В парах *бурят – бурятов, туркмен – туркменов*, по данным словарей, продолжается активная конкуренция, с некоторым перевесом в пользу варианта с нулевой флексией. Это подтверждается относительно пары *бурят – бурятов* данными, извлечёнными из

НКРЯ. Если в ГРЯ – 1952 форма *бурятов* считается устарелой, в ТСВНРЛЯ форма *туркменов* устаревающей, то современное реальное употребление опровергает эти утверждения. Варианты *туркмен – туркменов* до сих пор находятся в острой фазе столкновения.

По мнению авторов словарей и справочников, в паре *карел – карелов* действуют равноправные, активно конкурирующие варианты, а данные из НКРЯ показывают, что в письменной речи преобладает вариант с материально выраженной флексией.

Сравнительная характеристика сведений, полученных из одних источников, в которых нормы обычно закрепляются, и других, в которых новые нормы могут формироваться, нужна для выявления особенностей конкуренции вариантных пар и определения перспектив её нарастания или угасания.

**СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ
ИСТОЧНИКОВ**

1. **Краснова, Т. И.** Основы русской грамматики. Языковая норма. Слово и предложение : материалы лекционного курса / Т. И. Краснова. – СПб. : Сударыня, 2007. – 95 с.
2. Культура русской речи : учебник для вузов / отв. ред. Л. К. Граудина, Е. Н. Ширяев. – М. : Норма, 2006. – 560 с.
3. **Голуб, И. Б.** Стилистика русского языка / И. Б. Голуб. – 10-е изд. – М. : Айрис-пресс, 2008. – 448 с.
4. **Горбачевич, К. С.** Изменение норм русского литературного языка / К. С. Горбачевич. – Ленинград : Просвещение, 1971. – 272 с.
5. Русский язык и советское общество. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка / под ред. М. В. Панова. – М. : Наука, 1968. – 368 с.
6. **Плещенко, Т. П.** Стилистика и культура речи : учеб. пособие / Т. П. Плещенко, Н. В. Федотова, Р. Г. Чечет ; под ред. П. П. Шубы. – Минск : «ТетраСистемс», 2001. – 544 с.
7. Грамматика русского языка : в 2 т. Т. 1 : Фонетика и морфология / редкол.: В. В. Виноградов, Е. С. Истрина, С. Г. Бархударов. – М. : Изд-во Академии наук СССР, 1952. – 720 с.
8. **Волынец, Т. Н.** Современный русский язык. Морфология : учеб. пособие / Т. Н. Волынец. – Минск : РИВШ, 2013. – 328 с.
9. Словарь русского языка / сост. С. И. Ожегов ; под общ. ред. С. П. Обнорского. – 3-е изд. – М. : Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1953. – 848 с.
10. Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. / гл. ред. В. И. Чернышёв, С. Г. Бархударов, В. В. Виноградов, Ф. П. Филин. – Москва – Ленинград : Изд-во АН СССР, 1950–1965.
11. Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка. Словарь-справочник / под ред. К. С. Горбачевича. – Ленинград : Изд-во «Наука», Ленинградское отделение, 1973. – 518 с.
12. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Изд-во «Русский язык», 1981–1984.
13. **Граудина, Л. К.** Словарь грамматических вариантов русского языка / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН ; Л. К. Граудина, В. А. Ицкович, Л. П. Катлинская. – 3-е изд., стер. – М. : Астрель : АСТ, 2008. – 555, [5] с.
14. **Граудина, Л. К.** Грамматическая правильность русской речи. Опыт частотно-стилистического словаря вариантов / Л. К. Граудина, В. А. Ицкович, Л. П. Катлинская. – М. : Наука, 1976. – 456 с.
15. **Розенталь, Д. Э.** Справочник по правописанию и литературной правке: для работников печати / Д. Э. Розенталь. – 5-е изд., испр. – М. : Книга, 1989. – 320 с.
16. Краткая русская грамматика / В. Н. Белосусов, И. И. Ковтунова, И. Н. Кручинина [и др.] ; под ред. Н. Ю. Шведовой и В. В. Лопатина. – 2-е изд., стер. – М. : РАН, Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова, 2002. – 726 с.
17. **Еськова, Н. А.** Краткий словарь трудностей русского языка. Грамматические формы. Ударение : ок. 12 000 слов соврем. рус. яз. / Н. А. Еськова. – 6-е изд., испр. – М. : АСТ : Астрель, 2008. – 605, [3] с.
18. **Соловьёв, Н. В.** Словарь правильной русской речи : ок. 85 000 слов : более 400 коммент. / Ин-т лингв. исслед. РАН ; Н. В. Соловьёв. – М. : АСТ : Астрель, 2008. – 847, [1] с.
19. Большой толковый словарь русского языка: А-Я : Ин-т лингв. исслед. РАН / сост., гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 1998. – 1534 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovuj-slovar>.
20. Большой академический словарь русского языка. Т. 1–27 / гл. ред. К. С. Горбачевич, А. С. Герд. – М. : Наука ; СПб. : Наука, 2004–2021 (*издание продолжается*).
21. **Савчук, С. О.** Исследование вариативности и динамики норм словоизменения на основе корпусных данных / С. О. Савчук // Русская грамматика: активные процессы в языке и речи : сб. науч. тр. Междунар. науч. симпозиума / науч. ред. В. Н. Степанов ; отв. ред. Л. В. Ухова. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2019. – С. 438–449.

Поступила в редакцию 14.11.2023 г.

Контакты: boltovskaia@msu.by (Болтовская Елена Александровна).

**Boltovskaya E. A. COMPETITIVENESS
OF DOUBLET FORMS OF THE GENITIVE
CASE OF PLURAL NOUNS**

Based on the comparison of the data extracted from normative grammars, grammar reference books and explanatory dictionaries of the second half of the XX century – the beginning of the XXI century and the data obtained from the materials gathered in the Russian Language National Corpus, the changes associated with the increase or decrease in the competitiveness of doublet forms of the plural genitive case forms of animate nouns naming persons belonging to ethnic and national groups are revealed and characterized. The obtained results can be applied in teaching morphology of modern Russian literary language and speech culture.

Keywords: competitiveness of variants, dynamics of grammar norm, noun, plural genitive case forms.

УДК 811.161.1'37

**ЛЕКСИЧЕСКИЙ РЕПРЕЗЕНТАНТ КОНЦЕПТА *ЖИЗНЬ*
В ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ М. И. ЦВЕТАЕВОЙ:
СУБСТАНТИВНЫЕ МЕТАФОРЫ**

А. А. Папейко

кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры теории и методики начального образования
Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

В статье рассматриваются лексико-семантические особенности метафорического осмысления жизни в поэтическом дискурсе М. И. Цветаевой. Выделяются и описываются следующие основные подгруппы субстантивных метафор: жизнь – смерть; литературное (фольклорное) произведение; тюрьма; состояние; вещество, продукт; опредмеченное действие; пространство; игровая атрибутика; человек; транспорт; толпа; предмет воздействия; отягощение; качество; чувство, отношение.

Ключевые слова: концепт, лексический репрезентант, русская поэзия, поэтический дискурс, семантика, метафора, жизнь, М. И. Цветаева.

Введение

Концепт как специфическое ментальное образование находит своё дискурсивное воплощение посредством языковых знаков, в совокупности которых при лингвистическом изучении на первый план выходит тот или иной лексический репрезентант. Вместе с определением перечня наиболее актуальных репрезентантов необходимо выработать стратегию описания и классификации, основанную на формально-грамматических (частеречных, сочетаемостных) и/или смысловых (семантических, коннотативных) признаках. В исследовании концептосферы русского поэтического дискурса XX – XXI веков в целом и М. И. Цветаевой в частности мы предприняли попытку сочетать формально-грамматический и смысловой аспекты; в итоге были определены 5 основных групп семантико-синтаксических отношений, в рамках которых мы вели наблюдения за смысловым наполнением лексического репрезентанта *жизнь* с учетом всех возможных словоформ и некоторых фонетических вариантов:

- 1) метафорический перенос наименования (имена существительные);
- 2) сравнение (имена существительные);

3) качественная характеристика (имена прилагательные);

4) конструкции со значением субъекта (глаголы);

5) конструкции со значением объекта (глаголы).

Каждая из перечисленных групп представляет собой своеобразный, относительно автономный фрагмент языковой картины мира.

Цель данной статьи заключается в рассмотрении группы субстантивных метафор как образной характеристики *жизни* в поэтическом дискурсе М. И. Цветаевой.

Теоретической базой исследования послужили работы Ю. С. Степанова [1], Ю. Д. Апресяна [2], З. Д. Поповой и И. А. Стернина [3], Ю. Н. Караулова [4], А. Д. Шмелева [5] и др., а также некоторые наблюдения, сделанные автором настоящей статьи в предшествующих публикациях [6 – 10].

Источником фактического материала послужили тексты произведений, размещенных в поэтическом корпусе Национального корпуса русского языка [11].

Основная часть

Метафора как способ осмысления понятия *жизни* обычно вводится в ткань поэтического произведения при помощи субъектно-предикатных конструкций и является для творчества М. И. Цветаевой наиболее характерным приёмом. Об этом говорит как само количество вторичных номинантов – почти треть всех примеров в рамках названных выше групп, – так и широта спектра направлений метафоризации, что перекликается с понятием основных типов субстантивных метафор в рамках их семантической классификации (подробно о семантической классификации субстантивных метафор см. источник 12, с. 27).

1. «Жизнь – смерть». В метафорическом видении *жизни* М. И. Цветаевой обращает на себя внимание частое сопоставление с понятием смерти; этот сектор лексико-семантиче-

ского поля в нашем случае представлен вторичными номинантами *не жизнь, бессмертье, смерть*. Подобное столкновение в одном контексте не просто свидетельствует о неразрывной связи двух вариантов состояния органического тела, но формирует из двух концептуальных понятий бинарную оппозицию, в которой четко просматриваются диалектические отношения между компонентами. Так, *жизнь* и *смерть* приобретают значение не просто двух противоположных состояний; они выступают в роли своеобразного средства оценки качества, достоверности одного и другого с постепенным приближением к истинному восприятию человеком: *Если ты, такое око – смерклошь, / Значит, жизнь не жизнь есть, смерть не смерть есть, / Значит – тмимся, допойму при встрече!* Кроме того, *жизнь* и *смерть* являются понятиями не столько взаимоисключающими, сколько предполагающими постепенный переход из одного состояния в другое, что фактически означает констатацию отношений контрарной, градуальной антонимии и уводит от антонимии комплементарной: *Обмелевающие бессмертье – / Жизнь*.

2. «Литературное (фольклорное) производство». Данный сектор репрезентирован лексемами *не роман, поэма, сказка, стихи*. Перечисленные вторичные номинанты фактически утрачивают значение соотносительности с художественным текстом, приобретая иной смысл – своеобразного «антонима» *жизни* как объективной реальности, заведённого порядка вещей, привычного уклада (отметим, что значение *жизни* как объективной реальности и/или сложившегося хода событий является одним из общепринятых и традиционно фиксируется толковыми словарями): *Из сказки в жизнь*. Контекстуальное противопоставление, столкновение сказки, стихов, романа и т. п. (с одной стороны) и *жизни* как реальности (с другой) указывает на резкое расхождение между ними, выраженное несовершенством второго в сравнении с первым, превосходство первого над вторым: *Я найду в своих стихах / Всё, чего не будет в жизни*.

3. «Тюрьма». *Жизнь* в поэзии М. И. Цветаевой часто предстает как модус ограничения свободы, о чем говорят репрезентанты *барак, каторга*. Очевидно, здесь можно усмотреть «расслоение» семантики *жизни* и формирование двух различных смысловых пластов: во-первых, *жизни* как интенции, жизненно-го начала; во-вторых, *жизни* как пространственно-временного континуума, в котором

жизненное начало находит свою реализацию. Интересно, что сопоставление с тюремным заключением не только придает *жизни* отрицательную коннотацию, но и напоминает о её конечном характере, а также порождает ассоциацию с освобождением, наступающим с её окончанием (по аналогии с освобождением по отбытии срока заключения): *Погребенная заживо под лавиной / Дней – как каторгу, избываю жизнь*.

4. «Состояние». Отождествление *жизни* с каким-либо состоянием наблюдается в случае с номинантами *бред, смех, сон*. Данные единицы апеллируют к эмоционально-оценочному (смех) и бессознательному (бред, сон) началу, при этом члены оппозиции «сознательное / бессознательное» оказываются тесно связанными с полюсами шкалы «реальность – вымысел». Важно, что индивидуально-авторское и «общепринятое» понимание реального и нереального меняется местами: так, именно объективно существующая, окружающая действительность с её не зависящими от воли отдельного субъекта законами предстает в поэзии М. И. Цветаевой как нечто бессознательное и нереальное: *Понял ты, что жизнь иль смех, иль бред, / Ты ушёл, сомнений не тревожа...*

5. «Вещество, продукт». Эта часть семантического поля *жизни* в поэзии М. И. Цветаевой представлена словами *гранит, слизь, хлеб (насущенный)*. Здесь мы замечаем несколько смысловых уровней. Во-первых, это описание повседневной *жизни* с точки зрения привычных событий, действий, забот, вынуждающих забывать о прочих аспектах *жизни*, временно отодвинутых на второй план: *И будет жизнь с ее насущным хлебом, / С забывчивостью дня*. Во-вторых, это опосредованная оценка качества, выражение субъективного отрицательного отношения к определенному укладу, ходу событий: «*Прижились*», – / *Эта слизь называется – жизнью!* Наконец, в-третьих, это утверждение чрезвычайной силы настоящего чувства, способного преобразовать реальность вплоть до превращения неживого в живое: *Так ударами сердца растрогать гранит этот дикий – / Чтобы взмахом одним стал и плотью, и кровью, и жизнью*.

6. «Опредмеченное действие». Этот сектор образован номинантами *дрожание, дрожь, нажим, озноб, погром*. *Жизнь* в этом случае предстает как активное начало, неконтролируемое стихийное проявление, страсть, причём именно сила произвольных проявлений характеризует уровень, степень «досто-

верности» жизни – чем проявления сильнее, тем жизнь с её событиями и ощущениями является более «настоящей», соответствующей неким авторским представлениям о ней: *Но по дрожанию всех жил / Можешь узнать: жизнь!* Показательно, что в поэтическом дискурсе М. И. Цветаевой метафоризация жизни как дрожи, страсти может осуществляться путём повествования от первого лица, что создаёт ощущение исповедальности текста: *Вся жизнь моя страстная дрожь!*

7. «Пространство». Семантика жизни как пространства вводится лексемами *дверь, зала, квартал, место, пригород*, при этом обращают на себя внимание три аспекта пространственной характеристики. Во-первых, дискретность, т. е. четкое разграничение на «здесь» и «там», которое фактически означает противопоставление авторского «Я» и жизни как окружения, других людей. Интересно, что «Я» при этом выступает также в качестве своеобразной границы, разделяющей пространство на различные области, вычленяющей отдельного человека из всей остальной массы по аналогии с разделением театрального помещения на сцену и зрительный зал: *Нету тайны у занавеса – от зала. / (Зала – жизнь, занавес – я)*. Во-вторых, открытая констатация непригодности обозначаемого пространства – окружающей реальности – для жизни, которая мыслится субъектом как «правильная», полная, настоящая: *Жизнь – это место, где жить нельзя...* В-третьих, возможность или необходимость перемещения в жизненном пространстве вплоть до выхода за его пределы, что означает превалирование соответствия индивидуальному эталону жизни над необходимостью её сохранения: *Не крадущимся перешибленным зверем, / Нет, каменной глыбой / Выйду из двери – / Из жизни.*

8. «Игровая атрибутика». Отношение к жизни как игре – театральной либо азартной – в мировой и русской литературе явление уже встречавшееся; здесь сразу возникают ассоциативные связи с именами У. Шекспира (*Весь мир – театр, а люди в нём – актёры*), фраза из пьесы «Как вам это понравится») и А. С. Пушкина (*Что наша жизнь? – Игра!* из оперы П. И. Чайковского по мотивам «Пиковой дамы»). Данный смысловой пласт вводится в наш случай вторичными номинантами *карта, сукно игорное* и придает поэтическому дискурсу М. И. Цветаевой оттенок реминисцентности, причём отсыл осуществляется к игре именно азартной, карточной. Жизнь в

результате воспринимается как пространство для развёртывания событий и осуществления действий, намеренно заглушающих ощущение неудовлетворённости жизнью и тем самым символизирующих бегство от реальности: *Как жизнь уже давным-давно нам – / Сукно игорное...* Интересно, что ход событийной стороны жизни при этом фактически приравнивается к проигрышу: *Жизнь свою – как карту бьем!*

9. «Человек». Этот сектор лексико-семантического поля представлен номинантами *дива, жена, ладонь*. Персонализация жизни в поэтическом дискурсе М. И. Цветаевой, помимо собственно усиления образности, выполняет три функции. Первая – это подчёркивание в качестве неотъемлемой черты жизни высочайшей степени активности, силы её проявлений, что на формально-грамматическом уровне достигается сочетанием с превосходной степенью прилагательного: *Живейшая из жен: / Жизнь*. Вторая – это характеристика жизни как неизбежно лишённой чего-то крайне важного, определяющего для внутреннего мира, для личности как таковой, что уничтожает ценность самого понятия жизни по аналогии с утратой голоса популярной певицей: *Что настаивающий нам твой / Хрип, обезголосившая дива – / Жизнь!* Третья функция – это намёк на то, что же является в жизни главной радостью, целью, смыслом; в поэтическом дискурсе М. И. Цветаевой такой радостью и смыслом становится нахождение рядом с любимым человеком, максимально возможная близость, прикосновение: *В белую книгу твоих тишизн, / В дикую глину твоих «да» – / Тихо склоняю облом лба: / Ибо ладонь – жизнь* (см. также: *Жив только бок, / О смежный теснюсь котормым. / Вся жизнь – в боку!*).

10. «Транспорт». Метафорическая номинация жизни как транспорта, приспособления для перемещения осуществляется словами *поезд, рельсы*. Данные примеры несколько напоминают приведённые в подразделе «Пространство» (п. 1.7), но в случае с транспортом акцент делается именно на неизбежности перемещений, что характеризует жизнь как явление динамичное, движущееся. При этом направление движения не зависит от желаний субъекта, что сближает жизнь-транспорт с жизнью-реальностью, диктующей свои законы и вступающей в конфликт с индивидуальными запросами, являющейся для реализации истинных личностных потребностей непреодолимой преградой. Неизбежным, изначально заданным оказывается как условный

«маршрут», так и невозможность остановки, и человеку остаётся только принять эту данность: *Жизнь – рельсы! Не плачь!*

11. «Толпа». *Жизнь*, окружение в поэтическом дискурсе М. И. Цветаевой может принимать образ толпы, что репрезентируется словами *рынок, сброд, табор* и подразумевает разграничение на «Я» и «все остальные», противопоставление личности (автора) и людской массы. Людская масса при этом предстаёт как нечто непривлекательное в социальном и духовном плане (*сброд*), занятое преходящими заботами, неупорядоченное, шумное и суетное, направленное на подчинение отдельного человека своей коллективной воле: *Еще говорила гора, что табор – / Жизнь, что весь век по сердцам базарь!*

12. «Предмет воздействия». Семантика *жизни* как предмета, воздействующего на живущего, образуется номинантами *дышло, ножи*. При этом воздействие мыслится как однозначно направленное на грубое подчинение (*ломовое дышло*) либо на причинение боли (*ножи*). Интересно, что причинение боли жизнью может быть вызвано именно тем, что, на первый взгляд, должно жизнь украшать, делать её счастливой, – чувством любви по отношению к другому человеку. Возможно, это в некоторой степени связано с тем, что любовь – это чувство возвышающее, а в поэтическом дискурсе М. И. Цветаевой окружение не прощает «непохожести», расхождения с обезличенной общепринятой нормой: *Жизнь: ножи, на которых пляшет / Любящая*. При этом важно, что объект воздействия сохраняет свободу выбора – сдаться под воздействием жизненных обстоятельств или противостоять им, несмотря на требования, давление, боль. По сути, способность сохранить себя, свой внутренний мир, отстоять своё право на индивидуальность вопреки внешнему давлению – это и выступает мерилем ценности живого существа: *Жизни ломовое дышло / Спаси не перешибило / Скакуну*.

13. «Отягощение». В качестве фактора отягощения *жизни* выступают номинанты *груз, недостаток, удушье*. При этом ощущение дискомфорта различной степени, в том числе выражающиеся на физическом уровне, может вызывать как избыток, нежелательность, присутствие чего-либо индивидуально непереносимого (*груз, удушье*), так и нехватка чего-либо жизненно важного (*недостаток воды*). Показательно, что обозначением жизненно необходимой составляющей в поэтическом

дискурсе М. И. Цветаевой является при этом метафорически переосмысленное название стихии (вода), нехватка которой причиняет страдания: *Жизнь? Недостаток воды...* В то же время символом ненужности, избыточности, абсолютной бессмысленности служат формальные, лишённые содержания супружеские отношения, что указывает на статус понятия семьи в индивидуальной поэтической картине мира: *Как скорлупую треснувшей – / Жизнь с её грузом мужей и жён*.

14. «Качество». Сегмент качества представлен лексемами *двоедушье, забывчивость*. В этом плане метафорическое осмысление *жизни* в поэтическом дискурсе М. И. Цветаевой сближается с понятием метонимии, так как наблюдается перенос качества с человека, его характера, особенности отношения к окружению на жизнь как процесс в целом, на какой-либо временной отрезок. При этом осуществляется перенос тех качеств, которые могут быть расценены как потенциально (*забывчивость*) или явно (*двоедушье*) отрицательные, что в целом соотносится со сказанным выше о несовершенстве жизни реально существующей в сравнении с идеальными, «эталонными» представлениями о ней: *Жизнь: двоедушье / Дружб и удушье уродств*.

15. «Чувство, отношение». Семантика чувства, отношения к кому-либо реализуется лексемами *любовь, радость*; интересно, что эта группа представлена номинантами, обозначающими восприятие безусловно положительное. Очевидно, это объясняется тем, что в данном случае речь идет не об окружении в целом (напомним, что окружение в поэтическом дискурсе М. И. Цветаевой обычно воспринимается как нечто несовершенное, враждебное, являющееся помехой) и не о каком-либо случайном, абстрактном его представителе, а о любимом человеке, который постоянно или в данный момент времени занимает в сознании и внутреннем мире говорящего положение исключительное, возможно, в определённой степени идеализируется. Движущей силой и целью *жизни* выступает любовь; более того, сама *жизнь* отождествляется с любовью, а основным стремлением и главной радостью становится быть рядом с любимым: *Любовь, это значит: жизнь*. См. также: *Жизнь: распахнутая радость / Поздороваться с утра!*

Заключение

Сказанное в статье позволяет сделать следующие выводы.

Метафора в поэтическом дискурсе М. И. Цветаевой представляет собой один из самых распространённых приёмов образной характеристики *жизни*, при этом спектр вторичных номинаций оказывается весьма широким и в обобщённом виде предстаёт как совокупность следующих семантических фрагментов: «жизнь – смерть»; «литературное (фольклорное) произведение»; «тюрьма»; «состояние»; «вещество, продукт»; «опредмеченное действие»; «пространство»; «игровая атрибутика»; «человек»; «транспорт»; «толпа»; «предмет воздействия»; «отягощение»; «качество»; «чувство, отношение».

Общая семантика *жизни* в поэтическом дискурсе М. И. Цветаевой представлена двумя основными пластами: во-первых, жизни как интенции, жизненного начала; во-вторых, жизни как пространственно-временного континуума, в котором жизненное начало находит свою реализацию. Находясь в вынужденном взаимодействии, данные пласты вступают в конфликт, что находит отражение в оппозициях «жизнь / смерть», «реальность / вымысел», «здесь / там», «Я / окружение», «свобода / обусловленность» и др.

Жизнь в поэтическом дискурсе М. И. Цветаевой оказывается неразрывно связанной с двумя важнейшими концептуальными понятиями – любовью и смертью. При этом любовь воспринимается одновременно как движущая сила, одухотворяющее начало, главная ценность, основное устремление; смерть же выступает в качестве не столько враждебного начала, сколько средства оценки жизни.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Степанов, Ю. С.** Константы : Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Академический проект, 2004. – 992 с.
2. **Апресян, Ю. Д.** Образ человека по данным языка : попытка системного описания / Ю. Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1995. – № 1. – С. 37–67.
3. **Попова, З. Д.** Очерки по когнитивной лингвистике / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – 3-е изд. – Воронеж, 2003. – 192 с.
4. **Караулов, Ю. Н.** Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – 7-е изд. – М. : Издательство ЛКИ, 2010. – 264 с.

5. **Шмелев, А. Д.** Русская языковая модель мира : Материалы к словарю / А. Д. Шмелев. – М. : Языки славянской культуры, 2002. – 224 с.

6. **Папейко, А. А.** Ключевые концепты в поэтических текстах А.А. Ахматовой / А. А. Папейко // Весці БДПУ. Сер. 1. Педагогіка. Псіхалогія. Філалогія. – 2022. – № 2. – С. 99–102.

7. **Папейко, А. А.** Частотный паспорт ключевых концептов русской поэзии Серебряного века / А. А. Папейко // Весці БДПУ. Сер. 1. Педагогіка. Псіхалогія. Філалогія. – 2022. – № 3. – С. 111–115.

8. **Папейко, А. А.** Опыт диахронического сопоставления ключевых концептов русской поэзии XX века / А. А. Папейко // Весці БДПУ. Сер. 1. Педагогіка. Псіхалогія. Філалогія. – 2022. – № 4. – С. 77–82.

9. **Папейко, А. А.** Лексическая реализация концептов *жизнь* и *смерть* в творчестве поэтов Серебряного века: частотная характеристика / А. А. Папейко // Веснік МДУ імя А. А. Куляшова. Сер. А. Гуманітарныя навукі (гісторыя, філасофія, філалогія). – 2023. – № 1 (61). – С. 95–99.

10. **Папейко, А. А.** Лексическая реализация ключевых концептов в авторской песне и поэзии «шестидесятников»: частотная характеристика / А. А. Папейко // Весці БДПУ. Сер. 1. Педагогіка. Псіхалогія. Філалогія. – 2023. – № 2. – С. 119–123.

11. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – 2023. – Режим доступа: ruscorpora.ru. – Дата доступа: 01.09.2023.

12. **Стариченок, В. Д.** Образ человека в белорусском языковом континууме : монография / В. Д. Стариченок. – Минск : Колоград, 2018. – 292 с.

Поступила в редакцию 13.09.2023 г.

Контакты: anatoly_papeiko@mail.ru (Папейко Анатолий Анатольевич).

Papeiko A. A. LEXICAL REPRESENTATIVE OF THE CONCEPT OF LIFE IN THE POETIC DISCOURSE OF M. I. TSVETAYEVA: SUBSTANTIVE METAPHORS

The article examines lexical and semantic features of the metaphorical understanding of life in the poetic discourse of M. I. Tsvetaeva. The following main subgroups of substantive metaphors are identified and described: life – death; literary (folklore) work; jail; state; substance, product; objectified action; space; game paraphernalia; human; transport; crowd; subject of influence; burdening; quality; feeling, attitude.

Keywords: concept, lexical representative, Russian poetry, poetic discourse, semantics, metaphor, life, M. I. Tsvetaeva.

УДК 070.481:354.81(476)(091)

ВЕДОМСТВЕННАЯ ПРЕССА ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОРГАНОВ СОВЕТСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ БЕЛОРУССИИ И ЛИТОВСКО-БЕЛОРУССКОЙ ССР

Р. В. Дерюжин

преподаватель кафедры славянской филологии

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

В статье исследуются журнал «Экономическая жизнь» и «Бюллетень Высшего Совета Народного Хозяйства Советской Социалистической Республики Литвы и Белоруссии» – ведомственные издания экономических органов ССРБ и Литбел. Раскрываются условия и особенности деятельности прессы, её содержание, состав редакционных коллективов. Подчёркивается связь данных изданий с ведомственной прессой органов управления экономикой БССР и Республики Беларусь.

Ключевые слова: пресса, журнал, бюллетень, экономика, государственный орган.

Введение

К ведомственной прессе относятся специализированные издания государственных министерств и ведомств. Для учредителей данной прессы издание печатных органов является непрофильным: собственные газеты, журналы, бюллетени являются для них вспомогательным направлением, оказывающим содействие основной деятельности, при этом мотивом издания прессы является влияние на общественное мнение и поведение в собственных интересах, а также формирование позитивного имиджа органа-учредителя. Данная пресса, как правило, дотируется своими учредителями и имеет не массовую аудиторию с чётко очерченными характеристиками, что относится прежде всего к профессиональной деятельности [1].

Актуальность данной статьи обусловлена тем, что в настоящее время значение рассматриваемых СМИ неуклонно возрастает, что подчёркивается на государственном уровне: заместитель Премьер-министра Республики Беларусь И. В. Петришенко в 2022 г. отмечал, что ведомственные издания являются важным сегментом информационного поля, формирующим климат внутри коллективов [2].

Подчеркнём, что ведомственная пресса экономических органов БССР и Республики Беларусь является недостаточно изученной.

Ряд данных изданий 1920–30-х гг. был кратко охарактеризован в работе С. В. Марцеллева [3]. Становление и функционирование рассматриваемой прессы в контексте особенностей национального экономического развития 1920-х – начала 1990-х гг. описано в исследованиях Р. В. Дерюжина [4; 5]. Отметим, что ведомственная пресса экономических органов БССР использовалась С. Н. Ходиным и А. М. Сасимым в качестве источников для написания работ по экономической истории БССР [6; 7].

Существование ведомственной прессы экономических органов ССРБ и Литбел было отмечено Р. В. Дерюжиным [8], однако в настоящей статье указанная пресса рассмотрена всесторонне, а также выявлены особенности, которые получают развитие в подобных изданиях БССР и Республики Беларусь. Материалом исследования послужили 2 номера журнала «Экономическая жизнь» и 1 номер «Бюллетень Высшего Совета Народного Хозяйства Советской Социалистической Республики Литвы и Белоруссии». Методология представлена анализом, синтезом, индукцией, аналогией.

Основная часть

1 января 1919 г. была провозглашена Советская Социалистическая Республика Белоруссия (ССРБ). Первоочередными задачами нового государственного образования, как и других республик, созданных на территории бывшей Российской империи, являлось восстановление хозяйства и его перестройка с учётом политических реалий.

Подчеркнём, что уже в первые месяцы после Октябрьской революции начинают создаваться органы, деятельность которых связана с управлением народным хозяйством. Так, в декабре 1917 г. декретом ВЦИК РСФСР был образован центральный орган управления хозяйством – Высший совет народного хозяйства (ВСНХ) РСФСР (с 1922 г. – ВСНХ СССР), при этом его исполнительными органами являлись губернские советы народного хозяйства (СНХ,

совнархозы), важнейшей задачей которых являлась «организация и регулирование отдельных отраслей народного хозяйства» [9, с. 698].

В начале января 1919 г. правительство ССРБ переехало в Минск. Для управления хозяйством ССРБ в январе 1919 г. был образован совнархоз, одним из направлений деятельности которого являлось издание печатного органа, рассматривавшего экономические вопросы. В феврале 1919 г. вышел второй (№ 2–3) номер двухмесячного политико-экономического журнала «Экономическая жизнь», который совместно с комиссариатами снабжения и финансов продолжил издавать СНХ ССРБ. Подчеркнём, что первый номер журнала вышел в конце 1918 г. в Смоленске, издавался СНХ Западной коммуны, и его издание продолжил СНХ ССРБ, поскольку всем организациям и учреждениям, имевшим отношения с СНХ Западной коммуны, предписывалось продолжать такие отношения с СНХ ССРБ [10, с. 76]. К данному номеру журнала в качестве приложения редакция всем подписчикам рассылала «Кодекс законов о труде».

В конце февраля 1919 г. в условиях Советско-польской войны была образована Литовско-Белорусская Советская Социалистическая республика (Литбел), ВСНХ которой совместно с комиссариатами снабжения и финансов продолжил издание «Экономической жизни». Несмотря на то что на территории Литбел издавались общественно-политические газеты «Звезда», «Млот», «Коммунистос», «дер Штерн» (пресса ЦК КП(б) Литбел), «Бедняк», «ди коммунистиче Штимме», которые определенное внимание уделяли различным аспектам хозяйственного строительства, «Экономическая жизнь» являлась единственным изданием, которое, насколько это было возможно, комплексно и компетентно исследовало экономические вопросы [11, с. 23; 12, с. 24].

Журнал разворачивал деятельность в непростой период отечественной истории. В феврале 1919 г. редакция указывала, что «в виду исключительно тяжёлых финансовых условий, в которых очутилась редакция после переезда в Минск, февральский номер журнала вышел с большим опозданием. На будущее редакцией приняты все меры к тому, чтобы «Экономическая жизнь» выходила не реже одного раза в месяц» [13].

В объявлении с призывом оформить подписку редакция следующим образом характеризовала издание: «Журнал “Экономическая жизнь” всесторонне освещает все отрасли

народного хозяйства, имеющие крупное значение для Литовско-Белорусского края. Развитие идей социалистической организации производства и распределения, внедрение в широкие слои трудового народа новых принципов в созидании нашей хозяйственной жизни путём последовательного проведения основ экономической политики рабочего класса – вот задачи, которые составляют программу нашего общественно-политического органа». Также в объявлении отмечалось, что журнал особое внимание уделяет изучению рабочей кооперации и профессиональных союзов [14].

Редакция издания, стремясь наладить связь с читателями и потенциальными авторами, обращалась к жителям провинции с просьбой «принять самое деятельное участие в нашем издании путём всестороннего и беспристрастного освещения всех сторон народнохозяйственной жизни на местах» посредством направления в редакцию журнала изданий и отдельных материалов об экономической жизни Литовско-Белорусского края. С целью привлечения авторов подчёркивалось, что «все материалы оплачиваются по ставкам столичных изданий» [15].

Всего вышли 3 номера «Экономической жизни», включая 1 сдвоенный. Журнал печатался в Минске, в типографии Соломонова, стоимость номера составляла 4 рубля, подписки на 6 месяцев – 40 рублей. Объём журнала превышал 50 страниц. В издании не был указан тираж, однако, учитывая опыт журналов, выпускавшихся в 1920–30-е гг. планово-экономическими органами БССР, можно предположить, что тираж «Экономической жизни» составлял не более 1000 экземпляров. Секретарём журнал являлся известный в будущем белорусский историк, публицист и искусствовед С. Д. Палеес. Статус издания во многом определялся тем, что в состав редколлегии входили известные государственные деятели: Д. Ф. Жилунович и А. Ф. Мясников, а также члены Президиумов СНХ ССРБ и ВСНХ Литбел.

Содержание «Экономической жизни» включало следующие разделы: «Статьи», в котором помещались значительные по объёму материалы, раскрывавшие состояние и перспективы развития промышленности, сельского хозяйства, кооперации, строительства, снабжения, образования («О хозяйственном слиянии Белоруссии с Литвой», «Земледелие в Белоруссии (экономический очерк)», «К вопросу об открытии в Минске Белорусского

сельскохозяйственного политехникума»); «Иностранное обозрение», содержащий краткие сообщения об особенностях экономической жизни зарубежных стран: судостроении, металлургии, нефтедобыче, денежном балансе, а также, преимущественно в негативном контексте, о положении рабочего класса; «Хроника русской жизни», в котором рассматривалось функционирование экономических органов, созданных в иных республиках, прежде всего ВСНХ РСФСР; «Краевая хроника», в котором раскрывалась деятельность ВСНХ Литбел преимущественно в разрезе его структурных подразделений (отделов, комиссий, комитетов), а также рассматривалось функционирование губернских и уездных СНХ. Значительную часть материалов «хроник» составляли выдержки из протоколов заседаний президиумов СНХ, а также тезисы выступлений руководящих работников данных органов.

Оценивая материалы раздела «Статьи» к публикациям, следует подчеркнуть, что в публикациях «Экономической жизни» широко использовался метод деловой аналитики, поскольку значительная часть числового материала была представлена в виде таблиц, снабженных, в большинстве случаев, комментариями [16, с. 68].

В «Официальном отделе» журнала размещались постановления и распоряжения органов управления, прежде всего экономических, как РСФСР, так и Литбел, а также номенклатура работников СНХ и Народного комиссариата продовольствия Литбел, с указанием адресов и, при наличии, номеров телефонов, причём особое значение придавалось публикации материалов, раскрывавших особенности продовольственного снабжения ССРБ и Литбел [10, с. 19].

«Экономическая жизнь» была не единственным печатным органом ВСНХ Литбел. В марте 1919 г. был издан единственный номер «Бюллетеня Высшего Совета Народного Хозяйства Советской Социалистической Республики Литвы и Белоруссии». Редакционная комиссия издания, состоявшая из двух человек, Я. Подольского (член Президиума ВСНХ Литбел) и К. Соколова (секретарь Президиума ВСНХ Литбел), основной задачей бюллетеня называла предоставление учреждениям, организациям и лицам официального информационного материала о деятельности ВСНХ Литбел по возрождению добывающей и обрабатывающей промышленности республики [17]. Указания и распоряжения Правительства Литбел, а также положения о структуре ВСНХ

Литбел были сгруппированы в бюллетене по отдельным отраслям, иной материал также был отсортирован для удобства восприятия читателями.

Бюллетень содержал положение о ВСНХ Литбел, постановления ВСНХ Литбел, декреты Совета народных комиссаров Литбел. Завершался бюллетень справочной информацией: наименованием отделов, секций и подотделов ВСНХ Литбел с указанием номеров кабинетов, часов приёма и номеров телефонов.

Оценивая журнал «Экономическая жизнь» и «Бюллетень Высшего Совета Народного Хозяйства Советской Социалистической Республики Литвы и Белоруссии» в контексте развития специализированной экономической периодики, следует подчеркнуть, что в качестве типологически близких к ним изданий следует рассматривать прессу местных органов самоуправления – земств, к которой относятся 15 газет и журналов, выпускавшихся на территории Беларуси в 1911–1918 гг., а также бюллетени, издававшиеся Всероссийским земским союзом только в Минске [18, с. 375; 19, с. 9, 11].

В прессе экономических органов БССР и Республики Беларусь можно проследить традиции, заложенные рассмотренной прессой ССРБ и Литбел: учредителями изданий – журналов и бюллетеней – являются несколько экономических органов, при этом в состав редколлегии входят государственные деятели, прежде всего руководители профильных министерств и ведомств. Прессой разъясняются особенности разработки и реализации государственной экономической политики, освещается деятельность экономических органов, рассматриваются современное состояние и перспективы развития народного хозяйства, в том числе в региональном разрезе. Кроме того, издания стремятся наладить обратную связь с читателями, а в качестве авторов широко представлены профильные специалисты.

Значение изданий, исследующих особенности и вырабатывающих перспективы развития экономики республики, осознавалось на всех этапах национально-государственного строительства. Уже в 1922 г. ЭКОСО БССР приступило к изданию журнала «Народное хозяйство Беларуси», в 1920–30-е гг. Госплан БССР издавал журналы «Советское строительство» и «Социалистическое строительство». В 1950–80-е гг. СНХ и Госпланом издавались бюллетень и журнал «Промышленность Белоруссии», Госпланом – журнал

«Народное хозяйство Белоруссии»; в конце 1980-х и в первой половине 1990-х гг. Госпланом, его преемником – Госэкономпланом, затем Советом (Кабинетом) Министров Республики Беларусь издавался журнал «Человек и экономика» [4; 5].

В настоящее время (с 2004 г.) изданием, комплексно рассматривающим особенности экономического развития Республики Беларусь, является журнал «Экономика Беларуси», основателем которого является Совет Министров, учредителями – республиканские министерства экономики, финансов, иностранных дел, а также РУП «БелТА».

Заклучение

Издававшиеся в сложных политических и экономических условиях журнал «Экономическая жизнь» и «Бюллетень Высшего Совета Народного Хозяйства Советской Социалистической Республики Литвы и Белоруссии» стояли у истоков ведомственной прессы экономических органов Беларуси, определив особенности, которые получают развитие в 1920–30-е, 1950–90-е гг., а также с середины 2000-х гг. К ним относятся выступающие в качестве учредителей несколько профильных органов и их руководящий состав в составе редколлегий. Также характерно широкое привлечение специалистов к созданию материалов и активное взаимодействие с аудиторией. Данным изданиям отводилась и продолжает отводиться ведущая роль в исследовании особенностей функционирования народного хозяйства и в коммуникации между органами управления экономикой, работниками предприятий, профильными специалистами.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Кривоносов, А. Д.** «Иные СМИ»: к постановке проблемы / А. Д. Кривоносов, Ю. В. Чемякин // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 9, Филология. Востоковедение. Журналистика. – 2010. – № 2. – С. 188–195.
2. Петришенко: не надо ограничивать тематику ведомственных СМИ узкопрофессиональными вопросами [Электронный ресурс] // БЕЛТА : новости Беларуси. – Режим доступа: <https://www.belta.by/society/view/petrishenko-nenado-ogranichivat-tematiku-vedomstvennyh-smi-uzkoprofessionalnymi-voprosami-485385-2022/>. – Дата доступа: 25.11.2022.
3. **Марцелев, С. В.** На путях строительства социализма: Печать Белоруссии в 1926–1937 гг. / С. В. Марцелев. – Минск : Беларусь, 1972. – 312 с.
4. **Дерюжин, Р. В.** Развитие прессы органов управления народным хозяйством БССР (1920–1980-е гг.) / Р. В. Дерюжин // Вестн. Магілёўскага дзярж. ун-та. Сер. А, Гуманітар. навукі (гісторыя, філасофія, філалогія). – 2020. – № 1. – С. 125–128.
5. **Дерюжин, Р. В.** Пресса органов управления экономикой БССР (1920–1990-е гг.) / Р. В. Дерюжин // Проблемы массовой коммуникации : мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. исследователей и преподавателей журналистики, рекламы и связей с общественностью, Воронеж, 14–16 мая 2020 г. / Воронеж. гос. ун-т, под общ. ред. проф. В. В. Тулупова. – Воронеж: ВГУ, 2020. – Ч. 2. – С. 97–99.
6. **Ходзін, С. М.** Беларуская вёска ў міжваенны час: шляхі і формы савецкай мадэрнізацыі (1921–1939) / С. М. Ходзін. – Мінск : БДУ, 2014. – 240 с.
7. **Сасим, А. М.** Промышленность Беларуси в условиях реформирования и стагнации (1953–1985 гг.) / А. М. Сасим. – Минск : Эксперспектива, 2009. – 243 с.
8. **Дерюжин, Р. В.** Пресса в формировании приоритетов экономического развития БССР (1920–1930-е гг.) / Р. В. Дерюжин // Журнал Белорус. гос. ун-та. Журналистика. Педагогика. – 2021. – № 1. – С. 76–81.
9. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1919 г. – М. : Управ. Дел. Совнарк. СССР, 1943. – 886 с.
10. **Сильченко, Н. В.** Правовая природа актов органов, выполнявших функции правительства Белорусской ССР в 1919–1922 гг. / Н. В. Сильченко, Р. Р. Байтасов // Право и демократия: сб. науч. тр. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: В. Н. Бибило (гл. ред.) и др. – Минск : Право и экономика, 1998. – Вып. 9. – С. 74–83.
11. **Волк, А. А.** Книгоиздательское дело в Белоруссии: исторический очерк / А. А. Волк, А. И. Ракович. – Минск : Изд-во БГУ, 1977. – 278 с.
12. **Боголейша, С. В.** Деятельность правительства Литовско-Белорусской ССР в области внутренней и внешней политики / С. В. Боголейша // Советский этап в истории Беларуси : сб. науч. ст. участников Респ. научно-теоретич. конф., Минск, 5 декабря 2019 г.; редкол.: В. А. Бобков [и др.]. – Минск : БНТУ, 2019. – С. 17–26.
13. Экономическая жизнь. – 1919. – № 2–3. – С. 2.
14. Экономическая жизнь. – 1919. – № 2–3. – С. 70.
15. Экономическая жизнь. – 1919. – № 4. – С. 2.
16. **Стральцоў, Б. В.** Асноўныя творчыя метады ў журналістыцы / Б. В. Стральцоў. – Мінск : БДУ, 2000. – 71 с.

17. Бюллетень Высшего Совета Народного Хозяйства Советской Социалистической Республики Литвы и Белоруссии. – 1919. – № 1. – С. 2.

18. *Шоломицкая, Т. Л.* Земская печать Беларуси в системе местного самоуправления (1911–1918 гг.) / Т. Л. Шоломицкая // Журналистыка–2008: стан, праблемы і перспектывы : матэрыялы 10-й Міжнар. навук.-практ. канф., Мінск, 11–12 сн. 2008 г. / Беларус. дзярж. ун-т ; рэдкал.: С. В. Дубовік (адк. рэд.) [і інш.]. – Вып. 10. – Мінск : БДУ, 2008. – С. 375–377.

19. *Шоломицкая, Т. Л.* Земская печать Беларуси в системе местного самоуправления (1911–1918 гг.) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.10 / Т. Л. Шоломицкая ; Беларус. гос. ун-т. – Минск, 2016. – 22 с.

Deryuzhin R. V. DEPARTMENTAL PRESS OF ECONOMIC BODIES SSRB AND LITBEL

The journal «Economic Life» and «The Bulletin of the Supreme Council of the National Economy of the Soviet Socialist Republic of Lithuania and Belarus» – departmental publications of the economic bodies of the SSRB and SSR LiB are investigated. The conditions and features of the press activity, its content, and the composition of editorial teams are revealed. The connection of these publications with the departmental press of the economic management bodies of the BSSR and the Republic of Belarus is emphasized.

Keywords: press, journal, bulletin, economy, government agency.

Поступила в редакцию 28.06.2023 г.

Контакты: romanderrt@mail.ru (Дерюжин Роман Викторович).

УДК 811.161.3'42:33

ТЕРМИНОЛОГИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО МЕДИЙНОГО ДИСКУРСА В ФУНКЦИОНАЛЬНОМ АСПЕКТЕ

Е. Е. Иванов

преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин
Могилевский институт МВД
аспирант кафедры теоретической и прикладной лингвистики
Минский государственный лингвистический университет

В статье рассмотрены основные функции экономического медийного дискурса, предложены принципы классификации терминов, классифицирована экономическая терминология белорусскоязычного дискурса газеты «Звязда» по степени ее образности и терминологизированности. Установлена взаимосвязь между выявленными категориями экономических терминов и функциями экономического медийного дискурса.

Ключевые слова: дискурс, экономический медийный дискурс, терминология, термин, информативная функция, образовательная функция, воздействующая функция.

Введение

Экономика – это одна из стремительно реагирующих на любые изменения сфер человеческой деятельности. Любые локальные, а тем более глобальные изменения, происходящие в экономике страны и политической ситуации в регионе, приводят к качественным и количественным изменениям в лексическом составе экономического дискурса. Терминология как ключевая составляющая экономического дискурса также подвержена влиянию внешних факторов, что подчеркивает актуальность данного исследования. Целью статьи является классификация экономических терминов, встречающихся в экономическом медийном дискурсе, и описание соотношенности выявленных категорий с основными функциями такого типа дискурса. Объектом исследования выступает экономический дискурс белорусскоязычной газеты «Звязда». Экономическая терминология, используемая в данном дискурсе, представляет предмет исследования. Материалом исследования послужили аналитические статьи, заметки и комментарии из раздела «*Эканоміка*» белорусскоязычной газеты «Звязда», опубликованные в электронной версии газеты за 2022 год. В материалах раздела «*Эканоміка*» освещается широкий спектр экономических тем, поскольку в него

включены: анализ экономических преобразований в стране, сообщения о результатах фундаментальных и прикладных экономических изменений, структурной перестройке промышленности, сельского хозяйства и сферы услуг, информация о развитии экономической и социальной сферы страны с учетом реакций на внешние и внутренние общественно-политические события. В процессе работы применялись общенаучные методы исследования – описательно-аналитический, метод системного описания – а также метод функционального дискурс-анализа.

Основная часть

В данной статье «дискурс» понимается в рамках когнитивного подхода вслед за дефиницией, предложенной Н. Д. Арутюновой: дискурс – «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное, социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах). Дискурс – это речь, «погруженная в жизнь» [1, с. 136–137]. Однако, учитывая цель статьи, видится необходимым дополнить такое понимание дискурса трактовкой, которую предлагает Ю. С. Степанов: «Дискурс – это “язык в языке”, но представленный в виде особой социальной данности. Дискурс реально существует не в виде своей грамматики и своего лексикона, как язык просто. Дискурс существует прежде всего и главным образом в текстах, но таких, за которыми встает особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, особая семантика, – в конечном счете – особый мир» [2, с. 676].

Экономический дискурс рассматривается в статье как отдельный вид институционального дискурса. Такой системе координат соответствует предложенное Т. А. Евтушиной и

Н. А. Ковальской определение экономического дискурса как «совокупности речевых актов в сфере экономики, а также созданных профессионалами, неспециалистами и журналистами устных или письменных текстов, или их фрагментов, которые отображают реалии экономического мира» [3, с. 44].

Поскольку фактическим материалом исследования служат экономические тексты газеты «Звезда», очевидно, что в данном случае экономический дискурс пересекается с медийным. Приведем краткую характеристику текстов экономического медийного дискурса. Такие тексты обладают логичностью и стандартизованностью повествования, четким изложением фактов и событий, развернутой высказывания, официальностью, наличием большого количества терминов из экономической, общественно-политической и других терминологий [4, с. 21]. Всё это явные признаки научного стиля. Однако наравне с ними в текстах используются экспрессивные и эмоционально-оценочные приемы, которые реализуются посредством метафор, эпитетов, сравнений, использования клишированных выражений, жаргонизмов, языковой игры, фразеологии. С помощью эмоционально-оценочного компонента содержание таких текстов «легче усваивается и дольше хранится в памяти» [5, с. 391]. Считается, что еще одной важной характеристикой экономического медийного дискурса является образ автора или авторское «Я» [6]. Однако стоит отметить, что в составе фактического материала преобладают жанры заметки и комментария, которые в меньшей степени позволяют передать позицию автора. Таким образом, газетные тексты экономического дискурса, с одной стороны, обладают основными признаками специальных научных текстов, а с другой стороны – атрибутом публицистики. Соответственно, белорусскоязычный экономический дискурс газеты «Звезда» сочетает в себе черты двух функциональных стилей: научного и публицистического. Такой комбинированный (когнитивно-семиотический) подход к понятию экономического медийного дискурса позволяет сформировать целостное представление об объекте исследования.

Существуют различные подходы к определению функций экономического медийного дискурса. Рассматривая экономический дискурс, представленный в текстах газеты «Звезда» как разновидность медийного дискурса, в первую очередь нужно рассматривать

функции медиадискурса. Е. В. Сажина предлагает относить к главным функциям медиадискурса информационную и воздействующую. При этом автор отмечает, что «информационная функция в чистом виде встречается редко, поскольку любая информация, даже кажущаяся на первый взгляд максимально нейтральной, оказывает то или иное воздействие на адресата, поэтому воздействующая функция всегда в той или иной степени присутствует в медийном дискурсе» [7, с. 13]. Согласно мнению Т. Г. Добросклонской, выделяются такие функции экономического медийного дискурса, как информативная, развлекательная, образовательная, рекламная и идеологическая [8, с. 21]. Е. Г. Петушинская во многом принимает точку зрения Т. Г. Добросклонской и говорит об информативной, образовательной, рекламной и идеологической функциях экономического медийного дискурса [9, с. 8]. Однако лингвист не включает в перечень функций развлекательную, что видится закономерным решением, если жанровая принадлежность фактического материала исследования не предполагает реализацию такой функции. В своем исследовании мы возьмем за основу подход Е. Г. Петушинской, но вместо «рекламной функции» будем употреблять термин Е. В. Сажиной «воздействующая функция», поскольку он шире по значению и позволяет объединить разные типы воздействия. Информативная функция предполагает сообщение адресатам дискурса актуальной информации о положении дел в экономике, о значимых мировых либо национальных, региональных событиях в данной сфере. Образовательная функция позволяет распространить знания об экономике, пояснить значимость либо смысл событий, раскрыть значение узкоспециализированных понятий. Воздействующая функция с семантической точки зрения включает в себя рекламную функцию и в целом заключается в навязывании предложенной автором системы ценностей. Под идеологической функцией также подразумевается воздействие на читателя, но, в отличие от предыдущей функции, адресату предлагается воспринимать информацию согласно политическим координатам адресанта. На основании ранее определенных функций экономического медийного дискурса могут быть сформулированы его цели: информировать адресата дискурса о фактах и событиях в сфере мировой, государственной, региональной экономики; дать знания об экономике; призвать к совершению определенных дей-

ствий, сформировать у адресата картину мира, соответствующую идеологическим ценностям автора дискурса.

Независимо от сферы функционирования и пересечений с другими типами дискурсов ключевым компонентом экономического дискурса выступает терминология. Среди ученых-лингвистов до настоящего времени не существует согласованного мнения о единственно верном определении таких понятий, как «термин» и «терминология». Для снятия противоречий в данной статье термином будет считаться средство выражения понятия, которое является самостоятельной языковой единицей. Такое понимание термина согласуется с мнением Д. С. Лотте, М. Н. Володиной, В. М. Лейчика, С. Д. Шелова и находит отражение в их трудах. Под терминологией, в свою очередь, будет пониматься стихийно формирующаяся совокупность языковых единиц, в полной мере отражающая набор понятий из отдельно взятой предметной области. Понятие терминологии противопоставляется понятию терминосистемы, которое, по сути, есть упорядоченный, классифицированный и систематизированный набор терминов отдельной области знания. Такой подход отражен в работах В. М. Лейчика [10, с. 106–116] и Р. Ю. Кобриня [11, с. 3]. Важно отметить, что терминология представляет собой в языке частную и обособленную общность языковых знаков. Однако отдельные термины могут стать широко известными с содержательной точки зрения, и тогда само понятие, обозначаемое термином, становится компонентом общеупотребительной лексики, не переставая оставаться термином. Процесс «частичной» детерминологизации является универсальным и характерен для терминов из других областей знания. Данный процесс интенсифицирован в медийном дискурсе, поскольку характер и цели этого типа дискурса подразумевают «упрощение» текстов для простоты восприятия. Это может стать «проблемным местом» любого исследования, в котором терминология является предметом изучения. Е. Г. Петушинская предлагает следующее решение такой трудности: использовать наравне с понятием «экономический термин» условных понятий «экономическая лексика», «экономические слова», «слова или выражения с экономическим смыслом». Также автор предлагает классификацию таких лексических единиц на: «популярные» экономические термины; «популярные экономические термины, использующиеся в определенных

ситуациях повседневной жизни; специальные (профессиональные) экономические термины; специальные термины, созданные непосредственно для конкретного текста; клишированные выражения, в основе которых лежат стертые метафоры; экономический жаргон; аббревиатуры; фразеологические единицы с экономической коннотацией [9, с. 12]. Однако предложенная классификация, на наш взгляд, требует доработки, поскольку ей присущ ряд противоречий. Например, не ясен принцип дифференциации терминов на «популярные экономические термины» и «популярные экономические термины, использующиеся в определенных ситуациях повседневной жизни». Видится неправомерным выделение аббревиатур в отдельную категорию экономической лексики, поскольку аббревиатуры по классификации Б. Н. Головина являются видом терминов [12, с. 70].

На наш взгляд, классификацию «экономической лексики» можно представить следующим образом:

1. Общеупотребительные экономические термины. К данной категории будут относиться как общеупотребительные слова, получившие дополнительное терминологизированное значение, так и те узкоспециальные экономические термины, которые в процессе «детерминологизации» вошли в состав общеупотребительной лексики. Например: *рынок, гандаль, біржа, товари, прадуця, таргі, інвестиції, даход* и др.

2. Специальные (профессиональные) экономические термины. К данной категории относятся узкоспециальные термины, которые включены в специализированные словари. Например: *базавая стаўка, фіскальная палітыка, брокер, падатковы кодэкс, бюджэт пражытачнага мінімуму (БПМ)*.

3. Устойчивые слова и выражения, обладающие ярко выраженной экономической коннотацией. К данной категории предлагается относить авторские термины или окказионализмы, клишированные выражения на основе стертых метафор, экономические профессионализмы и жаргонизмы, фразеологические единицы с экономическим значением. Например: *аввал долара, умацаванне рубля, патэнцыйныя рынкі, кароткія грошы, «зялёныя», гульня ў аблігацыі, заробак у «канвертах», рух грашовых сродкаў, скок цэн, дэпазітне рэчышча, хапун*.

Все перечисленные категории экономической терминологии используются для ре-

лизации рассмотренных выше функций экономического медийного дискурса. Однако при детальном анализе может быть установлена взаимосвязь между категорией терминов и превалирующей функцией дискурса, которую они реализуют.

Так, общеупотребительные экономические термины в равной степени выполняют информативную и образовательную функции экономического медийного дискурса. Например, в предложении *«Акрамя таго, за разлік карткай вяртаецца манібэк – гэта значыць невялікая сума ад пакупкі»* (Звезда 07.02.2022) использованы три общеупотребительных экономических термина «разлік», «картка», «пакупка» и один специальный «манібэк». Первые два термина выполняют только информативную функцию, а последний («пакупка») выполняет еще и образовательную функцию, поскольку поясняет значение специального термина «манібэк». Воздействующая (рекламная) и идеологическая функции дискурса реализуются с помощью общеупотребительных терминов скорее факультативно, поскольку не содержат в себе дополнительных коннотаций и образности. *«Адзначаная ў кастрычніку дэфляцыя на ўзроўні 1 % фіксуецца ўпершыню з 1991 года. Стабільная і кіруемая сітуацыя і на рынку працы»* (Звезда 30.11.2022). В приведенном отрывке общеупотребительные термины могут быть заменены на любые другие, а воздействующая и идеологическая функции по-прежнему будут реализованы.

Специальные экономические термины в первую очередь реализуют образовательную функцию и знакомят адресатов дискурса с более узкими понятиями экономической сферы. В предложении *«Са студзеня гэтага года выраслі мінімальная зароботная плата, памер базавай стаўкі (ад яе залежыць зарплата бюджэтныхікаў), а таксама базавая велічыня, якая ўплывае на некаторыя стыпендыі, дапамогі, падаткі, штрафы і іншыя выплаты, у прыватнасці дапамогу беспрацоўным»* (Звезда 10.01.2022) используются три узкоспециальных термина «мінімальная зароботная плата», «базавая стаўка», «базавая велічыня». Первый из них не требует пояснения, поскольку его значение легко угадывается читателем, а два других сопровождаются комментариями. В то же самое время для специалиста в области экономики специальные термины будут выполнять исключительно информативную функцию. Как и в случае с категорией общеупотребительных терминов, рекламная и иде-

ологическая функции реализуются редко из-за отсутствия у таких терминов образного компонента. Однако стоит отметить, что специальные термины могут использоваться в рамках данных функций для создания «эффекта сглаживания» негативных явлений, как, например, в предложении: *«Рэнтабельнасць упала ў разы, але ...»* (Звезда 24.02.2022).

Третья категория – устойчивые слова и выражения, обладающие ярко выраженной экономической коннотацией – выполняют в основном воздействующую (рекламную) и идеологическую функции, поскольку обладают не только «экономическим смыслом», но и высокой степенью образности. *«Цэннік таннай двухпакёвай кватэры пачынаецца ў горадзе над Бугам з 120 долараў, а сярэдняя цана такога жэyllя роўная 150 «зялёных» у эквіваленце»* (Звезда 12.01.2022). *А, між іншым, менавіта ў верасні многія ўласнікі разлічвалі на максімальны «хапун»* (Звезда 26.10.2022). *Павышаная стаўка падаходнага падатку будзе прымяняцца ў дачыненні да заробку ў «канвертах», атрыманага фізічнымі асобамі з 1 студзеня 2022 года...»* (Звезда 04.01.2022). Информативная, как и образовательная, функции в данных примерах выполняются факультативно.

Заключение

Белорусскоязычный экономический медийный дискурс представляет собой важный объект для лингвистических исследований, поскольку отражает и динамику развития терминологии белорусского языка, и тенденции в экономике белорусского государства. В результате исследования терминология белорусскоязычного экономического медийного дискурса была классифицирована по степени терминологизированности и наличию образного компонента. Была установлена взаимосвязь между выявленными категориями экономических терминов и функциями экономического медийного дискурса. Так, «общеупотребительные экономические термины» в большей степени выполняют информативную и образовательную функции экономического дискурса и лишь косвенно участвуют в реализации воздействующей и идеологической функций. Для массового читателя «специальные экономические термины» реализуют образовательную функцию, а для специалистов в области экономики – информативную. В рамках воздействующей и рекламной функций эта категория терминов может быть использована для

создания «эффекта сглаживания» негативной информации. А «устойчивые слова и выражения, обладающие ярко выраженной экономической коннотацией», являются основным инструментом реализации воздействующей и идеологической функций из-за присущей им высокой степени образности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Арутюнова, Н. Д.* Дискурс / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. – М. : Сов. энци., 1990. – С. 136–137.
2. *Степанов Ю. С.* Язык и метод: к современной философии языка / Ю. С. Степанов – М. : Языки русской культуры, 1998. – 784 с.
3. *Евтушина, Т. А.* Экономический дискурс как объект лингвистического исследования / Т. А. Евтушина, Н. А. Ковальская // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. Филология. Искусствоведение. – 2014. – № 6. – С. 42–46.
4. *Альгина, О. В.* Функционально-стилистические особенности английской газетной статьи в аспекте перевода : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / О. В. Альгина. – СПб., 2017. – 207 с.
5. *Почепцов, Г. Г.* Теория коммуникации / Г. Г. Почепцов. – М. : Рефлбук, К. : Ваклер. – 2001. – 656 с.
6. *Солганик Г. Я.* О специфике газетно-публицистической метафоры // Г. Я. Солганик // Журналистика и культура русской речи. – 2002. – № 2. – С. 36–82.
7. *Сажина Е. В.* Медиадискурс в современной лингвистической парадигме : сравнительно-сопоставительный аспект / Е. В. Сажина [и др.] ; под общ. ред. Е. В. Сажиной ; Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2021. – 165 с.
8. *Добросклонская Т. Г.* Вопросы изучения медиатекстов : опыт исследования современной

английской медиаречи / Т. Г. Добросклонская. – М. : УРСС Эдиториал, 2005. – 288 с.

9. *Петушинская, Е. Г.* Язык популярного экономического дискурса : на материале англоязычной публицистики : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Е. Г. Петушинская. – Коломна, 2008. – 212 с.

10. *Лейчик, В. М.* Терминоведение: предмет, методы, структура / В. М. Лейчик. – 4-е изд. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 256 с.

11. *Кобрин, Р. Ю.* О понятиях «терминология» и «терминологическая система» / Р. Ю. Кобрин // История отечественного терминоведения : в 3 т. / В. А. Татаринцов. – М. : Моск. Лицей, 2003. – Т. 3 : Аспекты и отрасли терминологических исследований (1973–1992). – С. 35–40.

12. *Головин, Б. Н.* Лингвистические основы учения о терминах : учеб. пособие для филол. спец. вузов / Б. Н. Головин, Р. Ю. Кобрин. – М. : Высшая школа, 1987. – 105 с.

Поступила в редакцию 5.10.2023 г.

Контакты: eugine91@list.ru (Иванов Евгений Евгеньевич).

Ivanov E. E. TERMINOLOGY IN ECONOMIC MEDIA DISCOURSE: FUNCTIONAL ASPECT

The article considers the main functions of economic media discourse, proposes the principles of terms classification, categorizes the terminology within the Belarusian economic media discourse of the newspaper "Zvyazda" according to the degree of its imagery and terminologization. The correlation between the detected categories of economic terms and the functions of economic media discourse has been established.

Keywords: discourse, economic media discourse, terminology, term, informative function, educational function, persuasive function.

Пераклад тэкстаў рэфератаў артыкулаў
на англійскую мову
Я. В. Рубанава

Тэхнічны рэдактар *А. Р. Роскач*
Камп'ютарны набор і вёрстка *С. А. Кірыльчык*
Карэктар *Г. В. Карянікова*

Падпісана да друку 09.04.2024 г.
Фармац 70x108¹/₁₆. Гарнітура Times New Roman.
Ум.-друк. арк. 10,2. Ул.-выд. арк. 12,6. Тыраж 40 экз. Заказ № 2652.

Установа адукацыі “Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт
імя А. А. Куляшова”, 212022, Магілёў, Касманаўтаў, 1.
Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вытворцы,
распаўсюджвальніка друкаваных выданняў № 1/131 ад 03.01.2014 г.

Унітарнае паліграфічнае камунальнае прадпрыемства
“Магілёўская абласная ўзбуйненая друкарня імя С. Собаля”
ЛП № 02330/23 ад 30.12.2013 г.
вул. Першамайская, 70, 212030, г. Магілёў